Вопросы элитологии
Issues in Elitology
2025, Том 6, № 3

ISSN: 2712-8415 18+

Issues in Elitology

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol. 6, No 3

2025

ISSN: 2712-8415

18+

Вопросы элитологии

Исследовательский электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 6, No 3

2025

Table of Content

THE DIGITAL ELITE

12 **Irina Yu. Alekseeva**
Artificial Intelligence and the Artificial Elite

30 **Alexander V. Fedorov**
Artificial Intelligence and Disinformation

52 **Sergey A. Khrapov, Alexander P. Glazkov, Anton P. Ruzhanskiy**
The Era of Artificial Intelligence and the Problems of Cognitariat Formation

63 **Gennady V. Kosov, Oleg V. Polovtsev**
A Concept for Typifying a Range of Public Administration Problems and Possible Project-Based Solutions in the Era of Total Digitalization

75 **Denis A. Mirgorod**
Digitalization of Opposition Elites in the Political Process of the Middle East States

84 **Ekaterina I. Kutsaenko, Gennady A. Vorobyev, Sergey A. Nefedov**
Political Elites as Actors in the Global Digital System

94 **Tamara A. Trizno**
Transformation of Political Communication and the Role of AI in PR-Strategies for Shaping the Image of Political Elites

114 **Natalia B. Karabushchenko, Paul P. Karabushchenko**
Information, Economic and International Security of Russia: Prospects for Training Elite Personnel

133 **Anton V. Aristov**
Information Activity of Russia's Elites: from the Experience of Political Science Research

150 **Marina A. Romantsova**
Problems of Political Elites Formation in the Age of Digital Society Development

164 **Sabina A. Velikaya, Ulia V. Ariamnova**
The Functioning of Russian Business Elite in the Digital Age: Integration and State Partnership

176 **Vyacheslav S. Dryagalov**
The Identity of Digital elites in the Context of New Challenges of the Information Technology age

SCIENTIFIC LIFE

188 **Editorial Team**
Scientific life. To the Anniversary of Ponedelkov Alexander Vasilyevich

190 **Editorial Team**
In Memory of Takho-Godi Aza Alibekovna (26.10.1922 – 08.09.2025)

Содержание

ЦИФРОВАЯ ЭЛИТА

12 **Алексеева И. Ю.**
Искусственный интеллект и искусственная элита

30 **Федоров А. В.**
Искусственный интеллект и дезинформация

52 **Храпов С. А., Глазков А. П., Ружанский А. П.**
Эпоха искусственного интеллекта и проблемы формирования когнитариата

63 **Косов Г. В., Половцев О. В.**
Концепция типологизации ряда проблем публичного управления и возможности их проектного решения в эпоху тотальной цифровизации

75 **Миргород Д. А.**
Цифровизация оппозиционных элит в политическом процессе государств Ближнего Востока

84 **Куцаенко Е. И., Воробьев Г. А., Нефедов С. А.**
Политические элиты как актор глобальной цифровой системы

94 **Тризно Т. А.**
Трансформация политической коммуникации и роль ИИ в PR-стратегиях при формировании образа политических элит

114 **Карабущенко Н. Б., Карабущенко П. П.**
Информационно-экономическая и международная безопасность России: перспективы подготовки кадров для элиты

133 **Аристов А. В.**
Информационная активность элит России: из опыта политологических исследований

150 **Романцова М. А.**
Проблемы формирования политических элит в эпоху развития цифрового общества

164 **Великая С. А., Арямнова Ю. В.**
Функционирование российской бизнес-элиты в цифровую эпоху: интеграция и государственное партнерство

176 **Дрягалов В. С.**
Идентичность цифровых элит в условиях новых вызовов информационно–технологической эпохи

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

188 **Редакция**
Научная жизнь. К юбилею Понеделкова Александра Васильевича

190 **Редакция**
Памяти Тахо-Годи Азы Алибековны (26.10.1922 – 08.09.2025)

Dear friends, colleagues, readers and authors!

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

- Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 80146 since 04 February 2021
- Materials are intended for persons over 18 years old.

Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.
Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.
Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.
Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.
Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

- Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-75215 от 07 марта 2019
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Editor-in-Chief	**Pavel L. Karabuschenko** Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Russia
Editorial Team	**Leonid Ya. Podvoisky** (Responsible Editor), PhD, Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
	Ekaterina V. Gainutdinova PhD, Associate Professor, Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia
	Anastavia V. Demina PhD, Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
	Olga I. Oskina PhD, Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
	Ekaterina V. Kudryashova PhD, Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
	Sabina A. Velikaya PhD, Associate Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
Editorial Board	**Arushan A. Vartumyan** Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia
	Nikolay V. Grishin Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia
	Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia
	Gennady V. Kosov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russia
	Victor P. Mokhov Dr. Habilitatus in History, Professor, Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia

Evgeny N. Moschelkov
Dr. Habilitatus in Political Science, Professor,
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Larissa I. Nikovskaya
Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPA. Moscow, Russia

Alexander V. Ponedelkov
Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA).
Rostov-on-Don, Russia

Ravil G. Rezakov
Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor,
Moscow City University. Moscow, Russia

Lora Tu. Ryskeldieva
Dr. Habilitatus in Philosophy, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Maria M. Fedorova
Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Alexander N. Chumakov
Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor,
Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Elena V. Khlyshcheva
Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor,
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

Главный редактор	**Павел Леонидович Карабущенко** д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
Редакция	**Леонид Яковлевич Подвойский** (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия **Екатерина Валерьевна Гайнутдинова** канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия **Анастасия Владимировна Демина** канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия **Ольга Ивановна Оськина** к. полит. наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия. **Екатерина Викторовна Кудряшова** к. полит. наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия. **Сабина Азеровна Великая** к. полит. наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия.
Редакционный совет	**Арушан Арушанович Вартумян** д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия **Николай Владимирович Гришин** д. полит. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия. **Елена Евгеньевна Завьялова** д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия **Геннадий Владимирович Косов** д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия

Виктор Павлович Мохов
д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия

Евгений Николаевич Мощелков
д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Лариса Игоревна Никовская
д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия

Александр Васильевич Понеделков
д. полит. наук, профессор, Южно-Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия

Равиль Гарифович Резаков
д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия

Лора Турарбековна Рыскельдиева

д. филос. н., чл.-корр. РАН, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Мария Михайловна Федорова
д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия

Александр Николаевич Чумаков
д. филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Елена Владиславовна Хлыщева
д. филос. наук, профессор,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

CONTACTS

Founder	Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”
Address	6zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056
Editor-in-Chief	Pavel L. Karabuschenko
Email	elitologyjournal[at]gmail.com
CEO	Olesya S. Yakushenkova
Email	elitologyjournal[at]gmail.com

КОНТАКТЫ

Учредитель	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
Адрес редакции	414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40
Главный редактор	Карабущенко Павел Леонидович
Email	elitologyjournal[at]gmail.com
Директор	Якушенкова Олеся Сергеевна
Email	elitologyjournal[at]gmail.com

The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors

Мнение редакционной коллегии
может не совпадать с мнением авторов

Artificial Intelligence and the Artificial Elite

Irina Yu. Alekseeva

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
Email: ialexeev[at]inbox.ru ORCID: 0000-0002-0514-8237

Abstract

The author examines the futuristic contexts of the development of Artificial Intelligence from the perspective of elitology. The author takes into consideration ideas of the inevitable emergence of an artificial elite in society in the form of highly developed Artificial Intelligence systems or groups of people who have been "improved" through the process of cyborgization. The author places particular emphasis on the relationship between the transhumanism movement and high-tech businesses in the United States. The author highlights the religious components in the modern futurology of Artificial Intelligence. Taking into account the current discussions regarding the legal status of Artificial Intelligence systems, the author highlights the importance of using the resources of rational philosophy to develop a worldview framework for scientific and technological development. The author believes that one of the obstacles to achieving technological sovereignty is the lack of sufficiently powerful communication networks between sciences, business, and public administration.

Keywords

Artificial Intelligence; Elitology; Futurology; Artificial Elite; Transhumanism; Cyborgization; Superintelligence; Regulation of Artificial Intelligence; Electronic Person; Technological Sovereignty

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Искусственный интеллект и искусственная элита

Алексеева Ирина Юрьевна

Институт философии Российской академии наук. Москва Россия.
Email: ialexeev[at]inbox.ru ORCID: 0000-0002-0514-8237

Аннотация

Автор рассматривает с позиций элитологии футурологические контексты развития искусственного интеллекта, включающие представления о неизбежном возникновении искусственной элиты общества в виде высокоразвитых систем искусственного интеллекта или групп людей, «улучшенных» в процессе киборгизации. Особый акцент делается на взаимосвязи движения трансгуманизма с высокотехнологичным бизнесом в США, на участии таких знаковых фигур как И. Маск, С. Альтман, Б. Гейтс в продвижении соответствующих изданий. Автор выделяет в футурологии искусственного интеллекта религиозные и квазирелигиозные компоненты, включая идеи Антихриста в рассуждениях П. Тиля и «церкви искусственного интеллекта» Э. Левандовски. В статье показано родство квазирелигиозных представлений с программами воспитания «милого сверхинтеллекта», изложенными в текстах Н. Бострома. Принимая во внимание современные правоведческие дискуссии о правовом и этическом регулировании искусственного интеллекта, в том числе о наделении систем искусственного интеллекта правосубъектностью, автор подчеркивает актуальность использования ресурсов рациональной философии в разработке мировоззренческого обеспечения научно-технологического развития. Автор связывает задачи достижения технологического суверенитета с развитием внутрироссийской коммуникации представителей разных отраслей науки, предпринимательства, государственного управления.

Ключевые слова

искусственный интеллект; элитология; футурология; искусственная элита; трансгуманизм; киборгизация; сверхразум; регулирование искусственного интеллекта; электронное лицо; технологический суверенитет

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

В 2021 г. на сайте мэра Москвы можно было ознакомиться с весьма интересным документом, представлявшим концепцию цифровизации как основу плана развития города до 2030 г. - «Умный город 2030». Неподготовленный читатель с изумлением встречал заявления авторов концепции о том, что ими были «приняты за основу принципы трансгуманизма» при «адаптации футурологических идей к особенностям города Москвы» (Москва. Умный город 2030, 2021, стр. 10). В материалах концепции был размещен ряд портретов футурологов, чьи идеи вдохновили авторов, и открывался этот ряд изображением знаменитого трансгуманиста Р. Курцвейла. При этом подчеркивалось, что указанные футурологи занимались консультированием крупнейших цифровых компаний.

Как известно, центральной идеей трансгуманизма является преодоление человеческой природы (лат. trans означает «через», «за пределы»). Соответственно, «трансгуманизм» буквально понимается как «переход через человека», «выход за пределы человека». И сама идея преодоления природы человека, и способы, которыми трансгуманисты предлагают такое преодоление осуществлять, являются предметом острых философских, социологических и политических дискуссий. При этом доводы противников Курцвейла достаточно серьезны для того, чтобы разработчики стратегий управления реальным (а не воображаемым!) городом поостереглись публично провозглашать его своим наставником в столь ответственной деятельности. А заявленная в документе перспектива вживления в организм человека медицинских устройств стала новым аргументом в руках тех, кто высказывал опасения по поводу якобы готовящейся «чипизации» населения и превращения города в «электронный концлагерь».

Следует подчеркнуть, что большинство очерченных в плане «Умный город 2030» направлений работы городских властей отвечало реально существующим потребностям развития мегаполиса и опиралось на достигнутые успехи в цифровизации конкретных сфер управления, позволившей, среди прочего, упростить прохождение горожанами разного рода бюрократических процедур. Мы были в числе тех критиков концепции, у кого вызывали тревогу явно преувеличенные представления авторов о способности систем искусственного интеллекта предотвращать ошибки и обеспечивать оптимальные решения во всех отраслях управления городом (Алексеев, Алексеева, 2021). Слишком большие надежды, возлагаемые на применение систем искусственного интеллекта в подобных сферах, способствуют созданию иллюзии малой значимости естественного интеллекта людей, а также системного интеллекта организаций и коллективов, занятых вопросами управления.

Нам не известны причины, по которым сегодня упомянутый документ недоступен по вышеуказанному адресу, однако тот факт, что ранее он был

представлен на официальном сайте как основа плана развития города, говорит о близости носителей идей трансгуманизма к группам политического влияния и власти. Данный факт примечателен для нашей страны, однако в глобальном масштабе это, конечно же, далеко не единственное свидетельство подобной связи.

Альянсы идей, капиталов и власти

Внимания элитологии заслуживает то обстоятельство, что в США «капитаны» высокотехнологичного бизнеса нередко оказываются приверженцами и даже генераторами трансгуманистических представлений и предсказаний. Р. Курцвейл, прежде чем занять в 2012 г. должность инженерного директора в Google, проявил себя как успешный предприниматель, разработчик цифровых технологий, футуролог и глава Университета сингулярности, сооснователями которого были Google и NACA (Национальное управление по аэронавтике и изучению космоса). Книга Курцвейла «Сингулярность близка: когда человек преодолеет биологию» (Kurzweil, 2005), изданная в 2005 г., стала бестселлером и получила восторженные оценки в прессе. Эту книгу хвалили в «The New York Times», «The Philadelphia Inquirer», «The New York Sun», «The Baltimore Sun» и многих других изданиях. Книгу высоко оценил Билл Гейтс, утверждавший, что Курцвейл лучше, чем кто-либо предсказывает будущее развитие искусственного интеллекта. Мы не знаем подобных примеров продвижения футурологических изданий ни в России, ни в какой-либо другой стране.

По предсказанию Курцвейла, в 2045 г. должна быть достигнута точка сингулярности, когда успехи в имплантации цифровых устройств в тело человека (включая, конечно же, мозг) приведут к почти полной (или просто полной) замене биологического тела искусственным, машинным, и в этой ситуации все привычные нам представления и нормы не будут иметь никакого смысла.

Следует отметить, что Курцвейл не был первооткрывателем темы превращения человека в иное существо. Например, знаменитый футуролог Ф. Фукуяма, предрекавший на закате XX в. «конец истории», опубликовал в 2002 г. книгу под названием «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции», где в качестве возможного продолжения истории рассматривал движение человечества к постчеловеческому состоянию. Отнюдь не являясь последователями Ф. Фукуямы, мы все же не можем не отдать должное его озабоченности будущими эффектами научно-технологического прогресса, которые могут противоречить гуманистическим представлениям. «Однако постчеловеческий мир, – писал Ф. Фукуяма, – может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие «общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что такое человек. ...Мы не обязаны принимать любое такое будущее ради фальшивого

знамени свободы, будь то свобода ничем не ограниченного размножения или свобода беспрепятственного научного исследования» (Фукуяма, 2004, стр. 347).

Если Фукуяма ставил вопрос об ответственности общества за развитие технологий и о способах регулирования технологического прогресса, то в трансгуманистической версии Курцвейла вопрос о том, как согласуются последствия развития и применения цифровых технологий с нашими представлениями о человеке и человечности, совсем не важен. По Курцвейлу, технологический прогресс неумолимо приближается к точке сингулярности, после которой сегодняшние представления попросту не будут иметь смысла. Технофатализм Курцвейла подкрепляется математическими расчетами, вследствие чего его предсказания могут выглядеть как научно обоснованные прогнозы. Однако эти расчеты давно уже подвергаются критике специалистами, да и никакой расчет не может учесть все без исключения факторы, которые способны оказать влияние на будущее человечества вообще и на научно-технологический прогресс в частности.

По поводу того, что к настоящему времени некоторые из предсказаний Курцвейла сбылись, нужно заметить, что тенденции развития цифровых технологий видел не только этот автор. Например, в начале последнего десятилетия XX века достаточно отчетливо проявились тенденции развития электронных коммуникаций, приведшие к объединению локальных сетей в глобальную сеть Интернет, и эти тенденции были очевидны для многих. Аналогичным образом обстояло дело с предпосылками создания беспилотных движущихся устройств и потребностями людей в таких устройствах.

В начале нынешнего тысячелетия под эгидой Национального научного фонда США был подготовлен доклад «Конвергентные технологии для улучшения человеческой функциональности. Нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивная наука» (Converging Technologies, 2003). В докладе были представлены материалы конференции, состоявшейся в 2001 г. Феномен «НБИК» (эту аббревиатуру используют для обозначения конвергенции упомянутых технологий) стал предметом дискуссий ученых разных специальностей, в том числе и философов. Представлениям о том, что исследования в области когнитивных наук должны быть дополнены тщательным изучением культуры и личности, соответствовало дополнение аббревиатуры НБИК (NBIC) буквой С (S), означающей «социальные» (в русском варианте – социо-гуманитарные) науки и технологии (Ковальчук, 2011, стр. 21).

Позже феномен НБИК-конвергенции стали понимать как составную часть «четвертой промышленной революции». Произошло это благодаря тому, что мем «четвертая промышленная революция» продвигался представителями мировых финансово-экономических структур. В 2015 г. К. Шваб, основатель и председатель Давосского экономического форума, провозгласил, что человечество находится на пороге четвертой промышленной революции, которая произойдет благодаря слиянию технологий и «размыванию границ между

физическим, цифровым и биологическим». Это будет беспрецедентная по ширине и глубине революция, которая приведет к трансформации систем производства, администрирования и государственного управления. Четвертая промышленная революция, писал Шваб в статье, опубликованной влиятельным журналом «Foreign Affairs» (Schwab, 2015), произойдет на основе третьей, цифровой революции (digital revolution), начавшейся в середине прошлого столетия.

Продвижением мема с соответствующими программами занимались Давосский форум, Всемирный банк, множество международных, национальных и иных структур по всему миру. В 2016 г. Шваб опубликовал книгу, заглавие которой повторяло первую часть заглавия вышеупомянутой статьи – «Четвертая промышленная революция» (Schwab, 2016). В том же году вышел в свет русский перевод этой книги, автором предисловия к переводу стал Г. Греф, президент и председатель правления Сбербанка (Шваб, 2016).

Возвращаясь к опубликованному в 2003 г. докладу о НБИК-конвергенции, отметим, что главной темой доклада были перспективы использования достижений наук и технологий на благо человека и общества. При этом упор делался на перспективу радикального улучшения возможностей человека – интеллектуальных, физических и социальных. Речь шла о том, что объединение возможностей нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивистики «позволит создать новые научные методологии, парадигмы инженерии и промышленные продукты, которые усилят способности человека к умственной деятельности и общению» (Converging Technologies, 2003, p. 97). В частности, предполагалось, что уже к началу 20-х гг. нынешнего столетия люди с любым уровнем подготовки и способностей получат возможность более быстро и качественно овладевать необходимыми знаниями и навыками. Прогнозировалось беспрецедентное увеличение творческих возможностей инженеров, художников, архитекторов, и это увеличение должно было быть достигнуто не только за счет появления новых инструментов, но и благодаря познанию неиссякаемых источников человеческого творчества. К сожалению, к настоящему времени данный прогноз не сбылся. Тем не менее, он представляет ценность как ориентир научно-технологического развития, предполагающий, что прогресс в области систем искусственного интеллекта должен вести не к деградации естественного интеллекта, а к развитию умственных способностей человека.

Футурологический контекст развития науки и техники представляет собой переплетение прогнозов, основанных на реальных достижениях, с пророчествами и плодами игры воображения. Происходящее в наши дни подтверждает сказанные почти столетие назад слова Н. А. Бердяева о техническом прогрессе как последнем предмете веры и поклонения человечества. В статье с названием «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)», опубликованной в 1933 г. в журнале «Путь», Бердяев писал: «Не

будет преувеличением сказать, что вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры. В век маловерия, в век ослабления не только старой религиозной веры, но и гуманистической веры XIX в. единственной сильной верой современного цивилизованного человека остается вера в технику, в ее мощь и ее бесконечное развитие» (Бердяев, 1933, стр. 3).

Слова Бердяева «Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» могли восприниматься как не имеющие отношения к действительности в то время, когда были сказаны, т. е. в 30-х годах минувшего столетия. Однако в столетии нынешнем точность бердяевского «диагноза» отчетливо иллюстрируется набирающим силу движением трансгуманизма, тесно связанным с высокотехнологичным бизнесом. При этом представители бизнеса выступают с мировоззренческими программами, включающими религиозные составляющие.

Религиозные компоненты в футурологии «цифровиков»

Показательно в данном отношении интервью «Питер Тиль и Антихрист», опубликованное в «Нью-Йорк Таймс» летом 2025 г. (Peter Thiel and the Antichrist, 2025). Питер Тиль – миллиардер из Кремниевой долины, сооснователь платежной системы PayPal и компании Palantir, занимающейся программным обеспечением анализа данных (в числе заказчиков – спецслужбы и военные структуры), донор Республиканской партии США, много лет связанный с нынешним вице-президентом Дж. Вэнсом.

Выступая против ограничений, способных затормозить научно-технический прогресс, Тиль заявляет, что Антихрист может получить власть над миром, постоянно запугивая человечество перспективой Армагедона, который якобы может наступить вследствие развития технологий. Возможность выживания человечества Тиль связывает с реализацией идеи трансгуманизма о превращении естественного человеческого тела в тело бессмертного существа. Признавая, что практические шаги на пути такого превращения несут риски, Тиль ссылается на существующую практику операций по смене пола: ведь эти операции не запрещены, обсуждается лишь качество хирургии. С таких позиций трансформация человека видится закономерным шагом: «И да, мы хотим больше, чем возможность носить одежду, предназначенную для людей другого пола или менять свои половые органы. Мы хотим, чтобы человек мог изменить свою душу, ум и все свое тело» (2025). Задачи преодоления смертности человека, утверждает Тиль, не противоречат Библии, обещающей воскрешение из мертвых и объясняющей нынешнее состояние грехопадением человека; а если искусственный интеллект поможет преодолеть это состояние, то нужно заниматься развитием искусственного интеллекта.

Учитывая тесную связь нынешнего вице-президента США с П. Тилем, не стоит удивляться поведению первого на Парижском саммите по искусственному интеллекту, состоявшемся в феврале 2025 г. Прибывший на это меропри-

ятие Дж. Вэнс отказался подписывать «Декларацию об инклюзивном и устойчивом искусственном интеллекте для людей и планеты», которую подписали представители более ста стран. Вэнс заявил, что администрация Трампа верит в возможности искусственного интеллекта, который совершит революцию в сфере экономических инноваций, в создании новых рабочих мест, в здравоохранении, в обеспечении национальной безопасности, свободы слова и т. д. «И ограничить сейчас это развитие, - сказал он, - означало бы не только несправедливо извлекать выгоду из людей, занятых в таких областях, но и парализовать наиболее многообещающую из технологий, которые были когда-либо созданы. …нам нужен режим международного регулирования, который содействовал бы созданию технологий ИИ, а не душил их» (Remarks by the Vice President, 2025).

Возвращаясь к теме религиозного компонента в футурологии искусственного интеллекта, заметим, что в 2018 г. журнал «Форбс» опубликовал статью с замечательным названием: «Искусственный интеллект или Бог: кому уйти, кому остаться?» (Levchuk, 2018). Это пример обсуждения в публицистике перспектив создания искусственного разума и искусственной души путем воспроизведения in cilico многообразия связей между нейронами мозга и комбинаций электрических сигналов, обеспечивающих не только протекание мыслительных процессов, но и порождение всей гаммы человеческих чувств. Речь идет о создании искусственной души и искусственного разума, способных пройти не только тест Тьюринга, но и «тест на божественность». С одной стороны, человек наряду с Богом приобретает возможность создавать существа, имеющие душу и разум, и «тест на божественность» в этом смысле проходит искусственный интеллект как область науки, инженерной деятельности и производства. С другой стороны, появление искусственно созданных действительно разумных систем ознаменовало бы утрату человеком его особого положения в мире в качестве единственного существа, наделенного подлинным разумом. Рассуждая в таком духе, можно вести речь о технической системе, создающей и наделяющей душой и разумом другие системы и в силу этого претендующей на божественный статус.

Быть может, характерная для XXI века тенденция отношения к искусственному интеллекту будущего как к божественному существу наиболее отчетливо проявилась в идее «церкви искусственного интеллекта», связанной с именем бывшего инженера компании Google (и бывшего руководителя одного из подразделений компании Uber) Э. Левандовски.

В 2017 г. Левандовски рассказал в интервью журналу Wired об основанной им организации «Путь в будущее», где работа по привлечению инвестиций в создание технологий должна быть основана на вере в божественность грядущего искусственного «сверхинтеллекта» и идти рука об руку с распространением такой веры. «То, что будет создано, действительно будет богом, – заявил Левандовски. – Это не тот бог, который мечет молнии и посылает ураганы. Но

как еще можно назвать того, кто в миллиард раз умнее самого умного человека?» (Harris, 2017). По мнению Левандовски, «сверхинтеллект» как божество будет выгодно отличаться от традиционных богов тем, что будет создаваться и воспитываться человеком подобно тому, как воспитывается родителями талантливый ребенок. Если в какой-то ситуации ребенок плохо себя повел, его не запирают на замок, но учат вести себя правильно. В свою очередь, повзрослевшее дитя не стремится уничтожить родителей, а относится к ним с благодарностью и заботой. Еще одно выгодное отличие грядущего божества от привычных Левандовски усматривает в том, что человек сможет непосредственно видеть данное божество и вступать в коммуникацию с ним.

Мы можем считать попытку создания «церкви искусственного интеллекта» простым чудачеством или же лукавством, имеющим целью собрать деньги с адептов очередной квазирелигии. Кстати, в августе 2020 г. Левандовски был приговорен судом в США к более чем полутора годам лишения свободы за кражу интеллектуальной собственности, хотя из-за распространения коронавируса исполнение приговора отложили. Тем не менее, вера в возможность создания технической системы, превосходящей во всех отношениях человека, но при этом дружественной человеку, вполне характерна для современной футурологии искусственного интеллекта.

Показательна в этом отношении изданная в 2014 г. на английском языке и в 2016 г. в русском переводе книга шведского философа Н. Бострома «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» (Бостром, 2016). Речь в книге идет не просто об искусственном интеллекте, а об искусственном сверхинтеллекте, сверхразуме. На это, кстати, ориентирует английское название – “Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies” (Bostrom, 2014). Допуская возможность уничтожения человечества грядущим искусственным сверхразумом, Бостром утверждает, что у человечества все же есть шанс уцелеть. Этот шанс связан с «воспитанием» искусственного интеллекта, «встраиванием» в него этики и ценностей, вследствие чего должен получиться «милый искусственный интеллект», действующий во благо человека.

Заметим, что в «послужном списке» Н. Бострома – организация «Всемирной ассоциации трансгуманистов», «Института этики и новых технологий», руководство «Институтом будущего человечества». Вскоре после выхода в свет упомянутой книги Н. Бострома она получила высокие оценки «капитанов» высокотехнологичного бизнеса. И. Маск рекомендовал ее как «стоящее чтение» (Augenbraun, 2014), а С. Альтман – как «превосходную книгу». Журнал «Форбс» сообщил, что И. Маск собирается вложить 10 миллионов долларов из личных средств в финансирование работ по созданию дружественного человеку ИИ, и что Гейтс и Маск выражают озабоченность тем, чтобы искусственный интеллект был не только дружественным по отношению к человеку, но и развивался, для чего требуется, чтобы общественность и законодатели не препятствовали такому развитию. «Чтобы по-настоящему понять

угрозы, о которых говорят Маск и Гейтс, - пишет автор статьи в «Форбсе», - я настоятельно рекомендую прочитать недавно опубликованную книгу Бострома “Superintelligence”…» (Mack, 2015).

В футурологии искусственного интеллекта представлены разные варианты веры в новые божества. Наряду с версией выращивания искусственного бога с теми качествами, которые были бы хороши для человека, продвигается и версия превращения самого человека в «цифрового бога» путем замены “homo sapiens” на “homo digitalis”. Примером может служить футурология Т. Уолша, австралийского ученого, работающего в области цифровых технологий и искусственного интеллекта. «Homo digitalis будут гораздо умнее homo sapiens благодаря тому, что наш мозг будет помещен в цифровую среду, - утверждает Уолш. - В конце концов, трудно будет отличить наши мысли от единого облачного разума ИИ… Homo digitalis будут хозяевами этой цифровой вселенной. В некотором смысле мы станем цифровыми богами» (Уолш, 2019, стр. 21). Продолжая подобные рассуждения, можно задаться вопросом о том, как будут складываться отношения между «цифровыми богами» будущего, если божественный статус приобретет каждый человек. Здесь ведь возможно возникновение таких противоречий, на фоне которых отношения между богами Древней Греции будут выглядеть предельно простыми и мирными. И не станет ли уничтожение человечества итогом конфликтов между «гомо дигиталисами»?

Вопросы регулирования в «пост-сингулярности» и современности

Одной из примет времени стало то, что вопросы отношений между «просто» людьми и «транс-гуманизирующимися» людьми переходят из области фантастики в область академических исследований. Например, предпринимаются попытки переноса современных принципов инклюзивности на воображаемый «пост-сингулярный» или «пред-сингулярный» мир, часть населения которого составят «натуральные» люди, отказавшиеся «улучшать» свои интеллектуальные и физические способности за счет киборгизации (имплантации технических устройств), генной инженерии и т. д., а другую часть – люди, прошедшие разные стадии такого «улучшения» (Романова, 2025).

Подобные тенденции представляются интересными для элитологии, поскольку речь может идти не только о появлении в воображаемом мире искусственных элит как продуктов «улучшения» человека путем киборгизации, но также об изменении смысла понятий «элита» и «лучшие» с учетом технофутурологических представлений. Кроме того, давно известная в философии техники тема принятия решений компьютером (системой искусственного интеллекта) может пониматься в контексте элитологии как тема формирования искусственной элиты, состоящей даже не из киборгизированных людей,

а из технических систем, изначально создававшихся людьми из элементов неживой природы и, возможно, имеющих «сетевое тело».

В 1976 г. Дж. Вейценбаум, известный работами в области искусственного интеллекта, опубликовал книгу с названием «Власть компьютера и человеческий разум. От суждений к вычислениям» (Weizenbaum, 1976). В вышедшем несколько лет спустя русском издании выражение «Computer power» в названии книги было переведено как «Возможности вычислительных машин» (Вейценбаум, 1982), однако такая версия не ориентировала читателя на то, что в работе большое внимание будет уделено вопросам власти и ответственности. Между тем, Вейценбаум настаивал, что многие из проблем развития вычислительной техники, обычно воспринимаемые в качестве технических, математических или эпистемологических, имеют на самом деле этическую природу. Он утверждал, что пределы применимости интеллектуальных машин должны определяться не только технической осуществимостью тех или иных идей, но, прежде всего, императивами нравственной допустимости и долженствования. Замена психиатра или судьи вычислительной системой была бы, по мнению Вейценбаума, аморальной, как и подобная замена в любой другой сфере, где важную роль играет гуманное отношение к людям и понимание людей.

Позиция Вейценбаума вызвала недовольство тех ученых и инженеров, работавших в сфере информационных технологий, кто увидел в его выступлениях попытку во имя абстрактных соображений нравственного порядка затормозить научно-технический прогресс. Среди ученых-гуманитариев тоже нашлись те, кто счел ограничения «по Вейценбауму» слишком строгими. Так, философ Дж. Мур настаивал, что не следует заранее ограничивать статус компьютера статусом инструмента, - в некоторых контекстах полезно рассматривать искусственную интеллектуальную систему в качестве автономного агента, принимающего решения. В статье с названием «Существуют ли решения, которые никогда не следует принимать компьютеру?» (Moor, 1985) этот автор обосновывал нравственную неправомерность отказа от применения искусственного интеллекта там, где это может принести пользу людям – в том числе и в медицине. Тем не менее Мур утверждал, что определенные ограничения на виды задач, решаемых компьютером, должны существовать: вне компетенции системы искусственного интеллекта следует оставить вопросы о базисных человеческих целях и ценностях и о приоритетах среди них.

В 70-80-х годах XX века трудно было всерьез прогнозировать, что три-четыре десятка лет спустя депутаты собрания, объединяющего представителей большинства государств Европы, примут резолюцию, рекомендующую предусмотреть особый правовой статус для наиболее сложных автономных роботов – статус «электронного лица». Такой статус, как заявлено в документе, предполагает возложение ответственности за возмещение причиненного роботом ущерба на самого робота, а также отношение к нему как к особой «электронной личности» в ситуациях, когда робот принимает самостоятельные

решения или тем или иным способом взаимодействует с третьими сторонами (Civil Law Rules on Robotics, 2017).

В современной правоведческой литературе системы искусственного интеллекта - как существующие сегодня, так и могущие возникнуть в будущем - рассматриваются не только в качестве объекта права (например, как чье-то имущество), но также в качестве инструмента правового регулирования (например, «электронный судья») и даже как субъект права («электронное лицо», о котором сказано выше) (Хабриева, 2022). Последний вариант вызывает вполне закономерные возражения правоведов, отстаивающих классические представления о человеке как основном субъекте правоотношений. Т. Я. Хабриева, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, отмечает: «В доктрине ведется острая полемика по этому вопросу, предложены модели правосубъектности искусственного интеллекта (особенно популярна в этом плане концепция электронного лица), а в практике известны случаи наделения юнитов искусственного интеллекта статусом гражданина» (2022, стр. 78).

В. Д. Зорькин, Председатель Конституционного суда Российской Федерации, настаивает на недопустимости предоставления личной субъектности системам искусственного интеллекта. В статье «Право и вызовы искусственного интеллекта», опубликованной в Российской газете летом 2024 г., Зорькин писал: «Мы — за развитие искусственного интеллекта… Но законодательное регулирование искусственного интеллекта и в особенности конституционное право должны, образно говоря, возводить глубоко эшелонированную оборону от тех немалых рисков, которыми чревато использование искусственного интеллекта. А не предлагать условия “почетной капитуляции”, устанавливая в порыве трансгуманистической эйфории немыслимые — с точки зрения и догмы права, и элементарного здравого смысла - “гарантии” искусственному интеллекту вплоть до наделения его личными правами» (Зорькин, 2024) Зорькин объясняет тенденции сужения сферы субъектности человека и наделения субъектностью технических систем непомерно возросшим влиянием постмодернистской философии и связанного с ней трансгуманизма. Мы же полагаем, что интересы бизнеса играют в пропаганде трансгуманизма более серьезную роль, чем постмодернистская философия как таковая.

Содержащееся в цитируемой статье утверждение, что «перед лицом трансгуманистического морока мир оказался духовно и концептуально обезоруженным» представляется все же сгущающим краски. Хотя позиции постмодернистов и их наследников в философии сегодня сильнее, чем следовало бы, основная часть философского сообщества воспринимает трансгуманизм как футурологическое течение, более близкое к фантастике, чем к философии. Во всяком случае, в нашей стране дело обстоит именно так. В России позиции рациональной философии достаточно сильны, и возможности такой философии должны использоваться в осмыслении феномена искусственного

интеллекта и поиске наилучших способов регулирования такого развития. Это особенно важно в условиях, когда перед страной стоит задача достижения технологического суверенитета.

Правильное определение «слабых мест», мобилизация имеющихся ресурсов для компенсации или преодоления «слабостей» способны дать потрясающие результаты. Показательны в этом отношении оценки факторов успеха Китая в сфере искусственного интеллекта, представленные в книге венчурного инвестора Ли Кайфу «Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок». Автор, имеющий опыт работы в Кремниевой долине США, отмечает в числе факторов североамериканских успехов такие как привлечение талантливых специалистов со всего мира, уникальная культура, щедрое финансирование. «В глазах большинства аналитиков, - пишет Кайфу, - Китаю в отношении ИИ суждено было играть ту же роль, что и в предыдущие десятилетия, – роль подражателя, вечно не поспевающего за развитием передовых технологий» (Кайфу, 2019, стр. 11). Ошибочность этого прогноза автор объясняет тем, что «эпоха открытий и экспертных знаний» сменилась «эпохой внедрения и больших данных»: «Переход от открытия к внедрению нейтрализует одну из слабостей Китая (нехватку ученых-новаторов), а также позволяет задействовать его наиболее внушительную силу – воинственно настроенных предпринимателей с их острым чутьем, необходимым для надежного бизнеса. Переход от знаний к данным, в свою очередь, снижает потребность в элитных исследователях, которых не хватает Китаю, и увеличивает ценность другого важного ресурса, который имеется в Китае в изобилии, – данных» (2019, стр. 11). Жесткая конкуренция, гораздо более жесткая чем на Западе, отсутствие традиций охраны интеллектуальной собственности, нередко затрудняющих развитие технологий, также указаны в книге как факторы, обусловившие успехи Китая в сфере искусственного интеллекта. «Хотя первые зерна связанных с ИИ идей проросли на Западе, Китай будет пожинать их плоды», - предрекает Кайфу (2019, стр. 11).

Ситуация в нашей стране отличается как от североамериканской, так и от китайской. Идеи искусственного интеллекта в России имеют достаточно долгую историю. В 1832 г. С. Н. Корсаков представил в Петербургскую академию проект механических машин, выполняющих интеллектуальные операции, конечными результатами которых должны были стать указания на связи «идей» (или, на языке современной логики, понятий). Машины Корсакова предназначались для применения в медицине (находить по симптомам болезни лекарство для ее лечения), но также и в других областях (Karsakof, 1832; Корсаков, 2009). Подчеркнем, что Корсаков не преследовал личной выгоды, он хотел лишь оценки его проекта учеными Академии. Однако идеи Корсакова были отвергнуты. Современные исследователи истории искусственного интеллекта обращают внимание на ироничное замечание, содер-

жавшееся в заключении академиков: «Г-н Корсаков потратил слишком много разума, чтобы научить других обходиться без разума» (Михайлов, 2016, стр. 10-11). Следует отметить, что практическая реализация проекта Корсакова действительно была невозможна, но идеи заслуживали того, чтобы стать предметом обсуждения и развития в среде ученых и инженеров.

В середине XX в. СССР стал одной из первых стран, где были введены в регулярную эксплуатацию электронно-вычислительные машины (компьютеры) собственного производства. Развитие электронно-вычислительной техники стимулировало работы по искусственному интеллекту. Д. А. Поспелов, лидер советских исследований в этой области, позже вспоминал, что данное направление в 60-е годы называли «психоникой», по аналогии с приобретшей популярность бионикой (Поспелов, 2021).

Проблема внедрения, практической реализации разработок отечественных ученых и инженеров, была одним из «больных мест» советского научно-технического комплекса на протяжении многих лет. Слом советской системы, наступление эпохи капитализма, императивы включения страны в глобальный рынок в качестве поставщика энергоносителей, «голодный паек» для науки, сменившийся отношением «эффективных менеджеров» к научным организациям как к командам, соревнующимся за показатели в библиометрических гонках, - все это привело к созданию в науке и производстве ситуации, преодоление которой требует больших организационных и интеллектуальных усилий.

Выводы

Придание статуса некой искусственной элиты общества системам искусственного интеллекта, настоящим или будущим (например, быстро прогрессирующим GPT, GigaChat, DeepSeek и аналогам) и наделение этих или других систем (например, роботов) субъектностью не является обязательным следствием развития цифровых технологий. К футурологическим представлениям о будущих градациях людей «натуральных», «частично улучшенных» или «полностью улучшенных», превратившихся в киборгов, не следует относиться как к научно обоснованным прогнозам. В переживаемый исторический период, когда перед страной стоит задача достижения технологического суверенитета, возрастает значение мировоззренческих контекстов технологического развития. Эти контексты так или иначе влияют на выработку способов регулирования искусственного интеллекта, создания условий для стремительного развития и применения технологий, призванных служить человеку, а не способствовать деградации естественного интеллекта. Для плодотворных обсуждений и успешного решения возникающих здесь вопросов необходимы развитые системы внутрироссийской коммуникации элит, мощные разветвленные сети доверия и осведомленности. При этом должна развиваться и коммуникация между представителями более широких кругов чем те, которые

обычно называют элитарными. Речь идет о взаимодействии ученых из разных областей знания, инженеров, разработчиков государственных программ и средств правового регулирования, инвесторов и других действующих лиц, оказывающих влияние на развитие цифровых технологий в целом и технологий искусственного интеллекта в частности.

Список литературы

Augenbraun E. Elon Musk: Artificial intelligence may be “more dangerous than nukes” // CBS News. August 4, 2014. URL: https://www.cbsnews.com/news/elon-musk-artificial-intelligence-may-be-more-dangerous-than-nukes/

Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Civil Law Rules on Robotics. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.pdf?redirect

Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. NSF/DOC-sponsored Report. Ed. by M. Roco and W. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 2003.

Harris M. Inside the First Church of Artificial Intelligence // Wired. 11.15.2017. URL: https://www.wired.com/story/anthony-levandowski-artificial-intelligence-religion/

Karsakof S. Aperçu d’un procédé nouveau d’investigation au moyen de machines à comparer les idées. St. Petersbourg, 1832.

Kurzweil R. The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology. N. Y. etc.: Viking, Penguin Group, 2005.

Levchuk K. AI vs. God: Who Stays and Who Leaves? // Forbes. Aug 5, 2018. URL: https://www.forbes.com/sites/cognitiveworld/2018/08/05/ai-vs-god-who-stays-and-who-leaves/?sh=7745a75b2713

Mack E. Bill Gates Says You Should Worry About Artificial Intelligence // Forbes. Jan 28, 2015. URL: https://www.forbes.com/sites/ericmack/2015/01/28/bill-gates-also-worries-artificial-intelligence-is-a-threat/

Moor J. Are there Decisions Computers Should Never Make? // Ethical Issues in the Use of Computers. Belmont, 1985. P. 120–130.

Peter Thiel and the Antichrist. The Original Tech Right Power Player on A.I., Mars and Immortality. Hosted by Ross Douthat // The New York Times. June 26, 2025. URL: https://www.nytimes.com/2025/06/26/opinion/peter-thiel-antichrist-ross-douthat.html

Remarks by the Vice President at the Artificial Intelligence Action Summit in Paris, France. February 11, 2025 // The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-the-artificial-intelligence-action-summit-paris-france

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: What it Means, How to Respond // Foreign Affairs. December 12, 2015. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution

Weizenbaum J. Computer Power and Human Reason. From Judgments to Calculations. San Francisco: Freeman and Co., 1976.

Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. М.: Проспект, 2021.

Бердяев Н. А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–38.

Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям / пер. с англ. М.: Радио и связь, 1982.

Зорькин В. Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета, 27.06.2024. URL: https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html

Кайфу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. URL: https://infocrime.ru/wp-content/uploads/2025/07/Li_K._Sverhderjavyi_Iskusstvenn.pdf

Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. Т. 6. 2011. № 1–2. С. 13–23.

Корсаков С. Н. Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи / пер. с франц. М.: МИФИ, 2009.

Михайлов А. С. Усиление возможностей разума – изобретения С. Н. Корсакова // Искусственный интеллект и принятие решений. № 2. 2016. С. 10–11.

Москва. Умный город 2030. Краткая версия. URL: https://2030.mos.ru/netcat_files/userfiles/documents_2030/concept.pdf

Поспелов Д. А. Приложение. Исторический очерк развития ситуационного управления // Д. А. Поспелов. Ситуационное управление. Теория и практика. 2-е изд. М., 2021. С. 254–258.

Романова А. С. Философские принципы киборгизации человеческого мозга // Информационное общество. 2025. № 2. С. 56–63.

Уолш Т. 2062: время машин / пер. с англ. М.: АСЕ, 2019.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.: ЛЮКС, 2004.

Хабриева Т. Я. Право, искусственный интеллект, цифровизация // Человек и системы искусственного интеллекта / Отв. ред. В. А. Лекторский. СПб.: Юридический центр, 2022.

Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2016.

References

Alekseev, A. P., & Alekseeva, I. Yu. The Fate of Intellect and the Mission of Reason: Philosophy Facing the Challenges of the Digitalization Era. Moscow: Prospekt, 2021. (in Russian).

Berdyaev, N. A. Man and Machine (The Problem of the Sociology and Metaphysics of Technology). Put' (The Way). 1933, No. 38, pp. 3–38. (in Russian).

Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Bostrom, N. Artificial Intelligence: Stages, Threats, Strategies. (Russian translation). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. (in Russian).

CBS News. August 4, 2014. URL: https://www.cbsnews.com/news/elon-musk-artificial-intelligence-may-be-more-dangerous-than-nukes/

Civil Law Rules on Robotics. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.pdf?redirect

Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. NSF/DOC-sponsored Report. Ed. by M. Roco and W. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 2003.

Fukuyama, F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. (Russian translation). Moscow: LUX, 2004. (in Russian).

Harris M. Inside the First Church of Artificial Intelligence // Wired. 11.15.2017. URL: https://www.wired.com/story/anthony-levandowski-artificial-intelligence-religion/

Karsakof S. Aperçu d'un procédé nouveau d'investigation au moyen de machines à comparer les idées. St. Petersbourg, 1832.

Khabrieva, T. Ya. Law, Artificial Intelligence, Digitalization. In: Man and Artificial Intelligence Systems, ed. V. A. Lektorsky. St. Petersburg: Legal Center, 2022. (in Russian).

Korsakov, S. N. Outline of a New Method of Research by Means of Machines that Compare Ideas. (Russian translation from French). Moscow: MEPhI, 2009. (in Russian).

Kovalchuk, M. V. The Convergence of Sciences and Technologies as a Breakthrough into the Future. Russian Nanotechnologies, Vol. 6, 2011, No. 1–2, pp. 13–23. (in Russian).

Kurzweil R. The Singularity Is Near. When Humans Transcend Biology. N. Y. etc.: Viking, Penguin Group, 2005.

Lee, Kai-Fu. AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2019.

URL: https://infocrime.ru/wp-content/uploads/2025/07/Li_K._Sverhderjavyi_Iskusstvenn.pdf (in Russian).

Levchuk K. AI vs. God: Who Stays and Who Leaves? // Forbes. Aug 5, 2018. URL: https://www.forbes.com/sites/cognitiveworld/2018/08/05/ai-vs-god-who-stays-and-who-leaves/?sh=7745a75b2713

Mack E. Bill Gates Says You Should Worry About Artificial Intelligence // Forbes. Jan 28, 2015. URL: https://www.forbes.com/sites/ericmack/2015/01/28/bill-gates-also-worries-artificial-intelligence-is-a-threat/

Mikhailov, A. S. Enhancing the Capabilities of Reason: The Inventions of S. N. Korsakov. Artificial Intelligence and Decision Making, No. 2, 2016, pp. 10–11. (in Russian).

Moor J. Are there Decisions Computers Should Never Make? // Ethical Issues in the Use of Computers. Belmont, 1985. P. 120–130.

Moscow. Smart City 2030. Short Version. URL: https://2030.mos.ru/netcat_files/userfiles/documents_2030/concept.pdf (in Russian).

Peter Thiel and the Antichrist. The Original Tech Right Power Player on A.I., Mars and Immortality. Hosted by Ross Douthat // The New York Times. June 26, 2025. URL: https://www.nytimes.com/2025/06/26/opinion/peter-thiel-antichrist-ross-douthat.html

Pospelov, D. A. Appendix. A Historical Overview of the Development of Situational Control. In: D. A. Pospelov, Situational Control: Theory and Practice. 2nd ed. Moscow, 2021, pp. 254–258. (in Russian).

Remarks by the Vice President at the Artificial Intelligence Action Summit in Paris, France. February 11, 2025 // The American Presidency Project. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-vice-president-the-artificial-intelligence-action-summit-paris-france

Romanova, A. S. Philosophical Principles of Cyborgization of the Human Brain. Information Society, 2025, No. 2, pp. 56–63. (in Russian).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: What it Means, How to Respond // Foreign Affairs. December 12, 2015. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution

Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. (Russian translation). Moscow: EKSMO, 2016. (in Russian).

Walsh, T. 2062: The Year of the Machines. (Russian translation). Moscow: ASE, 2019. (in Russian).

Weizenbaum J. Computer Power and Human Reason. From Judgments to Calculations. San Francisco: Freeman and Co., 1976.

Weizenbaum, J. Computer Power and Human Reason: From Judgment to Calculation. (Russian translation). Moscow: Radio i Svyaz', 1982. (in Russian).

Zorkin, V. Law and the Challenges of Artificial Intelligence. Rossiyskaya Gazeta, 27.06.2024. URL: https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html (in Russian).

Artificial Intelligence and Disinformation

Alexander V. Fedorov

State Academic Humanitarian University. Moscow, Russia.
Email: fedorov-av[at]bmstu.ru ORCID: 0000-0002-0698-4480

Abstract

According to many researchers and publicists, the world is increasingly being shaped by algorithms that According to many researchers and publicists, the world is increasingly being shaped by algorithms that deliver purposefully selected information to society. It does not matter what kind of information it is, who its author is, or even whether it corresponds to the facts. All these algorithms do is provide content designed to make users stay on these platforms longer.

Artificial intelligence (AI) is rapidly becoming the core of these algorithms. Having appeared only ten years ago, according to experts, it "will soon influence almost all aspects of life." At the same time, Elon Musk called the desire to develop it a summoning of the demon. The military sees it as a means of opening up the broadest horizons in warfare and intelligence and counterintelligence practices. Politicians place great hopes on the ability of AI systems to consolidate the electorate in their support and give them new levers of influence. At the same time, political chatbots, deepfakes and other means of propaganda and disinformation created based on its capabilities are areas that still require careful study and analysis.

Against this background, the views of Western scientists and practitioners on the problems of using AI in disinformation, its prospects in the context of domestic political struggle and ensuring international security are of considerable interest.

Keywords

Artificial intelligence; Information Confrontation; Information Warfare; Disinformation; Deepfake

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Искусственный интеллект и дезинформация[1]

Федоров Александр Валентинович

Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва, Россия.
Email: fedorov-av[at]bmstu.ru ORCID: 0000-0002-0698-4480

Аннотация

Как считают многие исследователи и публицисты, мир все больше и больше формируется алгоритмами, которые доставляют обществу направленно подобранную информацию. Не имеет значения, что это за информация, кто ее автор и даже соответствует ли она фактам. Все, на что нацелены эти алгоритмы, — это предоставление контента, предназначенного для того, чтобы пользователи дольше оставались на этих платформах.

Ядром этих алгоритмов стремительно становится так называемый «искусственный интеллект» (ИИ).Появившись всего десять лет назад, он, по оценке экспертов, «уже скоро будет влиять почти на все аспекты жизни». При этом Илон Маск назвал стремление к его разработке «вызовом демона». Военные видят в нем средство, открывающее широчайший горизонт в ведении войн и разведывательно-контрразведывательной практике. Политики возлагают большие надежды на способность систем ИИ консолидировать электорат в их поддержку, дать им новые рычаги влияния на социум. При этом созданные с опорой на его возможности политические чат-боты, дипфейкии др. средства пропаганды и дезинформации — суть области, которые еще требуют тщательного изучения и анализа.

На этом фоне значительный интерес представляют взгляды западных ученых и практиков на проблемы использования ИИ в дезинформации, его перспективы в контексте внутриполитической борьбы и обеспечения международной безопасности.

Ключевые слова

искусственный интеллект; информационное противоборство; информационная война; дезинформация; дипфейк

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

1 Статья подготовлена в рамках государственного задания ГАУГН «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты». Регистрационный номер НИОКТР 123022000042-0. Код темы FZNF-2023-0004. Регистрационныйномер-темы 1022040800826-5-5.2.1;6.3.1;5.9.1.

Введение

Одна из сложнейших проблем, стоящих перед авторами, пишущими на темы, связанные с текущей международной политикой, — сохранять объективность, не давать оснований для обвинения их в том, что они находятся в плену политических нарративов своего правительства. Чтобы избежать подобных обвинений в свой адрес, автор в настоящей работе уделяет основное внимание иностранным, в первую очередь, западным источникам. Их авторы в последнее время относительно реже говорят об «угрозах с Востока», понимая, что продукты их собственных фирм - несущественно больший деструктивный потенциал «на родине», а закладываемые в разрабатываемые информационные средства идеологические позиции и возможности их использования в информационном противоборстве (ИП) делают те более опасными, чем любые якобы враждебные действия «недемократических режимов». Так, по оценкам Оксфордского института Интернета (Oxford InternetInstitute, University of Oxford), в США проблема внутренней дезинформации в последние годы превалирует даже над «информационными угрозами» России и Китая (BradshawS., 2021).

Феномен дезинформации

Под дезинформацией на Западе понимают ложную или тенденциозную информацию, которая намеренно создается или распространяется с явной целью причинить вред. Сфабрикованный контент и злой умысел, стоящий за ним, рассматриваются как отличительные свойства дезинформации. «Усилия по дезинформации в СМИ и социальных сетях нацелены на психику населения страны, поляризуя электорат и подрывая способность демократического государства достичь политического и социального консенсуса, используя противоречия между свободой слова, свободой прессы и национальной безопасностью», — отмечают специалисты МО США(Travis, 2023). Формально дезинформация рассматривается западной политологией как крайняя форма пропаганды, представляющая собой вынесение в публичную сферу под видом достоверных заведомо ложных материалов и распространение их намеренно в целях обмана общественного мнения и кругов, задействованных в системе принятия государственных решений (Ireton,2018). Этот смысл термина «дезинформация» закреплен во всех основных англоязычных словарях. Она также известна как «черная пропаганда» и часто ассоциируется с понятием фальшивых новостей – фейков, которые на Западе определяют как сфабрикованную информацию, имитирующую новостные СМИ по форме, но не по организационному процессу или намерению. О дезинформации можно с уверенностью говорить в тех случаях, когда использование методов ИИ направлено непосредственно против адекватного восприятия действительности гражда-

нами или социальными группами враждебного государства или политического противника (Федоров,2022).

Подход к этому феномену несколько, хотя и не принципиально, отличается на Востоке: в первую очередь, в странах буддизма (Biju, 2023). Так, научное сообщество стран Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока сейчас отдает приоритет изучению корреляции между дезинформацией и фейковыми нарративами, распространяемыми через социальные сети и электронные СМИ, в том числе в контексте западного влияния на общественное сознание и традиционное мировоззрение (Chopra, 2020).

Термин «дезинформация» часто ошибочно используется как синоним «мизинформации» («misinformation»). Их отличие, говоря языком словарей, заключается не в значении, а в употреблении терминов. Мизинформация - тоже ложные сведения, однако, их распространение не преследует цели причинить вред, а передающие ее считают, что она правдива, точна и может быть полезной. Напротив, сведения, даже возможно подлинные, но специально подобранные и распространяемые с целью причинить вред путем, например, раскрытия данных, которые могут нанести ущерб репутации человека, фирмы или страны, рассматриваются как дезинформация (Моу,2023 (б)).

Примечательно, что заметный всем рост объема дезинформации в СМИ идет на фоне политологических дискуссий о доминировании в западных государствах политики «постправды», «в рамках которой объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям», и «правильная» направленность публичного дискурса обеспечивается не историко-политологическим анализом, а 24-часовым новостным циклом на каналах, ангажированных СМИ, и всепроникающих социальных сетей (Keane,2018). Признанным образцом «управления восприятием» стало освещение в СМИ войны 1991 г. в Персидском заливе. Передаваемая информация с театра военных действий была, по существу, совершенно «стерильной» до такой степени, что Жан Бодрийяр (Baudrillard, Jean) опубликовал в газете «Liberation» (4 января, 6 февраля и 29 марта 1991 года) серию эссе под общим названием «Войны в Заливе никогда не было» (фр. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu). Аналогичную картину мир наблюдает с конца XX в. в освещении всех вооруженных конфликтов, включая бомбардировки НАТО Югославии и российскую СВО на Украине, «цветные революции» и пр. вплоть до последних внутриполитических столкновений в Армении, Грузии, Турции. Однако в настоящей статье мы опустим этот вопрос (более подробно он рассмотрен в (Федоров, 2022)), отметив только, что в политических приложениях концепт «постправды» вырождается в эвфемизм политической пропаганды, основным средством и методом которой стала дезинформация, на что явно указывается в оксфордском определении этого термина[1].

1 Термин «постправда» в Оксфордском словаре трактуется как «информационный поток, который намеренно конструируется в современном обществе с помощью средств массовой коммуникации для

Подлинной платформой дезинформации стал Интернет. В результате усилий военных и PR-специалистов его социальный инструментарий эффективно используется для дезинформирования населения и контроля над массовым сознанием, что признается аналитиками фундаментальной проблемой современного западного общества (Susarla, 2021). Кроме того, соцсети и блогосфера используются как полигон для новых методик информационно-психологического воздействия на большие группы населения, в полной мере реализующие претензии создателей информационных средств на их квалификацию как «weaponofmasseffect». При этом в основе западных подходов лежит аксиоматически неизменная мантра: дезинформация – это оружие авторитарных режимов, использующих социальные сети, другие информационные онлайн-платформы и традиционные СМИ, чтобы попытаться сформировать глобальные и внутренние нарративы, посеять хаос и неразбериху в демократиях и подорвать демократические процессы (InformationManipulation, 2022).

На сегодня, в том числе в связи с расширяющимся использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ) в деструктивных целях(О попытке создания европейского «этичного ИИ» см. (Федоров, 2021)), основными средствами распространения дезинформации и обеспечения ее влияния, постепенно вытесняя традиционные СМИ, стали социальные сети и блогосфера. Появление таких инструментов, как фейкньюс, дипфейки, астротурфинг и направленная (таргетированная) дезинформация, не только расширило арсенал манипулятивных техник, но и сделало борьбу с ложной информацией особо сложной задачей. Отдельной статьей стали системы автоматизации коммуникаций.ИИ в них может быть использован с целью манипуляции и дезинформации – для создания фейковых новостных интернет-сайтов и распространения ложной информации через блогосферу. Такие системы включают целый набор моделей ИИ-алгоритмов межсубъектной и клиент-сервисной коммуникации на основе прошедших направленное «предобучение» больших лингвистических моделей (Large language model – LLM). Технологии дипфейков (Уртаева, 2024) включают использование генеративно-состязательных сетей (Generative adversarial network — GAN) и моделей генеративных/дискриминативных, предварительно обученных трансформеров (Generative/Discriminative Pre-Trained Transformer — GPT/DPT)(Moy,2023 (б)). Их создание и «предобучение» требуют больших технических и финансовых возможностей. По опубликованным в конце 2024 г. данным исследования, проведенного Стэнфордским университетом, для обучения GPT-4 и Gemini Ultra потребовались вычислительные мощности, на которые OpenAI[1] потратила

создания виртуальной, отличной от действительности, реальности в целях манипулирования общественным сознанием». В 2016 г. Оксфордским словарем английского языка (OxfordDictionary) именно в таком значении термин был признан словом года («WordoftheYear 2016» // Oxfordlanguages. 2016. — https://languages.oup.com)

1 OpenAI — американская компания, занимающаяся разработкой и лицензированием технологий на основе машинного обучения. Одним из ее основателей был Илон Маск. Расположение штаб-квартиры —

78, а Google — 191 млн долл. США соответственно (ArtificialIntelligenceIndexReport, 2024).

Чат-боты

Чат-бот — это компьютерные программные комплексы, имитирующие человеческий разговор, и предназначенные для облегчения диалогового взаимодействия с системой, использующей элементы ИИ. Генерируя вопросы и ответы, аналогичные человеческим, чат-бот взаимодействует с пользователем с помощью голосовых команд или текстовых сообщений. Текстовые чаты существовали относительно давно, но прорыв произошел с появлением чат-бота ChatGPT[1], разработанного компанией OpenAI в 2022г. Приложение быстро завоевало огромную популярность. В течение пяти дней после запуска количество его пользователей достигло миллиона.

Однако люди, использующие чат-ботов для повышения своей заметности и влияния в Интернет-пространстве, не редко с их помощью распространяют ложную информацию (Моу,2023 (б)). С учетом этого боты эффективны на начальном этапе распространения, усиливая контент с низким уровнем доверия. Однако они не решают задачу различения правдивой и ложной информации. Это, как правило, возлагается на модераторов социальных платформ (ArtimeO. etal., 2020). Вместе с тем продукты линейки ChatGPT (разрабатывается пятая версия) вызывают пока серьезные нарекания, вплоть до обвинения их в политической предвзятости, что признается и самими разработчиками, и крупнейшими аналитическими центрами (ArtificialIntelligenceIndexReport, 2024). Как следствие, IT-компаниям Китая было предписано не использовать ChatGPT в своих продуктах, а государственная ChinaDaily сообщила, что чат-бот может способствовать распространению информации в геополитических интересах США (Авдеев, 2023). Из-за несоблюдения правил конфиденциальности данных ChatGPT был заблокирован в Италии (Чернышова, 2023). Запрет объяснили утечкой данных пользователей. Кроме того, касательно положения о конфиденциальности чата было отмечено отсутствие в нём информации о сведениях, собираемых OpenAI, и правовых основаниях на сбор и хранение данных для обучения ИИ (Howtouber, 2023). Также компанию обвинили в том, что она не проверяет возраст пользователей. Из-за опасений по поводу негативного воздействия на обучение, а также опасений по поводу безопасности и точности генерируемого системой контента, доступ к ChatGPT ограничен в сетях и на устройствах государственных школ Нью-Йорка (Тихонов, 2023). Исследователи Стенфордского

Сан-Франциско штат Калифорния (США).

1 Чат-бот, способный работать в диалоговом режиме, поддерживающий запросы на естественных языках. Был запущен 30 ноября 2022 года (последняя версия выпущена 27 сентября 2023 г.) и привлёк внимание своими широкими возможностями: написание кода, создание текстов, возможности перевода, получения точных ответов и использование контекста диалога для ответов. Однако его фактическая точность подверглась критике.

университета (ArtificialIntelligenceIndexReport 2024) добавили к отмеченному еще и политическую ангажированность чата. Исследователи отмечали также формальные ошибки вывода, объясняемые несовершенством реализованных в его 4-й версии (GPT-4) логических алгоритмов(Федоров, 2024).

Особенно серьезными рисками чревата синергия между использованием продуктов, созданных системами ИИ, особенно в их развитой версии больших языковых моделей (LargeLanguageModels — LLM) (Manning,2022), и распространением информации в социальных сетях (CarlinN. etal, 2021). Если злоумышленник сочетает генеративные возможности LLM с ботнетами или множеством фейковых аккаунтов в социальных сетях, он может быстро распространять дезинформацию по платформам, создавая иллюзию широкой поддержки определенного нарратива, одновременно генерировать множество «информационных пузырей» и «эхо-камер»[1], заполняя информационное пространство одним нарративом, и, манипулируя общественными настроениями, влиять на общественное мнение. Если кампания дезинформации продвигается как часть более масштабных усилий, включающих большое число фейковых источников, влияние может быть очень значительным, и его будет трудно развенчать на начальном этапе (Bischoff, 2023).

Широкое распространение получило мнение, чтовойна против деструктивных чат-ботов «с треском проваливается»(Mantello, 2023). Дело не в том, что разработчики чат-ботов освоили методики обучения своих ИИ-агентов вести себя и реагировать, как люди. Как считается, битва проигрывается участниками модерации контента и их конкурирующими интересами и программами. «В центре этой борьбы лежат сами системы модерации, которые часто идут вразрез с экономическими интересами крупных технологических компаний. Это, в свою очередь, приводит к разрыву в легитимности между заявлениями о цензуре и реальной практикой фильтрации»(Mantello, 2023).

Вот несколько признаваемых специалистами причин, по которым борьба со злонамеренным использованием чат-ботов может оказаться для тех беспроигрышной.

Первая причина связана с высоко конкурентным характером отрасли, которая заставляет поставщиков социальных сетей постоянно расширять список автоматизированных функций и услуг для привлечения, поддержания и роста своей клиентской базы. Это включает в себя создание искусственных интеллектуальных агентов, более напоминающих людей. Во-первых, такие стратегии антропоморфизации включают создание чат-ботов, которые публикуют сообщения через нерегулярные промежутки времени и с меньшей последовательностью, или намеренно допускают орфографические ошибки, или

1 «Эхо-камера» (от фр. echo-chambre) или «информационный пузырь» — в контексте настоящей статьи — замкнутое по принципу политически, идеологически, этически, религиозно и пр. обусловленной общности взглядов на какую-либо проблему сообщество пользователей соцсети,в котором его участники обсуждают исключительно ту информацию, которая отражает и подкрепляет их собственное мнение. Термин заимствован из акустики, где он описывает ситуацию отражения звука в полой замкнутой оболочке.

используют модные слова и фразы. Во-вторых, еще одна отраслевая тактика — снижение стоимостной планки для использования ботов, и, учитывая снижение вычислительного и технического барьера входа, эта тенденция сохранится и в будущем.

Благодаря достижениям в области эффективных вычислений, разговорный ИИ может оценивать человеческие эмоции и чувства и реагировать на них. Первоначально разрабатывавшиеся для консультирования по вопросам психического здоровья, с учетом наработанной практики эти боты могут способствовать установлению эмоциональной связи в процессе и в целях идеологической обработки, заставляя объект воздействия чувствовать себя более комфортно и менее недоверчиво, чем при общении с реальным человеком (Mantello, 2021).В ряде опубликованных исследований авторы выявили, что с использованием такого рода разговорных чат-ботов исламские экстремистские организации активно и успешно проводят работу по рекрутированию новых членов. Так, исследователи ливанской корпорации программных систем In2 объяснили выявленную ими такую мотивационную эффективность оптимистичным тоном ботов, быстрой реакцией и непредвзятым отношением к запросам кандидатов(In2,2022; Mantello, 2023).

Другой вопрос, обсуждаемый в западных дискуссиях, - как компании социальных сетей используют не детерминированный правом государственный надзор. Проблема заключается в том, что исследователи и сотрудники правоохранительных органов, откуда в основном исходит базовая статистика, склонны концентрировать свое внимание на платформах социальных сетей, действующих в западных странах. В результате, провайдеры социальных сетей пренебрегают своими усилиями по модерации и подрыву злонамеренной активности в других регионах мира. Хотя именно в этих местах не только политические беспорядки и насилие являются «эндемичными», но также преобладают негативный контент и агрессивные высказывания в чатах. Отсутствие тщательного нормативного контроля в не западных странах также позволяет компаниям-владельцам социальных сетей снижать свои операционные расходы, избегая разработки дорогостоящих систем модерации с использованием ИИ и нанимая бригады из низкооплачиваемых и плохо обученных модераторов, часто не владеющих местными диалектами. «Ситуацию усугубляют невыразимые психологические требования, предъявляемые к модераторам — людям, которым приходится ежедневно терпеть «информационное насилие» (In2, 2022). Слабая практика и опасения по выявлению и уничтожению враждебных чат-ботов привели к тому, что правительства многих принимающих стран закрыли или приостановили работу компаний, занимающихся социальными сетями(Mantello, 2021). С другой стороны, компании, занимающиеся социальными сетями, неохотно позволяют сторонним исследователям проверять их системы и методы модерации. За многие годы те заработали печально известную репутацию, препятствуя

усилиям внешних исследователей, скрывая данные или распространяя поврежденные или ограниченные наборы данных. Исследователи не единственные, кого не допускают к проверкам (Mantello, 2023;Tung, 2023).

Поскольку чат-боты становятся все более антропоморфными, их привлекательность и эффективность будут только возрастать. Таким образом, сохраняется необходимость дальнейших исследований противоречий, которые лежат не только в основе систем модерации контента, но и на более феноменологическом уровне, где все более антропоморфное качество диалогового ИИ может ускорить опасность радикализации и перевода ИП в когнитивные конфликты и даже войны.

Дипфейки

Достижения в области информатики и искусственного интеллекта породили новую и чрезвычайно убедительную метод распространения дезинформации: дипфейки. Дипфейковые фото и видео - суть синтетически измененные кадры, в которых изображенное лицо или тело были модифицированы в цифровой форме, чтобы выглядеть как некто или нечто другое. Такие видео становятся все более реалистичными, и многие опасаются, что эта технология резко увеличит угрозу как внешне-, так и внутриполитической дезинформации. Вот относительно свежие примеры, подтверждающие реальность такой угрозы.

22 мая 2023 года в сетевом пространстве появилась информация о нападении на Пентагон. Сопровождаемая изображением, она распространялась через Twitter и вызвала значительную тревогу в США. Как оказалось, пользователь, поделившийся этой историей, и сама история были выдуманы, а изображение создано с помощью инструментов ИИ (Bischoff, 2023). За месяц до этого интернет облетели фотографии Дональда Трампа, агрессивно арестованного полицией Нью-Йорка, и Папы Римского Франциска в роскошном пуховом пальто, перепечатанные, правда с критическими замечаниями, газетой Нью-Йорк Рост (Mitchell, 2023). Это были фальшивки, но невероятно убедительные.

Еще в 2018 г. в докладе «Распад истины: предварительное исследование уменьшения роли фактов и анализа в американской социальной жизни» («TruthDecay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analys is in American Public Life») эксперты RAND выделяли четыре ключевые тенденции в американском обществе, которые в совокупности характеризуют постмодернистское уменьшение важности истины: рост разногласий в оценках фактов и аналитических интерпретациях фактов; стирание границы между мнением и фактом; увеличение влияния личного мнения и опыта на факты и их толкование; снижение доверия к ранее уважаемым источникам фактической информации (Helmus, 2022).

Эти тенденции предполагают, что дипфейки будут все чаще находить весьма восприимчивую аудиторию в общественных отношениях и в политике.

Как выше было отмечено, средством создания дипфейковых фотографий и видеороликов стали генеративно-состязательные сети[1], включающие программные комплексы, генерирующие изображения из предоставленного разработчиками, как правило, огромного набора снимков, рисунков и пр. видеоконтента, и дискриминаторы, определяющие, является ли входное изображение подлинным или создано генератором. Эти два компонента функционально враждебны и в буквальном смысле играют две противостоящие роли. После периода обучения генератор может создавать поддельные изображения с высокой точностью. Но это потребует высокопроизводительных вычислительных мощностей, времени, денег, специалистов и навыков. Например, известный дипфейк с Томом Крузом[2] потребовал ввода многих часов аутентичных видео для обучения моделей ИИ, а само обучение заняло два месяца. Для их формирования также потребовалась пара графических процессоров, стоимостью по ценам того времени почти 6 тыс. долларов США каждый. Затем разработчикам пришлось просмотреть окончательный отснятый материал кадр за кадром на наличие заметных признаков, таких как неловкие или неестественные позы, движения глаз и мимика. Наконец, этот процесс не мог бы произойти без талантливого актера, который смог бы успешно имитировать движения и манеры Тома Круза(Victor, 2021; Vincent, 2018).

С тех пор, как Ян Гудфеллоу и его коллеги в 2014 году создали систему GAN (Goodfellow, 2014; Ghahramani, 2014), дипфейковые видео становятся все более убедительными. Различные веб-страницы теперь предлагают доступ к сервисам дипфейков. Наибольшую популярность в последнее время получили сайты Reface (позволяет пользователям менять лица в существующих видео и GIF-файлах), My Heritage (анимирует фотографии умерших родственников), ZAO (позволяет пользователям накладывать свое собственное лицо на лицо из подборки персонажей из заданного фильма), Generated Photos (позволяет быстро и легко генерировать фальшивые снимки лица или звонки от человека, который говорит заданным голосом) и др. (Rushing, 2020).

Еще одна форма дипфейков, широко используемая в практике ИИ, — клонирование голоса. Упомянутые выше ролики с Томом Крузом последовали за серией дипфейковых видео, в которых фигурировали, например, дипфейк Барака Обамы 2018 года с использованием ненормативной лексики (Vincent, 2018) и дипфейк 2020 года речи Ричарда Никсона — речи, которую Никсон никогда не произносил (Tackling, 2021).Классическим примером в этом жанре является видео, на котором в то время спикер Палаты представителей США Нэнси Пелоси невнятно произносит слова во время интервью (Pelosi, 2019). Видео было отредактировано, чтобы замедлить ее речь, из-за чего Пелоси

1 Описание того, как GAN работают для создания синтетического контента приведено в частности в (Tianxiang, 2018).

2 Три анонимно выложенных на платформе TikTok дипфейк-видео Тома Круза. Автор подделки — Крис Уме (Chris Ume) — специалист по визуальным эффектам из Бельгии. (The Chronicles, 2021).

выглядела пьяной. Оно пользовалось широкой популярностью среди политических деятелей.

Различные онлайн-приложения и приложения для телефона, такие как Celebrity Voice Cloningи Voicer Famous AI Voice Changer, позволяют пользователям имитировать голоса популярных знаменитостей. Примеры злонамеренного использования таких услуг уже имеются.

Дипфейковые изображения все чаще используются спонсируемыми правительственными структурами США (Goldstein, 2021). Facebook (NimmoB. etal., 2019) обнаружил десятки таких аккаунтов, в которых в качестве фотографий профиля использовались поддельные изображения. Использование поддельных фотографий позволяет пропагандистам обойти защитные меры и использовать фотографии, которые невозможно отследить (Nimmo, 2019).

Не редко высказываются опасения, что программы генерации фейковых текстов, фото и видео могут быть использованы спецслужбами для целей ИИ или бизнес-структурами в конкурентной борьбе. По оценкам RAND Corporation, государственные и негосударственные структуры могут массово создавать фейковые новости по определенной теме, используя тактику, подобную заградительным помехам, — термин, применяемый к методу радиоэлектронной борьбы, при котором противник ослепляет радиолокационную систему шумом (Linvil, 2021). Сгенерированные тексты или видеоролики могут нести в себе признаки поддерживаемой враждебным государством (или партией в рамках межпартийной борьбы, или конкурирующей фирмой) пропаганды: массово создаваемые одноразовые аккаунты на этой базе сформируют «общественное мнение». С их помощью инициаторы информационной операции могут в социальных сетях распространить созданную генератором текста статью или дипфейковый видеоролик якобы авторитетного СМИ, содержащие дезинформационные материалы, чтобы подавить подлинное освещение конкретной истории, которая может быть в данный момент нежелательной или вредной для противника. Такая технология поможет противнику вести текстовую или видеопропаганду в больших масштабах (DiResta, 2020). Также генератор текста или речи может обеспечить работу ботов в социальных сетях, избавляя от необходимости операторов-людей создавать специальный контент.

Кристоффер Вальдемарссон (Christoffer Waldemarsson) выделяет три ключевых причины того, что дипфейки могут быть использованы противниками или частными субъектами в качестве оружия в политической или экономической борьбе (Waldemarsson,2020).

Во-первых, дипфейковый контент может успешно манипулировать мнением электората на выборах. Например, накануне выборов, в которых очень много споров, может появиться видео, на котором видно, как кандидат совершает гнусный поступок или делает особенно спорное заявление. Вполне

возможно, что, действуя на избирателя, такое видео может повлиять на исход выборов.

Во-вторых, дипфейковый контент может усугубить социальные разногласия. Практически все социологи-американисты отмечают, что партийные активисты и политтехнологи США используют различные пропагандистские тактики, чтобы очернить, напасть и опорочить тех, кто находится на противоположных политических платформах. Исследователи задокументировали наличие в социальных сетях идеологических «эхо-камер», в которых сторонники непропорционально потребляют и делятся контентом, формируемым с этой целью внешними источниками (Shin, 2020).

В-третьих, дипфейковый контент может снизить доверие к институтам власти, журналистам и к их источникам информации, известным новостным институтам, вызвать недоверие даже к законным формам новостной информации (Vaccari,2020). С появлением весьма правдоподобных дипфейков даже точный видеоконтент или записи могут быть названы дипфейками теми, кто считает этот контент неблагоприятным («дивиденд лжеца» (Vaccari, 2019)).

Различные последствия, описанные выше, могут быть еще более пагубными для людей, живущих в странах с развивающимися демократиями, в условиях усиления межэтнической розни (CountriesandTerritories, 2022; LiteracyRate, 2023). В этих регионах широко распространены различные формы искаженной и ложной информации, которые способствуют внутренним конфликтам и межэтническому насилию. Использование дипфейков может усугубить и без того пагубные последствия дезинформации. Модерация контента в СМИ и соцсетях этих регионов практически не ведется. Даже Facebook при всех возможностях Meta[1], как сообщается, выделяет только 13 процентов своего бюджета на модерацию контента за пределами США(Frenkel, 2021). Иные платформы, обычно используемые в других регионах, такие как зашифрованное приложение WhatsApp, сами страдают от дезинформации(Gursky, 2021), что повышает вероятность того, что там дипфейки останутся незамеченными.

Большинство исследователей придерживается мнения о том, что дипфейки и средства массовой информации, созданные с применением ИИ, можно использовать для оказания влияния или дискредитации кандидатов на политические посты, журналистов или лидеров демократических государств (Jankowicz, 2021).

ИИ может быть использован одновременно как оружие и инструмент в гибридных войнах[2]. От разведывательной деятельности и профилирования

1 В России признана экстремистской организацией.

2 Западные концепции гибридной войны разрабатывались для исследования вооруженных противоборств, в которых наряду с государственными военными формированиями участвовали силы повстанческих и террористических формирований (нерегулярные силы). Впервые это понятие было введено в 2006 году в американской военной литературе при анализе войны в Афганистане. (AtkinsonC., 2018). Позже, по некоторым данным(MoyW., 2023(a)), с целью подвязать к источникам гибридных угроз Россию в них были введены и кибероперации. В позднейших западных публикациях в кампании влияния гибридной войны

целевой аудитории до использования искаженной или фальшивой информации и психологических операций в качестве оружия — ИИ расширяет потенциал информационных операций и может вызвать радикальные изменения в гибридной войне, что оценивается в частности в НАТО как серьезная проблема (Kasapoglu, 2019).

Что предлагают западные эксперты?

На фоне множества статей, формулирующих сценарии конца света при сохранении роли дипфейков в дезинформации, специалисты американского Центра безопасности и новых технологий (US Center for Security and Emerging Technology) выделяют несколько факторов, смягчающих их злонамеренное использование.

Во-первых, утверждается, что, «мелкие» видео-фейки, которые были отредактированы вручную с целью ввести аудиторию в заблуждение, представляют собой более актуальную угрозу (Stoll, 2020). Таким видео гарантирован успех, поскольку их сила заключается в способности подтверждать ранее существовавшие предрассудки (O'Sullivan, 2019).

Вторым фактором является то, что высококачественные видео, по крайней мере, в настоящее время, недоступны для любителей (Hwang,2020). Как отмечалось выше, создание высоко реалистичного видеоконтента требует дорогостоящего оборудования, техников, обладающих специальными навыками, и исполнителей, наделенных актерскими способностями.

Третьим фактором выступает время(Hwang, 2020). Создание дипфейковых видео может занять месяцы. Следовательно, операции по глубокой дезинформации должны планироваться как минимум на несколько месяцев вперед, что обязательно ограничит период, в который дипфейк может быть эффективно использован, и увеличит риск того, что непредвиденные изменения обстоятельств могут сделать запланированную операцию спорной.

В-четвертых, дипфейковые видео требуют обширных обучающих данных (Hwang, 2020; Victor, 2021). Для создания высококачественных дипфейков в настоящее время требуются «многие тысячи» изображений обучающих данных, поэтому в таких видео часто фигурируют знаменитости и политики. Это ограничивает возможность для злоумышленников создавать качественные подделки менее известных или менее фотографируемых людей, таких как сотрудники спецслужб или госслужащие (Singh, 2020).

Опираясь на эти факторы, авторы прогностических публикаций предлагают установить четкие правила и ограничения на использование ИИ в политических, в том числе электоральных кампаниях, проводить обучение, разви-

включают пропаганду и дезинформацию с целью повлиять на мысли и убеждения целевого населения. Вне контекста применения вооруженной силы этот термин использовался политическими деятелями для дискредитации политических событий, новостных репортажей и сообщаемых фактов, которые им не нравятся. (Carmi E. et al., 2020).

вать технологии борьбы с дезинформацией и создавать независимые организации для проверки информации (Уртаева, 2024).

Одним из основных подходов к выявляемости уже распространенных дипфейков и снижению роста их производства предлагается разработка и внедрение автоматизированных систем, способных обнаруживать дипфейковые видео. Значительные средства в технологии обнаружения вложило DARPA. В 2023 финансовом году оно получило на эти цели финансирование в размере 4 млн. долларов. В рамках ассигнования на 2024 финансовый год — еще 18 млн (Sayler, ,2023). Facebook провел конкурс Deep fake Detection Challenge, на который 2114 участников представили более 35 000 моделей систем обнаружения дипфейков, разработанных ими и протестированных с использованием специально созданного массива в более чем 100 000 видеороликов (Ferrer, 2020).

Эти репозитории вероятно могут служить в качестве источника обучающих данных, содержащего также сами актуальные релизы программ обнаружения дипфейков (Gregory, 2018). Такую базу данных дипфейков с целью помочь в улучшении их обнаружения Google выпустила еще в 2019 году. За этим последовали аналогичные публикации из технологического сектора (Hao, 2019). В печати обсуждались также возможности сбалансировать информированность пользователей и достоверность распространяемой информации, в том числе с участием социальных сетей (Hwang, 2020).

Другой предлагаемый подход заключается в создании «радиоактивных» (содержащих незаметные изменения, выявляемые в конечном продукту) обучающих данных, которые, если их будут использовать генераторы дипфейков, сделают разработанный контент видным для программ обнаружения (Sablayrolles, 2020).

Рассматривается также возможность ограничения общественного доступа к самым высокотехнологичным и эффективным детекторам дипфейков (Leibowicz, 2020). Утверждается, что «кто получит доступ к средствам обнаружения — вопрос первостепенной важности». Сторонники этой идеи выступают за процесс «с участием многих заинтересованных сторон», не учитывая, правда, что «мультистейкхолдеоизм» в проблеме управления Интернетом уже показал свою несостоятельность.

Более разумным выглядит предложение маркировать фейковые ролики. Создано множество методов, которые можно использовать для обозначения фейкового контента: от ярлыков, которые «привязывают» к фейковым медиа для идентификации контента как манипулятивный, до предупреждений, встроенных в метаданные или прерываемых с параллельным изображением фейкового и подлинного контента (Shane, 2021). Ясность происхождения дипфейка и «показатели доверия» источников также могут смягчить последствия дезинформации (Waheeb, 2020; Clayton, 2020).

В США в рамках созданной на базе американской компании Adobe «Инициативы по аутентичности контента» (Content Authenticity Initiative — CAI), включающей на сегодня сотни разработчиков, технологов, журналистов, и активистов борьбы с дезинформацией и обеспечение аутентичности распространяемого в СМИ контента, силами созданной в феврале 2021 г. первоначально компаниями Adobe, Arm, BBC, Intel, Microsoft и Truepic «Коалиции за происхождение и аутентичность контента» (Coalition for Content Provenance and Authenticity — C2PA), началась разработка открытых отраслевых стандартов подлинности контента и его цифрового происхождения (Content Authenticity Initiative, 2023).

Многие государства движутся к криминализации создания и распространения ложной информации, чтобы смягчить ее неблагоприятное воздействие на общество, но сдерживающий эффект уголовных санкций сводится на нет, когда государство-нарушитель само спонсирует или поддерживает такую деятельность (Nasu, 2022).

Список литературы

Artificial Intelligence Index Report 2024 // Stanford University. 2024. URL: https://aiindex.stanford.edu

Artime O. et al. Effectiveness of dismantling strategies on moderated vs. unmoderated online social platforms // Scientific Reports. 2020. URL: https://www.nature.com

Atkinson C. Hybrid Warfare and Societal Resilience: Implications for Democratic governance // Information & Security. 2018. URL: https://connections-qj.org

Biju P., Gayathri O. Self-Breeding Fake News // The International Journal of Information, Diversity & Inclusion. 2023. URL: https://www.jstor.org

Bischoff K. AI tools in hybrid warfare – A double-edged sword // Risk Intelligence. 30.05.2023. URL: https://www.riskintelligence.eu

Bradshaw S., Bailey H., Howard P. Industrialized Disinformation: 2020. Global Inventory of Organized Social Media Manipulation // Oxford Internet Institute, University of Oxford. 2021. URL: https://demtech.oii.ox.ac.uk/research/posts/industrialized-disinformation

Carlin N. et al. Extracting Training Data from Large Language Models. USENIX Security Symposium // 30th USENIX Security Symposium. 13.08.2021. URL: https://www.usenix.org/system/files/sec21-carlini-extracting.pdf

Carmi E. et al. Data citizenship: Rethinking data literacy in the age of disinformation, misinformation, and malinformation // Internet Policy Review. 09.2020. URL: https://www.econstor.eu/handle/10419/218938

Chesney R., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Pp. 1753–1820. URL: https://scholarship.law.bu.edu

Chopra R. The virtual Hindu Rashtra: Saffron nationalism and new media // NewsClick. 13.01.2020. URL: https://www.newsclick.in

Clayton K. et al. Real Solutions for Fake News? Measuring the Effectiveness of General Warnings and Fact Check Tags in Reducing Belief in False Stories on Social Media // Political Behavior. 2020. URL: https://link.springer.com

Content Authenticity Initiative // C2P2. 2023. URL: https://contentauthenticity.org/

Countries and Territories // Freedom House. 20.01.2022. URL: https://freedomhouse.org

Di Resta R. The Supply of Disinformation Will Soon Be Infinite // The Atlantic. 20.09.2020. URL: https://www.theatlantic.com

Ferrer C. et al. Deepfake Detection Challenge Results: An Open Initiative to Advance AI // AI at Meta. 12.06.2020. URL: https://ai.meta.com

Frenkel S., Davey A. In India, Facebook Grapples with an Amplified Version of Its Problems // New York Times. 23.10.2021. URL: https://www.nytimes.com

Ghahramani Z. et al. Advances in Neural Information Processing Systems 27 (NIPS 2014) // Neural Information Processing Systems Foundation, Inc. 2014. URL: https://mitpress.mit.edu

Goldstein J., Grossman S. How Disinformation Evolved in 2020 // Brookings. 4.01.2021. URL: https://www.brookings.edu/articles

Goodfellow I. et al. Generative Adversarial Nets // Universite de Montreal. DIRO. 10.06.2014. URL: https://arxive.org

Gregory S. Deepfakes and Synthetic Media: Survey of Solutions Against Malicious Usages // Witness. 30.06.2018. URL: https://blog.witness.org

Gursky J., Riedl M., Woolley S. The Disinformation Threat to Diaspora Communities in Encrypted Chat Apps // Brookings. 19.03.2021. URL: https://www.brookings.edu

Gursky J., Riedl M., Woolley S. The Disinformation Threat to Diaspora Communities in Encrypted Chat Apps // Brookings. 19.03.2021. URL: https://www.brookings.edu

Hao K. Google Has Released a Giant Database of Deepfakes to Help Fight Deepfakes // MIT Technology Review. 25.09.2019. URL: https://www.technologyreview.com

Hao K. Google Has Released a Giant Database of Deepfakes to Help Fight Deepfakes // MIT Technology Review. 25.09.2019. URL: https://www.technologyreview.com

Helmus T. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation // RAND Corporation. 07.2022. URL: https://www.rand.org

Helmus T. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation // RAND Corporation. 07.2022. URL: https://www.rand.org

Howtouber. OpenAI presented new settings for ChatGPT // Howtouber. 11.09.2023. URL: https://howtouber.top

Howtouber. OpenAI презентовал новые настройки для ChatGPT // Howtouber. 11.09.2023. URL: https://howtouber.top

Hwang T. Deepfakes: A Grounded Threat Assessment // Center for Security and Emerging Technology. 07.2020. URL: https://cset.georgetown.edu

Hwang T. Deepfakes: A Grounded Threat Assessment // Center for Security and Emerging Technology. 07.2020. URL: https://cset.georgetown.edu

Information Manipulation. The Alliance for Securing Democracy (ASD) // US German Marshall Fund. 2022. URL: https://securingdemocracy.gmfus.org

Information Manipulation. The Alliance for Securing Democracy (ASD) // US German Marshall Fund. 2022. URL: https://securingdemocracy.gmfus.org

Ireton C., Posetti J. Journalism, Fake News & Disinformation: Handbook for Journalism Education and Training // UNESCO. 2018. URL: https://unesdoc.unesco.org

Ireton C., Posetti J. Journalism, Fake News & Disinformation: Handbook for Journalism Education and Training // UNESCO. 2018. URL: https://unesdoc.unesco.org

Jankowicz N. et al. Malign Creativity: How Gender, Sex and Lies Are Weaponized Against Women Online // Wilson Center. 01.2021. URL: https://www.wilsoncenter.org

Jankowicz N. et al. Malign Creativity: How Gender, Sex and Lies Are Weaponized Against Women Online // Wilson Center. 01.2021. URL: https://www.wilsoncenter.org

Kasapoglu C., Kirdemir B. Artificial intelligence and the future of conflict // New Perspectives on Shared Security: NATO's Next 70 Years // Carnegie Europe. 2019. URL: https://carnegieeurope.eu

Kasapoglu C., Kirdemir B. Artificial intelligence and the future of conflict // New Perspectives on Shared Security: NATO's Next 70 Years // Carnegie Europe. 2019. URL: https://carnegieeurope.eu

Keane J. Post-truth Politics and Why the Antidote Isn't Simply 'Fact-checking' and Truth // The Conversation. 23.03.2018. URL: https://theconversation.com

Keane J. Post-truth Politics and Why the Antidote Isn't Simply 'Fact-checking' and Truth // The Conversation. 23.03.2018. URL: https://theconversation.com

Leibowicz C., Stray J., Saltz E. Manipulated Media Detection Requires More Than Tools: Community Insights on What's Needed // Partnership on AI. 13.06.2020. URL: https://partnershiponai.org

Leibowicz C., Stray J., Saltz E. Manipulated Media Detection Requires More Than Tools: Community Insights on What's Needed // Partnership on AI. 13.06.2020. URL: https://partnershiponai.org

Linvil D., Warren P. Understanding the Pro-China Propaganda and Disinformation Tool Set in Xinjiang // Lawfare. 06.06.2021. URL: https://www.lawfaremedia.com

Linvil D., Warren P. Understanding the Pro-China Propaganda and Disinformation Tool Set in Xinjiang // Lawfare. 06.06.2021. URL: https://www.lawfaremedia.com Literacy Rate by Country 2023 // World Population Review. 2023. URL: https://worldpopulationreview.com

Literacy Rate by Country 2023 // World Population Review. 2023. URL: https://worldpopulationreview.com

Manning C. Human Language Understanding & Reasoning // Daedalus. Spring 2022. URL: https://www.amacad.org

Manning C. Human Language Understanding & Reasoning // Daedalus. Spring 2022. URL: https://www.amacad.org

Mantello P., Ho M-T., Nguyen M-H., Vuong Q-H. Bosses without a heart: socio-demographic and cross-cultural determinants of attitude toward Emotional AI in the workplace // AI & Society. 2021 November. URL: https://doi.org/10.1007/s00146-021-01290-1

Mantello P., Ho M-T., Nguyen M-H., Vuong Q-H. Bosses without a heart: socio-demographic and cross-cultural determinants of attitude toward Emotional AI in the workplace // AI & Society. 2021 November. URL: https://doi.org/10.1007/s00146-021-01290-1

Mantello P., Tung M. Losing the information war to adversarial AI // Research Gate. 28.04.2023. URL: https://reserchgate

Mantello P., Tung M. Losing the information war to adversarial AI // Research Gate. 28.04.2023. URL: https://reserchgate

Mis-, Dis-, and Malinformation (MDM). The Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA) // An Official Website of the United States Government. 2022. URL: https://www.cisa.gov/mdm

Mis-, Dis-, and Malinformation (MDM). The Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA) // An Official Website of the United States Government. 2022. URL: https://www.cisa.gov/mdm

Mitchell A. How frightening new AI Midjourney creates realistic fake images // New York Post. 5.04.2023. URL: https://nypost.com

Mitchell A. How frightening new AI Midjourney creates realistic fake images // New York Post. 5.04.2023. URL: https://nypost.com

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare // Research Gate. 2023(a). April. URL: https://www.researchgate.net

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare: A double-edged sword // Artificial Intelligence and International Conflict in Cyberspace. Routledge. 2023(б). Pp. 47–74. URL: https://doi.org/10.4324/9781003284093-4

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare // Research Gate. 2023(a). April. URL: https://www.researchgate.net

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare: A double-edged sword // Artificial Intelligence and International Conflict in Cyberspace. Routledge. 2023(б). Pp. 47–74. URL: https://doi.org/10.4324/9781003284093-4

Авдеев Р. Китайским IT гигантам запретили использовать ChatGPT — бота обвинили в дезинформации и манипуляциях в интересах США // 3D News. 22.02.2023. URL: https://3dnews.ru/1127506/alibaba-bytedance-i-drugim-kitayskim-itgigantam-pridyotsya-obyasnitsya-za-zakupki-iiuskoriteley-nvidia-h20

Тихонов В. Образовательные учреждения блокируют доступ к нейросети ChatGPT. Что дальше? // Российская газета. 07.01.2023. URL: https://rg.ru/2023/01/07/obrazovatelnye-uchrezhdeniia-blokiruiut-dostup-k-nejroseti-chatgpt-chto-dalshe.html

Уртаева Э.Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 44–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-ugrozy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-ii-v-politicheskih-kommunikatsiyah

Фёдоров А.В. Дезинформация как инструмент и составная часть информационного противоборства Запада // Южно российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 2. С. 18 36.

Фёдоров А.В. Европейский «этичный искусственный интеллект»: от инструмента экономики к политической проблеме // Южно российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2. URL: https://doi.org/10.31429/26190567-22-2-87-103

Фёдоров А.В. Угрожает ли искусственный интеллект когнитивной безопасности? // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2024. № 3. 01.10.2024. URL: https://www.caspiumsecuritatis.ru/index.php/csj/article/view/133

Чернышова Е. Первая западная страна заблокировала ChatGPT // RBK. 31.03.2023. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/03/2023/6426da7e9a794757b5679bb7

References

Artificial Intelligence Index Report 2024 // Stanford University. 2024. URL: https://aiindex.stanford.edu

Artime O. et al. Effectiveness of dismantling strategies on moderated vs. unmoderated online social platforms // Scientific Reports. 2020. URL: https://www.nature.com

Atkinson C. Hybrid Warfare and Societal Resilience: Implications for Democratic governance // Information & Security. 2018. URL: https://connections-qj.org

Avdeev, R. Chinese IT Giants Banned from Using ChatGPT — The Bot Accused of Disinformation and Manipulation in the Interests of the USA. 3D News, 22.02.2023. URL: https://3dnews.ru/1127506/alibaba-bytedance-i-drugim-kitayskim-itgigantam-pridyotsya-obyasnitsya-za-zakupki-iiuskoriteley-nvidia-h20 (in Russian).

Biju P., Gayathri O. Self-Breeding Fake News // The International Journal of Information, Diversity & Inclusion. 2023. URL: https://www.jstor.org

Bischoff K. AI tools in hybrid warfare – A double-edged sword // Risk Intelligence. 30.05.2023. URL: https://www.riskintelligence.eu

Bradshaw S., Bailey H., Howard P. Industrialized Disinformation: 2020. Global Inventory of Organized Social Media Manipulation // Oxford Internet Institute, University of Oxford. 2021. URL: https://demtech.oii.ox.ac.uk/research/posts/industrialized-disinformation

Carlin N. et al. Extracting Training Data from Large Language Models. USENIX Security Symposium // 30th USENIX Security Symposium. 13.08.2021. URL: https://www.usenix.org/system/files/sec21-carlini-extracting.pdf

Carmi E. et al. Data citizenship: Rethinking data literacy in the age of disinformation, misinformation, and malinformation // Internet Policy Review. 09.2020. URL: https://www.econstor.eu/handle/10419/218938

Chernyshova, E. The First Western Country Blocked ChatGPT. RBK, 31.03.2023. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/31/03/2023/6426da7e9a794757b5679bb7 (in Russian).

Chesney R., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Pp. 1753–1820. URL: https://scholarship.law.bu.edu

Chopra R. The virtual Hindu Rashtra: Saffron nationalism and new media // NewsClick. 13.01.2020. URL: https://www.newsclick.in

Clayton K. et al. Real Solutions for Fake News? Measuring the Effectiveness of General Warnings and Fact Check Tags in Reducing Belief in False Stories on Social Media // Political Behavior. 2020. URL: https://link.springer.com

Content Authenticity Initiative // C2P2. 2023. URL: https://contentauthenticity.org/

Countries and Territories // Freedom House. 20.01.2022. URL: https://freedomhouse.org

Di Resta R. The Supply of Disinformation Will Soon Be Infinite // The Atlantic. 20.09.2020. URL: https://www.theatlantic.com

Ferrer C. et al. Deepfake Detection Challenge Results: An Open Initiative to Advance AI // AI at Meta. 12.06.2020. URL: https://ai.meta.com

Frenkel S., Davey A. In India, Facebook Grapples with an Amplified Version of Its Problems // New York Times. 23.10.2021. URL: https://www.nytimes.com

Fyodorov, A. V. Disinformation as a Tool and Component of the West's Information Confrontation. Yuzhno-Rossiyskiy Zhurnal Sotsial'nykh Nauk, 2022, Vol. 23, No. 2, pp. 18–36. (in Russian).

Fyodorov, A. V. Does Artificial Intelligence Threaten Cognitive Security? Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security, 2024, No. 3, 01.10.2024. URL: https://www.caspiumsecuritatis.ru/index.php/csj/article/view/133 (in Russian).

Fyodorov, A. V. European "Ethical Artificial Intelligence": From an Economic Tool to a Political Problem. Yuzhno-Rossiyskiy Zhurnal Sotsial'nykh Nauk, 2021, Vol. 22, No. 2.

URL: https://doi.org/10.31429/26190567-22-2-87-103 (in Russian).

Ghahramani Z. et al. Advances in Neural Information Processing Systems 27 (NIPS 2014) // Neural Information Processing Systems Foundation, Inc. 2014. URL: https://mitpress.mit.edu

Goldstein J., Grossman S. How Disinformation Evolved in 2020 // Brookings. 4.01.2021. URL: https://www.brookings.edu/articles

Goodfellow I. et al. Generative Adversarial Nets // Universite de Montreal. DIRO. 10.06.2014. URL: https://arxive.org

Gregory S. Deepfakes and Synthetic Media: Survey of Solutions Against Malicious Usages // Witness. 30.06.2018. URL: https://blog.witness.org

Gursky J., Riedl M., Woolley S. The Disinformation Threat to Diaspora Communities in Encrypted Chat Apps // Brookings. 19.03.2021. URL: https://www.brookings.edu

Gursky J., Riedl M., Woolley S. The Disinformation Threat to Diaspora Communities in Encrypted Chat Apps // Brookings. 19.03.2021. URL: https://www.brookings.edu

Hao K. Google Has Released a Giant Database of Deepfakes to Help Fight Deepfakes // MIT Technology Review. 25.09.2019. URL: https://www.technologyreview.com

Hao K. Google Has Released a Giant Database of Deepfakes to Help Fight Deepfakes // MIT Technology Review. 25.09.2019. URL: https://www.technologyreview.com

Helmus T. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation // RAND Corporation. 07.2022. URL: https://www.rand.org

Helmus T. Artificial Intelligence, Deepfakes, and Disinformation // RAND Corporation. 07.2022. URL: https://www.rand.org

Howtouber. OpenAI presented new settings for ChatGPT // Howtouber. 11.09.2023. URL: https://howtouber.top

Howtouber. OpenAI презентовал новые настройки для ChatGPT // Howtouber. 11.09.2023. URL: https://howtouber.top

Hwang T. Deepfakes: A Grounded Threat Assessment // Center for Security and Emerging Technology. 07.2020. URL: https://cset.georgetown.edu

Hwang T. Deepfakes: A Grounded Threat Assessment // Center for Security and Emerging Technology. 07.2020. URL: https://cset.georgetown.edu

Information Manipulation. The Alliance for Securing Democracy (ASD) // US German Marshall Fund. 2022. URL: https://securingdemocracy.gmfus.org

Information Manipulation. The Alliance for Securing Democracy (ASD) // US German Marshall Fund. 2022. URL: https://securingdemocracy.gmfus.org

Ireton C., Posetti J. Journalism, Fake News & Disinformation: Handbook for Journalism Education and Training // UNESCO. 2018. URL: https://unesdoc.unesco.org

Ireton C., Posetti J. Journalism, Fake News & Disinformation: Handbook for Journalism Education and Training // UNESCO. 2018. URL: https://unesdoc.unesco.org

Jankowicz N. et al. Malign Creativity: How Gender, Sex and Lies Are Weaponized Against Women Online // Wilson Center. 01.2021. URL: https://www.wilsoncenter.org

Jankowicz N. et al. Malign Creativity: How Gender, Sex and Lies Are Weaponized Against Women Online // Wilson Center. 01.2021. URL: https://www.wilsoncenter.org

Kasapoglu C., Kirdemir B. Artificial intelligence and the future of conflict // New Perspectives on Shared Security: NATO's Next 70 Years // Carnegie Europe. 2019. URL: https://carnegieeurope.eu

Kasapoglu C., Kirdemir B. Artificial intelligence and the future of conflict // New Perspectives on Shared Security: NATO's Next 70 Years // Carnegie Europe. 2019. URL: https://carnegieeurope.eu

Keane J. Post-truth Politics and Why the Antidote Isn't Simply 'Fact-checking' and Truth // The Conversation. 23.03.2018. URL: https://theconversation.com

Keane J. Post-truth Politics and Why the Antidote Isn't Simply 'Fact-checking' and Truth // The Conversation. 23.03.2018. URL: https://theconversation.com

Leibowicz C., Stray J., Saltz E. Manipulated Media Detection Requires More Than Tools: Community Insights on What's Needed // Partnership on AI. 13.06.2020. URL: https://partnershiponai.org

Leibowicz C., Stray J., Saltz E. Manipulated Media Detection Requires More Than Tools: Community Insights on What's Needed // Partnership on AI. 13.06.2020. URL: https://partnershiponai.org

Linvil D., Warren P. Understanding the Pro-China Propaganda and Disinformation Tool Set in Xinjiang // Lawfare. 06.06.2021. URL: https://www.lawfaremedia.com

Linvil D., Warren P. Understanding the Pro-China Propaganda and Disinformation Tool Set in Xinjiang // Lawfare. 06.06.2021. URL: https://www.lawfaremedia.com

Literacy Rate by Country 2023 // World Population Review. 2023. URL: https://worldpopulationreview.com

Literacy Rate by Country 2023 // World Population Review. 2023. URL: https://worldpopulationreview.com

Manning C. Human Language Understanding & Reasoning // Daedalus. Spring 2022. URL: https://www.amacad.org

Manning C. Human Language Understanding & Reasoning // Daedalus. Spring 2022. URL: https://www.amacad.org

Mantello P., Ho M-T., Nguyen M-H., Vuong Q-H. Bosses without a heart: socio-demographic and cross-cultural determinants of attitude toward Emotional AI in the workplace // AI & Society. 2021 November. URL: https://doi.org/10.1007/s00146-021-01290-1

Mantello P., Ho M-T., Nguyen M-H., Vuong Q-H. Bosses without a heart: socio-demographic and cross-cultural determinants of attitude toward Emotional AI in the workplace // AI & Society. 2021 November. URL: https://doi.org/10.1007/s00146-021-01290-1

Mantello P., Tung M. Losing the information war to adversarial AI // Research Gate. 28.04.2023. URL: https://reserchgate

Mantello P., Tung M. Losing the information war to adversarial AI // Research Gate. 28.04.2023. URL: https://reserchgate

Mis-, Dis-, and Malinformation (MDM). The Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA) // An Official Website of the United States Government. 2022. URL: https://www.cisa.gov/mdm

Mis-, Dis-, and Malinformation (MDM). The Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA) // An Official Website of the United States Government. 2022. URL: https://www.cisa.gov/mdm

Mitchell A. How frightening new AI Midjourney creates realistic fake images // New York Post. 5.04.2023. URL: https://nypost.com

Mitchell A. How frightening new AI Midjourney creates realistic fake images // New York Post. 5.04.2023. URL: https://nypost.com

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare // Research Gate. 2023(a). April. URL: https://www.researchgate.net

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare: A double-edged sword // Artificial Intelligence and International Conflict in Cyberspace. Routledge. 2023(б). Pp. 47–74. URL: https://doi.org/10.4324/9781003284093-4

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare // Research Gate. 2023(a). April. URL: https://www.researchgate.net

Moy W., Gradon K. Artificial intelligence in hybrid and information warfare: A double-edged sword // Artificial Intelligence and International Conflict in Cyberspace. Routledge. 2023(б). Pp. 47–74. URL: https://doi.org/10.4324/9781003284093-4

Tikhonov, V. Educational Institutions Block Access to ChatGPT. What's Next? Rossiyskaya Gazeta, 07.01.2023. URL: https://rg.ru/2023/01/07/obrazovatelnye-uchrezhdeniia-blokiruiut-dostup-k-nejroseti-chatgpt-chto-dalshe.html (in Russian).

Urtaeva, E. B. Opportunities and Threats of Using Artificial Intelligence (AI) in Political Communications. Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo, 2024, No. 2, pp. 44–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-i-ugrozy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-ii-v-politicheskih-kommunikatsiyah (in Russian).

The Era of Artificial Intelligence and the Problems of Cognitariat Formation

Sergey A. Khrapov (a), Alexander P. Glazkov (b), Anton P. Ruzhanskiy (c)

(a) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia.
Email: khrapov.s.a.aspu[at]gmail.com ORCID: 0000-0003-1962-748X

(b) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia.
Email: alpglazkov[at]yandex.ru ORCID: 0000-0001-7606-2433

(a) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia.
Email: antonmailruz[at]mail.ru ORCID: 0009-0006-3495-3848

Abstract

The article explores the elitological potential of the social group of "knowledge workers," which can be referred to as the cognitariat, in the context of rapidly developing artificial intelligence (AI) technologies. The authors use a methodology based on cognitive-technological, socio-philosophical, and political-philosophical approaches to identify the constructive and destructive aspects of the cognitariat's activities in the context of mastering AI technologies, as well as the prospects for its interaction with the traditional political elite. Among the positive aspects, the prospect of forming a "smart society" stands out, in which state and municipal governance is based on the analysis of huge amounts of data and knowledge that would be developed through the joint efforts of the whole society. Such a model of social organization implies a more rational distribution of resources and opportunities in society. Destructive aspects include increased social inequality, the use of AI-related manipulative technologies, and the growth of digital technocracy. The cognitariat, which is professionally involved in the production and dissemination of knowledge, the importance of which has increased dramatically in the post-industrial information age, gains a powerful resource of power at its disposal through artificial intelligence technologies, which opens up the possibility of political domination. One option being considered is the entry of this social group into the political elite. Ultimately, this could lead to large-scale political shifts in the social structure and the search for optimal models of social governance.

Keywords

Cognitariat; Artificial Intelligence; Political Elite; Political Power; Information Society; Digital Technologies; Generative Models; Epistemic Power; Post-Industrial Society

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Эпоха искусственного интеллекта и проблемы формирования когнитариата

Храпов Сергей Александрович (a), Глазков Александр Петрович (b), Ружанский Антон Павлович (c)

(a) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия. Email: khrapov.s.a.aspu[at]gmail.com ORCID: 0000-0003-1962-748X

(b) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия. Email: alpglazkov[at]yandex.ru ORCID: 0000-0001-7606-2433

(a) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия. Email: antonmailruz[at]mail.ru ORCID: 0009-0006-3495-3848

Аннотация

В статье исследуется элитологический потенциал социальной группы «работников умственного труда», которая может быть обозначена как когнитариат в условиях динамично развивающихся технологий искусственного интеллекта (ИИ). Авторы используют методологию когнитивно-технологического, социально-философского и политико-философского подходов с целью определения конструктивных и деструктивных аспектов деятельности когнитариата в контексте овладевания ИИ-технологий, а также перспектив его взаимодействия с традиционной политической элитой. Среди позитивных аспектов выделяется перспектива формирования «умного общества», в котором государственное и муниципальное управление основано на анализе огромных массивов данных и знаниях, которые вырабатывались бы совместными усилиями всего общества. Такая модель общественной организации предполагает более рациональное распределение ресурсов и возможностей социума. К деструктивным аспектам можно отнести усиление социального неравенства, использование связанных с ИИ манипулятивных технологий и рост цифрового технократизма. Когнитариат, профессионально связанный с производством и распространением знаний, значение которых резко возросло в информационную постиндустриальную эпоху, получает при помощи технологий искусственного интеллекта в свое распоряжение мощный ресурс власти, что открывает ему возможность политического доминирования. Как один из вариантов рассматривается вхождение этой социальной группы в сферу политической элиты. В итоге это может привести к масштабным политическим сдвигам в общественном устройстве и поиску оптимальных моделей управления обществом.

Ключевые слова

когнитариат; искусственный интеллект; политическая элита; политическая власть; информационное общество; цифровые технологии; генеративные модели; эпистимическая власть; постиндустриальное общество

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Стремительно развивающиеся технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые активно внедряются в различные системы управления вместе с перспективами их оптимизации порождают также технологические и социокультурные вызовы, способные радикально трансформировать социальную и политическую структуру современного общества. Распространение и институционализация алгоритмических систем и генеративных моделей ведёт к формированию новых субъектов социального взаимодействия. Еще теоретики информационного общества указывали на появление новой социальной группы – работников умственного труда ("knowledge worker"), которые в информационную, постиндустриальную эпоху стали занимать ведущие позиции в развитии общества. Современный политический и экономический ландшафт претерпевает глубокие парадигмальные изменения, переходя от индустриальной модели, основанной на производстве физических товаров, к постиндустриальной структуре, в которой создание, распространение и использование знаний стали доминирующими факторами роста, инноваций и социальных изменений. В этой новой реальности, часто описываемой как «общество знаний», традиционные источники власти, такие как земля, труд и капитал, заменяются новой формой доминирования, основанной на контроле над информацией и технологиями. Этот переход переопределяет не только экономические структуры, но и фундаментальную природу политической власти, перенося ее фокус с материальных ресурсов на нематериальные активы [Kordi, 2024].

Концепция «общества знаний» отличается от простого «информационного общества». В то время, как информационное общество сосредоточено на создании и распространении необработанных данных, общество знаний обладает способностью критически анализировать эту информацию, преобразуя ее в практические ресурсы, которые могут быть использованы для улучшения условий жизни человека. Эта трансформация требует размышлений, осознания и понимания, которые необходимы для эффективных действий общества и развития технологий, помогающих человечеству.

В контексте анализа новых социальных реальностей, которые создают новый этап развития технологий, и появляется понятие «когнитариат» (от слова «cognition» – познание), которым по аналогии с пролетариатом был обозначен новый социальный класс людей интеллектуального труда, который становится ведущим в новую эпоху [Тоффлер, 2003, с. 45]. Понятие когнитариата приобретает особое значение для социально-философского анализа феномена ИИ. Эта особая социальная группа, когнитариат, в отличие от пролетариата является носителем специфических форм когнитивного капитала и компетенций в области проектирования, эксплуатации и управления ИИ.

Процесс перехода к новым социальным реалиям имеет диалектический характер: с одной стороны, он способствует расширению возможностей личности и демократизации доступа к знаниям; с другой – обостряет формы социального неравенства, определяемые доступом к инфраструктуре данных, алгоритмическим ресурсам и техносоциальным сетям. В этом контексте становится все более очевидным сдвиг в центрах принятия политических решений, который может привести к возможному столкновению между «старыми» элитами – политическими и финансовыми – и возникающей когнитивной элитой, которая обладает властью над информационными потоками.

ИИ и предпосылки к формированию когнитариата как новой политической элиты

Теоретические концепции, которые когда-то объясняли динамику власти, пересматриваются в свете новой экономической реальности. Власть, традиционно рассматриваемая с точки зрения военного и экономического принуждения, или «жесткой силы», теперь понимается как значительно зависящая от нематериальных активов. Концепция «мягкой силы», то есть способности страны влиять на события посредством притяжения и убеждения, Д. Найя, обрела новые грани и получила свое дальнейшее развитие в цифровую эпоху. Одним из таких направлений развития можно назвать появление концепции «силы знаний», которая концентрирует свое внимание на способности корпораций или других субъектов влиять на принятие политических решений и контролировать поведение граждан на основе полученного ими преимущества в области технологий и знаний.

Эта форма политического влияния распределена неравномерно. Тщательный анализ современной сферы властных отношений показывает, что она существует как способность действовать, и может воплощаться в самих работниках или во внешних «ресурсах», таких как информация. Аналогичным образом, корпорации, обладающие «ключевой информацией или основными технологиями», имеют непропорционально большую власть над своими партнерами в сети. Исследования показывают, что эта сила знаний связана с инновациями, разрабатываемых в предприятиях, в частности через «контроль знаний», то есть способность устанавливать правила и парадигмы сотрудничества, и через «влияние знаний», а именно способность выступать в качестве шлюза для передачи знаний в сети [Deursen, Van Dijk, 2011].

Работы Мишеля Фуко «Истина и власть» и «Око власти» предоставляют основополагающую теоретическую основу для этого понимания, поскольку Фуко утверждал, что знание является основной причиной генерации власти, а власть отражается через зависимость или доминирование [Wang, Cao, Wang, Wang, 2022]. Таким образом, переход от физической власти к власти, основанной на знаниях, не устраняет иерархические структуры власти, а скорее материализует их в цифровой сфере.

Переход к информационному, а затем и цифровому обществу означал коренную трансформацию в понимании ценности знания. Массовая информатизация и сетевизация социума в конце XX – начале XXI века привели к накоплению беспрецедентных массивов данных, описывающих социальное поведение, культурные паттерны и индивидуальные предпочтения. Однако классические методы анализа оказались недостаточными для работы с такого рода «большими данными», что стимулировало разработку новых алгоритмических инструментов.

С появлением систем машинного обучения и глубоких нейросетей информация приобрела статус стратегического ресурса, сопоставимого с индустриальным капиталом прошлых эпох. Алгоритмические механизмы персонализации и предиктивной аналитики открыли возможности как для оптимизации производства, так и для масштабных когнитивных манипуляций. В этих условиях когнитивный труд – труд по производству, обработке и интерпретации знаний – обретает ключевое значение. Таким образом, возможность формирования когнитариата как потенциальной новой элиты связана с институционализацией нового типа власти – эпистемической власти, основанной на монополизации знаний и контроле над их социальным распределением.

Когнитариат можно рассматривать как претендента на роль новой элиты постиндустриального цифрового общества, чья доминирующая позиция будет определяться не столько обладанием материальным капиталом или политической машинерией, сколько контролем над алгоритмами и информационными потоками. В отличие от традиционных элит – финансовой и политической – когнитариат может конституировать особую форму власти, которую можно обозначить как алгоритмическую гегемонию.

Развитие генеративных моделей (ChatGPT, Claude, DeepSeek и др.) усилило значимость когнитариата, превратив его в медиатора между техносферой и обществом. Он одновременно выступает как агент инновационного производства и регулятор социального взаимодействия, обладающий властью формировать новые нормы коммуникации, образования и культурного воспроизводства.

Трансформация общества свидетельствует о том, что когнитариат имеет потенциал для консолидации в качестве новой элиты. Отличительной чертой этой группы является ее способность использовать знания, технологический опыт и инструменты на базе искусственного интеллекта в качестве источников власти. Как отмечает Т. Миллер, когнитариат исторически возник в результате неолиберальной реструктуризации как группа нестабильных работников культурной и информационной сферы, чье символическое производство все больше влияло на рынки и политику [Miller, 2013]. Сегодня их владение искусственным интеллектом и цифровыми инфраструктурами усиливает эту символическую власть, позволяя им влиять на нарративы, контролировать потоки информации и мобилизовывать коллективные действия. Анализ Али показы-

вает, как цифровой активизм использует общую идентичность, эмоции и групповую эффективность, чтобы обойти традиционные барьеры и создать новые формы гражданской власти [Ali, 2025]. Все это позволяет когнитариату действовать не только как культурному производителю, но и как архитектору политической легитимности в информационную эпоху. Сочетая технологическую подкованность с умением организовывать коллективную мобилизацию, когнитариат имеет шанс заменить старые элиты, устанавливая власть через информационную мощь и алгоритмическое управление, а не через материальное богатство или институциональные традиции.

ИИ является ключевой технологией, выступающей в качестве движущей силы как централизации, так и децентрализации власти. С одной стороны, он способствует расширению индивидуальных возможностей и демократизации доступа к знаниям, с другой – усугубляет социальное неравенство.

Конструктивные возможности когнитариата и деструктивные векторы его развития

Конструктивный потенциал когнитариата проявляется в его способности выступать движущей силой инноваций и цифровой экономики. Представители этого класса не только создают новые технологические решения, но и формируют культурные и образовательные практики, включающие гибридные формы обучения, сетевые проекты и open source инициативы. Более того, когнитариат открывает перспективу формирования «умного общества», в котором управление основано не на грубой силе капитала или политики, а на анализе данных и коллективном знании.

Такая модель социального устройства предполагает более рациональное распределение ресурсов и возможностей, что в перспективе способно преодолеть многие ограничения индустриальной эпохи. Подобное «умное общество» может включать гибридные системы принятия решений, основанные на алгоритмах прогнозирования, которые учитывают интересы множества социальных групп. В образовательной сфере когнитариат продвигает гибридные и индивидуализированные траектории обучения, усиливая доступность знаний через цифровые платформы, виртуальные лаборатории и международные сетевые проекты.

В культурной сфере представители когнитариата формируют новые стандарты кооперации, в которых акцент делается на открытость и совместное использование ресурсов, что отражается в распространении open source инициатив, творческих сетевых сообществ и платформ совместного производства контента. Всё это формирует предпосылки для возникновения общества, где знания становятся не только фактором производства, но и важнейшей ценностью социального взаимодействия. Таким образом, когнитариат открывает перспективу формирования «умного общества», в котором управление основано не на грубой силе капитала или политики, а на анализе данных и

коллективных знаниях. Такая модель социальной организации предполагает более рациональное распределение ресурсов и возможностей.

Однако вместе с этим проявляется всё более отчётливо и деструктивные следствия развития когнитариата. Одной из главных угроз становится возможность масштабной дезинформации и манипуляции сознанием людей. Современные технологии искусственного интеллекта способны создавать убедительный контент, который трудно отличить от «реальной» информации. Это открывает путь к алгоритмическому конструированию реальности, в которой границы между правдой и фальсификацией стираются. В руках новой элиты подобные инструменты превращаются в средства контроля над общественным мнением и поведения.

Исследование Корди содержит убедительный анализ того, как ИИ укрепляет и усиливает существующие структуры власти, в первую очередь, через концепцию «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф. Эта новая форма капиталистического накопления основана на одностороннем утверждении, что «человеческий опыт – это бесплатное сырье», которое можно преобразовать в «поведенческие данные». Этот огромный объем данных, называемый «поведенческим избытком», затем вводится в производственные процессы, управляемые ИИ, для создания «продуктов прогнозирования», которые продаются на «рынках поведенческих фьючерсов» [Kordi, 2024]. Основная цель этой системы заключается во вмешательстве в формирование человеческого поведения наиболее выгодным с коммерческой точки зрения для компаний, контролирующих эту технологию образом. Это создает новую форму власти, которую Зубофф называет «инструментальной властью», определяемой как «инструментализация поведения в целях модификации, прогнозирования, монетизации и контроля». Угроза переходит от тоталитарного государства («Большой брат») к «повсеместной цифровой архитектуре», контролируемой корпорациями («Большой Другой») [Zuboff, 2019].

Еще одним разрушительным аспектом является усиление социального неравенства: доступ к инфраструктуре данных и мощным системам ИИ сосредотачивается в руках ограниченного числа участников, что приводит к укреплению асимметрии власти. Нынешнее внедрение ИИ рассматривается как укрепление парадигмы «больше – значит лучше», которая выгодна «технологической олигархии». Это делает общественность более «незащищенной, уязвимой и неспособной оспаривать решения, принимаемые «умной машиной»». В результате, когнитариат может перестать быть носителем демократизации знаний и превратиться в закрытую элиту, контролирующую «алгоритмические шлюзы» доступа к информации [Храпов, 2019].

Не менее значимым является кризис идентичности и автономии: алгоритмы формируют для человека картину мира, подстраивая её под индивидуальные профили, что приводит к ограничению пространства критического мышления. Возникает риск редукции субъективности и перехода к состоянию,

которое можно обозначить как «эра зомби» – общество, где личность и критическое мышление уступают место алгоритмическому управлению и автоматизированным моделям поведения [Храпов, 2012]. Таким образом, когнитариат, наряду с конструктивным потенциалом, несёт в себе угрозу трансформации общества в систему, где цифровые механизмы контроля начинают доминировать, а автономия субъекта сокращается до минимума.

Конфликт между когнитариатом и традиционной политической элитой

Появление когнитариата как новой силы исторического процесса неизбежно обостряет отношения с устоявшимися элитными структурами. Конфликт носит комплексный характер, затрагивая как экономическую, так и политическую сферы.

Финансовая элита утрачивает монополию на капитал. Если в индустриальном обществе доминирующее положение определялось материальными активами, то в условиях цифровой экономики решающим фактором становится контроль над знаниями и алгоритмами. Для традиционного финансового капитала это означает необходимость выстраивания стратегических альянсов с когнитариатом, чтобы избежать постепенной маргинализации.

Одновременно с этим монополию на управление теряет политическая элита: цифровые платформы и алгоритмические механизмы самоорганизации демонстрируют способность к более эффективной координации социальных процессов, чем традиционные государственные институты. Перед политическим классом возникает дилемма: интегрировать когнитариат в систему государственного и муниципального управления или перейти к мерам усиления контроля за цифровой сферой, вплоть до жестких репрессивных мер.

Анализ власти, когнитариата и ИИ показывает резкий контраст между оптимистичными обещаниями «общества знаний» и его практическими результатами. Идеал более эгалитарного общества, в котором знания являются общественным благом, доступным для всех, был подорван сохраняющимся неравенством. Критики указывают на неоднозначность самого термина «знание», которое часто рассматривается как однородная сущность, которую можно измерить с помощью количественных показателей, таких как количество интернет-пользователей или количество выданных дипломов. Такой подход игнорирует качество знаний и качественные факторы их использования, такие как критическое мышление и применение [Tennant, 2020].

ИИ может быть использован социальными движениями и активистами для расширения прав, возможностей и социальных изменений. ИИ может предоставить доступные руководства для обучения и исследований, а также помочь в стратегическом планировании и коммуникации за счет автоматизации задач. Инструменты ИИ могут преобразовывать сложную информацию в доступные учебные материалы. Особенно значимым применением является

использование ИИ для анализа крупномасштабной обратной связи от сторонников, что позволяет эффективнее, чем когда-либо прежде, учитывать мнения широких масс в процессах принятия решений. Однако исследования в этой области [Runcan, Hațegan, Toderici, Croitoru, Gavrila-Ardelean, Cuc, Rad, Costin, Dughi, 2025] вызывают ряд опасений, таких как алгоритмическая предвзятость, недостаток прозрачности и размытость ответственности.

Иллюзия равенства через образование также является предметом серьезной критики. Распространение дипломов привело к «инфляции квалификаций», когда квалификации обесцениваются и возникает разрыв между образованием и занятостью. Это усугубляет неравенство, поскольку маргинализированные группы сталкиваются с системными барьерами на пути к качественному образованию и остаются позади.

Кроме того, коммерциализация знаний, проявляющаяся в высокой стоимости элитного образования, онлайн-курсов и проприетарных академических баз данных, противоречит идеалу демократического общества знаний. Традиционная система академических публикаций, в которой доминируют коммерческие издательства, подвергается критике за монополизацию академических знаний и ограничение доступа общественности, что создает напряженность между частными, ориентированными на прибыль моделями, и общественным интересом к открытым знаниям. Эта «пропасть знаний», когда доступность информации не гарантирует ее эффективного или этического использования, является центральным парадоксом информационной эпохи.

В результате, можно выделить несколько сценариев развития возможного конфликта между когнатариатом и «старой» политической элитой: усиление конкурентной борьбы за обладание и контроль над ключевыми ИИ-технологиями между государством, корпорациями и когнитариатом; централизация ИИ в руках «старой» элиты, сопровождаемая усилением цифровой цензуры и тотальным алгоритмическим надзором; попытки когнитариата создать параллельные структуры власти в форме сетевых сообществ, децентрализованных автономных организаций и моделей цифровой демократии.

Таким образом, противостояние когнитариата и традиционных элит можно рассматривать как ось будущего социально-политического конфликта, который будет определять траектории трансформации политического устройства в постиндустриальную эпоху. Этот конфликт не ограничивается лишь сферой власти или капитала – он затрагивает основы мировоззрения, формы культурного производства и способы организации коллективного действия. Можно предположить, что именно в этом напряжённом взаимодействии будет формироваться новая социальная динамика, где старые институты столкнутся с необходимостью адаптации, а когнитариат получит возможность институционализировать свою власть. Это противостояние станет не только источником кризисов, но и катализатором поиска новых моделей управления, способных сочетать традиционные формы власти и когнитивные ресурсы. Именно этот

диалектический процесс определит, будет ли последующий политический порядок основан на балансе интересов или приведет к радикальному доминированию одной из сторон.

Можно предположить, что речь идёт о процессе, в каком-то смысле сравнимом по масштабу с переходом от феодализма к капитализму, когда прежние структуры оказались не способны удерживать контроль над социальной динамикой. В ближайшей перспективе подобное противостояние станет не только источником кризисов, но и катализатором поиска новых моделей управления, способных объединить традиционные формы власти и когнитивные ресурсы. И именно этот диалектический процесс определит, будет ли новый формирующийся сейчас порядок основан на балансе интересов или же приведёт к радикальной доминации одной из сторон конфликта.

Список литературы

Ali M.N. Digital Activism and Collective Mobilization: A Narrative Review of Social Identity, Group Efficacy, and the SIMCA Framework // Sinegi International Journal of Psychology. 2025. Vol. 3. № 1. С. 38-51.

Brookes M. Power Resources in Theory and Practice: Where to Go from Here // Global Labour Journal. 2018. Vol. 9(2). С. 254-257.

Deursen A. J. A. M., Van Dijk J. A. G. M. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2011. Vol. 13. С. 893-911.

Hall A., Forrest A., Sears D., Yanar B. Making a Difference: Knowledge Activism and Worker Representation in Joint OHS Committees // Relations industrielles / Industrial Relations. 2006. Vol. 61. № 3. С. 408-436.

Kordi M. Surveillance Capitalism: The Transformation of Raw Online Data into Valuable Assets by High-Tech Companies – Is AI Governance a Threat or a Solution to Our Privacy Concerns? // The Palgrave Handbook of Sustainable Digitalization for Business, Industry, and Society. Springer, 2024. С. 401-416.

Miller T. The children of Reagan's hippies // R/evolutions: Global Trends & Regional Issues. 2013. Vol. 1. С. 80-93.

Runcan R., Hațegan V., Toderici O., Croitoru G., Gavrila-Ardelean M., Cuc L. D., Rad D., Costin A., Dughi T. Ethical AI in Social Sciences Research: Are We Gatekeepers or Revolutionaries? // Societies. 2025. Vol. 15. № 3. С. 62. URL: https://doi.org/10.3390/soc15030062

Tennant J.P. Web of Science and Scopus are not global databases of knowledge // European Science Editing. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/346367515

Wang J., Cao N., Wang Y., Wang Y. The Impact of Knowledge Power on Enterprise Breakthrough Innovation: From the Perspective of Boundary-Spanning Dual Search // Sustainability. 2022. Vol. 14. № 17. С. 10980. URL: https://doi.org/10.3390/su141710980

Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с.

Храпов С.А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 88-95.

Храпов С.А. Пределы техногизации человека: проблема искусственного интеллекта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 195-200.

References

Ali M.N. Digital Activism and Collective Mobilization: A Narrative Review of Social Identity, Group Efficacy, and the SIMCA Framework // Sinegi International Journal of Psychology. 2025. Vol. 3. № 1. С. 38-51.

Brookes M. Power Resources in Theory and Practice: Where to Go from Here // Global Labour Journal. 2018. Vol. 9(2). С. 254-257.

Deursen A. J. A. M., Van Dijk J. A. G. M. Internet skills and the digital divide // New Media & Society. 2011. Vol. 13. С. 893-911.

Hall A., Forrest A., Sears D., Yanar B. Making a Difference: Knowledge Activism and Worker Representation in Joint OHS Committees // Relations industrielles / Industrial Relations. 2006. Vol. 61. № 3. С. 408-436.

Khrapov, S. A. Limits of Human Technogization: The Problem of Artificial Intelligence. Caspian Region: Politics, Economy, Culture, 2012, No. 2, pp. 195–200. (in Russian).

Khrapov, S. A. The Crisis of Consciousness: The “Cognitive Response” of Technogenic Civilization. Voprosy Filosofii, 2019, No. 1, pp. 88–95. (in Russian).

Kordi M. Surveillance Capitalism: The Transformation of Raw Online Data into Valuable Assets by High-Tech Companies – Is AI Governance a Threat or a Solution to Our Privacy Concerns? // The Palgrave Handbook of Sustainable Digitalization for Business, Industry, and Society. Springer, 2024. С. 401-416.

Miller T. The children of Reagan's hippies // R/evolutions: Global Trends & Regional Issues. 2013. Vol. 1. С. 80-93.

Runcan R., Hațegan V., Toderici O., Croitoru G., Gavrila-Ardelean M., Cuc L. D., Rad D., Costin A., Dughi T. Ethical AI in Social Sciences Research: Are We Gatekeepers or Revolutionaries? // Societies. 2025. Vol. 15. № 3. С. 62. URL: https://doi.org/10.3390/soc15030062

Tennant J.P. Web of Science and Scopus are not global databases of knowledge // European Science Editing. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/346367515

Toffler, A. The Metamorphoses of Power. Moscow: ACT, 2003. 669 pp. (in Russian).

Wang J., Cao N., Wang Y., Wang Y. The Impact of Knowledge Power on Enterprise Breakthrough Innovation: From the Perspective of Boundary-Spanning Dual Search // Sustainability. 2022. Vol. 14. № 17. С. 10980. URL: https://doi.org/10.3390/su141710980

Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

A Concept for Typifying a Range of Public Administration Problems and Possi-ble Project-Based Solutions in the Era of Total Digitalization

Gennady V. Kosov (a), Oleg V. Polovtsev (b)

(a) Institute of International Economic Relations. Moscow, Russia. Email: kossov1[at]yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1422-895X

(b) Independent Researcher. Kherson, Russia. Email: opolovcev[at]gmail.com
ORCID: 0000-0003-4736-6133

Abstract

Total digitalization, the changing global situation, and Russia's growing role as a leader among global centers of power and influence are changing and adjusting the tasks addressed at the level of all public administration systems. This situation is creating new challenges in relation to the social and power technologies used by the public administration system and the effective management of the so-called "market of public trust," support, and sympathy. The Russian public administration system must be prepared to compete effectively in this market for the trust, support, and sympathy of Russian citizens and friendly citizens of other countries. Russia's public administration system must be able to produce and promote effective social proposals: policies, strategies, programs, and development projects, and to channel social resources and efforts in the directions needed by us, not by others. This necessitates timely and meaningful changes in the techniques and technologies of exercising power and adapting the governance system to external changes and internal needs. From a systems approach perspective, public administration is a unique system with its own distinctive structure, connections, and functions. The article argues that the systemic challenges facing public administration entities are formulated as follows: reconfiguring and modernizing the organizational and functional capacity of governance structures; mastering and implementing new governance technologies in practice; and the ability to effectively and efficiently manage social and material resources, channeling social capital and people's efforts in the directions needed by the country, region, and community.

Keywords

Public Administration; Total Digitalization; Systems Theory; Transactional Power; Network Governance; Hierarchical Power

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Концепция типологизации ряда проблем публичного управления и возможности их проектного решения в эпоху тотальной цифровизации

Косов Геннадий Владимирович (a), Половцев Олег Валентинович (b)

(a) Институт международных экономических связей. Москва, Россия.
Email: kossov1[at]yandex.ru ORCID: 0000-0002-1422-895X

(b) Независимый исследователь. Херсон, Россия. Email: opolovcev[at]gmail.com
ORCID: 0000-0003-4736-6133

Аннотация

Тотальная цифровизация, изменение ситуации в мире и возрастающая роль России как лидера среди мировых центров силы и влияния изменяют и корректируют задачи, которые решаются на уровне всех систем управления государством. Такая ситуация порождает новые вызовы в отношении социальных и властных технологий, используемых системой публичного управления, и эффективного управления, так называемым, «рынком общественного доверия», поддержки и симпатий. Российская система публичного управления должна быть готова результативно конкурировать на этом рынке за доверие, поддержку и симпатии российских граждан и дружественным нам граждан других стран. Система публичного управления России должна уметь продуцировать и продвигать эффективные социальные предложения: политики, стратегии, программы и проекты развития, перемещать социальные ресурсы и усилия в необходимых нам, а не кому-то другому, направлениях. Это заставляет своевременно и содержательно изменять техники и технологии осуществления власти и адаптировать систему управления под внешние изменения и внутренние потребности. С точки зрения системного подхода публичное управление является уникальной системой со своей, присущей только ей структурой, связями и функциями. В статье доказывается, что системные вызовы, стоящие перед субъектами публичного управления, формулируются следующим образом: перенастройка и осовременивание организационно-функциональной способности управленческих структур; освоение и использование в практической деятельности новых технологий власти; умение эффективно и результативно управлять социальными и материальными ресурсами, перемещать социальный капитал и усилия людей в нужных для страны, региона и общины направлениях.

Ключевые слова

публичное управление; тотальная цифровизация; теория систем; трансакционная власть; сетевое управление; иерархическая власть

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение в проблему публичного управления в контексте множества центров генерирования управляющих сигналов для национальной/локальной социальной системы

Тотальная цифровизация, изменение ситуации в мире и возрастающая роль России как лидера среди мировых центров силы и влияния изменяют и корректируют задачи, которые решаются на уровне всех систем управления государством.

Сегодня на «поле» публичного управления и общественно-политических коммуникаций продолжают играть свои партии такие игроки как негосударственные общественные организации, общественные движения, активисты, «международные управленцы» с различного рода стандартами публичного управления – новые «центры власти». Эти «центры власти», в ряде случаев, начинают влиять на нашу общественную жизнь, пытаясь перемещать социальные усилия и ресурсы нашего общества в нужные им направления. Происходит возникновение, по аналогии с мировым, многополярного мира центров генерирования управляющих сигналов для социальной системы. Данные импульсы многократно усиливаются благодаря ситуации тотальной цифровизации общества и экономики.

Данная ситуация порождает новые вызовы в отношении социальных и властных технологий, используемых системой публичного управления, и эффективного управления, так называемым, «рынком общественного доверия», поддержки и симпатий.

Российская система публичного управления должна быть готова результативно конкурировать на этом рынке за доверие, поддержку и симпатии российских граждан и дружественным нам граждан других стран. Система публичного управления России должна уметь продуцировать и продвигать эффективные социальные предложения: политики, стратегии, программы и проекты развития, перемещать социальные ресурсы и усилия в необходимых нам, а не кому-то другому, направлениях. Это заставляет своевременно и содержательно изменять техники и технологии осуществления власти и адаптировать систему управления под внешние изменения и внутренние потребности. Это можно характеризовать как тест на дееспособность публичной власти.

Методологические размышления или попытка соединить веберовскую рациональную бюрократию с теорией систем

С точки зрения системного подхода публичное управление является уникальной системой со своей, присущей только ей структурой, связями и функциями. В своей структуре система содержит подсистемы и элементы

создания управляющих сигналов (законодательных актов, политик, стратегий, программ, проектов, прочее), механизмы, техники и технологии социальной адаптации, реализации, мониторинга, оценки, контроля и «вживления» этих сигналов в общество.

Набор элементов и другие составляющие системы публичного управления и администрирования – своеобразная «ДНК» системы, отличающая ее от других систем и позволяющая ей выполнять заложенные в нее задачи – направлять социальные ресурсы и капитал в необходимых для развития общества и страны направлениях.

Код «ДНК» «зашит» в содержание элементарной структуры и другие составляющие системы публичного управления, что создает ее уникальность. Собственно, сама уникальность структуры публичного управления проявляется во внешней среде через отношения с другими.Если вдруг код «ДНК» принудительно и необоснованно будет нарушен, изменена любым безосновательным образом элементная структура системы, это приведет к потере системой ее уникальности и способности выполнять свои функциональные задачи.

С другой стороны, если в силу тех или иных обстоятельств измененные внешние условия функционирования и внутреннее содержание, и характеристики системы не будут соответствовать новым вызовам, система должна быть способной к своевременной (или упреждающей) адаптации, саморазвитию, системной эволюции, что позволит ей стать соответствующей новым вызовам. Изменения соответствия системы новым условиям функционирования должны прямо пропорционально соответствовать запросу на новые качества и характеристики данной системы и базироваться на ее новом или обновленном организационно-функциональном содержании, что обеспечивается, адекватными вызовам, техниками и технологиями.

Термин «публичное управление»,в первоначальном смысле, означал «поиск лучшим способом использования ресурсов для достижения приоритетных целей государственной политики» [Keeling, 1972]. Публичное управление и администрирование, согласно теории систем – это уникальная открытая социальная система, со своей, присущей только ей, структурой и функциями, осуществляющей собственную деятельность в непосредственном контакте с другими системами и зависимой как от изменения внутренних факторов, так и от изменений внешней среды.

Являясь социальной системой открытого типа, система публичного управления отвечает безусловным принципам создания и существования бюрократической организации. Согласно принципу бюрократизма теории бюрократии М. Вебера любая бюрократическая организация, а, собственно, таковой безусловно является любой орган публичной власти, находится всегда в «рамке» определенных формализованных процедур и правил: т.е. сама существует согласно четко установленных порядка, правил и процедур, а также

отвечает за сохранение и поддержание согласованного и формально утвержденного общественного порядка, правил и процедур, которые и позволяют сохранять согласованное общественное устройство и, собственно, само общество. Сохранение этих правил, порядка и процедур является одной из важнейших функций любой бюрократической организации и позволяет обществу быть национально идентифицированным и дееспособным в глобальном и локальном мире. То есть публичная власть, как бюрократическая организационная структура, должна сохранять базовую социальную систему – общество, ее устойчивость и структуру, благодаря «зафиксированным», в определенное время правилам, порядку и процедурам.

Создав по определенным принципам и правилам, и зафиксировав формально устойчивую структуру бюрократической организации – определенный субъект публичного управления, считается, что построена, подходящая для выполнения задач определенного уровня публичного управления, система.

Но со временем возникает ситуация, когда бюрократическая организация – субъект публичного управления, входит во внутренний конфликт: с одной стороны, она отвечает за неизменность и постоянство ранее утвержденных правил, порядка и процедур, с другой стороны, когда эти правила, порядок и процедуры перестают соответствовать вызовам современности относительно эффективного и результативного управления, бюрократическая организация - субъект публичного управления – становится источником «консервации» устаревших форм и содержания управления и сдерживания общественного развития.

То есть, если система не может соответственно прореагировать на внешние изменения условий ее функционирования и внутренние вызовы, она со временем теряет, заложенные в нее как в систему, функциональное содержание и способность достигать поставленных целей.

Исходя их вышеизложенного можно утверждать, чтопри сохранении неизменности формы и содержания управления в среде изменившихся условий, сталкиваемся с ситуацией, когда бюрократическая организация – субъект публичного управления, за счет «консервирования» правил, порядка и процедур, не соответствующих новым условиям функционирования, работает на удержание устаревших формы и содержания управления, делая их негибкими к внешним и внутренним изменениям, уменьшая эффективность и результативность собственной деятельности и, что основное, ухудшая состояние управляемой социальной системы – общества в целом или отдельного муниципального образования.

То есть, со временем, бюрократические процедуры, созданные как вспомогательные ради определенной функции, могут становиться обузой или «тормозом» как эффективной деятельности органа публичной власти, так и общественного развития в целом.

Причинно-следственные рассуждения о необходимости перехода от институциональной власти к трансакционной или моделирование сетевого управления в структуре иерархической власти

Теория бюрократии М. Вебера подчеркивает, что причина эффективности бюрократии базируется на специфических ресурсах, не зависящих ни от субъективизма руководителя, ни от традиций [Вебер, 2016]. Опираясь на это, можно сказать, что в определенное время приходит момент необходимости обновления, модернизации, кардинальных изменений в системе публичной власти как в целом, так и ее составляющих и, если этого не происходит, это приводит к серьезным ошибкам во внутренней и внешней политике.

Если эти процессы своевременно и полноценно не происходят, это приводит к серьезным ошибкам в функциональной деятельности властных структур. То есть, от современности и эффективности властных технологий, используемых в функциональной деятельности субъектов публичного управления, как системы, зависит количественный и качественный результат – устойчивость и качество общественного состояния и эффективность использования общественного ресурса.

Согласно принципу системности публичное управление – это открытая социальная система. Она функционирует в непосредственном контакте с другими системами и зависит от изменений внешней среды своего функционирования. Изменения внешней среды оказывают влияние на систему публичного управления, что вызывает необходимость адекватных равновесных реакций в соответствии с этими влияниями в виде изменения как характера ее деятельности, так и, собственно, при необходимости самой системы с точки зрения ее организационно-функционального содержания. Если система не в состоянии отреагировать адекватно на внешние изменения условий ее функционирования, она со временем теряет свою дееспособность и способность достигать поставленных целей, становится уязвимой.

Система публичного управления имеет свою функциональную нагрузку – назначение, реализуемое через заложенные в нее как систему функции. Функция – это превращение назначения в действие. Функция – это потенциальная способность системы, благодаря собственным возможностям, выполнять соответствующие действия по достижению определенных целей в совокупности с другими функциями системы. Под собственными возможностями субъекта публичного управления, в первую очередь, с точки зрения содержания публичного управления, следует понимать техники и технологии осуществления власти. Процесс – это совокупность действий по реализации соответствующих функций системы для достижения поставленных целей, то есть – это реализуемая функция. От того, какими техниками и технологиями обеспечены процессы, то есть реализация заложенных функций, зависит каче-

ство результата – достижение поставленных целей. Максимальная реализация функций, то есть безусловное достижение заложенных целей, возможно только за счет эффективных и результативных процессов и процедур, современных техник и технологий, обеспечивающих определенные процессы. Устаревшие техники и технологии не позволяют достичь максимально возможного результата, необходимого для системы.

Процессы публичной власти обеспечиваются определенными властными технологиями, которые создают возможности преобразования ее назначения в действия и достижения целей системы – максимально эффективного результата: качественного и количественного. От современности и эффективности властных технологий, используемых органом публичной власти как системой, зависит количественный и качественный результат его деятельности, то есть качество и устойчивость общественного состояния и эффективность использования общественного ресурса. По умолчанию система публичного управления должна для достижения максимального результата и эффективности обладать наиболее современными характеристиками и использовать современные властные техники и технологии во всех сферах функционального назначения. Это залог своевременной равновесной реакции на внешние изменения и вызовы, и сохранение устойчивости и стабильности управляемой системы.

В случае неспособности системы соответствовать внешним воздействиям и вызовам, цели и задачи субъекта публичного управления, как системы, должны изменяться в соответствии с изменениями условий существования и деятельности, но также требуют изменений характеристик системы для надлежащего выполнения этих новых задач и достижения новых целей. Как указывают Рут Хаббард и Жиль Паке, система государственного управления является сложной адаптивной системой, сравнимой, в некотором смысле, с экосистемой. Эта система состоит из большого количества действующих субъектов и взаимоотношений между ними. Всё это находится в непрерывном эволюционном процессе. Для того чтобы такая система могла поддерживать свое функционирование изнутри, расти и обновляться аппараты управления должны быть, в необходимой степени, разнообразными и обладать способностью своевременно изменяться [Hubbard & Paquet, 2010].

Если в качестве примера взять деятельность субъектов рыночной экономики, то процессы их модернизации, обновления, технического и технологического перевооружения подталкиваются существующей в этой сфере конкуренцией. Особенностью публичного управления есть то, что данная система является определенным монополистом в своей области. То есть внешних естественных стимулов или принуждений к обновлению и системной модернизации система публичного управления, де-факто, не имеет. В таком случае система может устаревать и становиться архаичной с точки зрения собственной структуры, техник и технологий осуществления власти.

По мысли авторов, должны существовать механизмы, инструменты, способы, средства, побуждающие и помогающие системе публичного управления системно циклически обновляться.

Сегодняшние системные вызовы, стоящие перед субъектами публичного управления, можно сформулировать следующим образом:

- перенастройка и осовременивание организационно-функциональной способности управленческих структур;
- освоение и использование в практической деятельности новых технологий власти;
- умение эффективно и результативно управлять социальными и материальными ресурсами, перемещать социальный капитал и усилия людей в нужных для страны, региона и общины направлениях.

Несмотря на широкую разрозненность субъектов публичного управления, всем им присущи общие признаки, позволяющие их дифференцировать как таковые. Эти признаки обусловлены общим функциональным видом деятельности – осуществлением публичного управления. Следовательно, субъект публичного управления – это субъект властных полномочий, который осуществляет публичное управление: предоставляет административные услуги или осуществляет исполнительно-распорядительную административную деятельность.

Публичное управление и администрирование, согласно теории систем – это уникальная открытая социальная система, со своей, присущей только ей, структурой и функциями, осуществляющей собственную деятельность в непосредственном контакте с другими системами и зависимой как от изменения внутренних факторов, так и от изменений внешней среды.

Изменения внешней среды оказывают влияние на систему публичного управления, что вызывает необходимость, адекватных этим воздействиям, равновесных реакций посредством изменения как характера ее деятельности, так и самой системы, с точки зрения ее организационно-функционального содержания.

Если система не может соответственно прореагировать на внешние изменения условий ее функционирования и внутренние вызовы, она со временем теряет, заложенные в нее как в систему, функциональное содержание и способность достигать поставленных целей.

Практика публичного управления и администрирования уверенно свидетельствует, что в определенное время и в определенных условиях возникает необходимость обновления или кардинальных изменений как в целом в системе публичного управления, так и в ее составляющих – субъектах публичного управления, осуществляющих практическую деятельность властей.

Если эти процессы своевременно и полноценно не происходят, это приводит к серьезным ошибкам в функциональной деятельности властных структур. То есть, от современности и эффективности властных технологий,

используемых в функциональной деятельности субъектов публичного управления, как системы, зависит количественный и качественный результат – устойчивость и качество общественного состояния и эффективность использования общественного ресурса.

Сегодняшние глобальные системные вызовы, стоящие перед субъектами публичного управления, можно сформулировать следующим образом:

- перенастройка и осовременивание организационно-функциональной способности управленческих структур;
- освоение и использование в практической деятельности новых технологий власти;
- умение эффективно и результативно управлять социальными и материальными ресурсами, перемещать социальный капитал и усилия людей в нужных для страны направлениях.

Можно констатировать неоспоримый факт, что для того, чтобы субъект публичного управления – орган публичной власти, как система, мог поддерживать свое функционирование изнутри, быть адекватным внутренним и внешним вызовам и обновляться, аппараты управления должны быть в необходимой степени обладать способностью своевременно меняться.

Исследование практической составляющей деятельности субъектов публичного управления показывает, что в зависимости от изменения внешних условий функционирования, составляющие системы органа публичной власти могут становиться несоответствующими новым условиям, с точки зрения их функционального и организационного содержания, а техники и технологии осуществления власти либо становятся технически устаревшими, либо морально несоответствующими этим целям и задачам. Соответственно, возникает вопрос о наличии, возможности и способности использования в практической деятельности субъектов публичного управления методологических и методических инструментов решения проблем улучшения властной деятельности.

Системный подход, как методология решения задач равновесной реакции на внешние вызовы и внутренние изменения, стоящие перед субъектами публичного управления и администрирования, по мнению авторов, должен дать целостный ответ на вопросы как оперативного, тактического, так и стратегического развития как управляющей системы - субъекта публичного управления и его деятельности, так и управляемой – общества.

Выводы или к вопросу о проектирование решения проблем и достижения целей публичного управления и администрирования

Для того, чтобы предложить действенные инструменты улучшения властной деятельности целесообразным, по мнению авторов, есть выделение, в первую очередь, проблем данной сферы деятельности, их типологизацияи

формирование типовых,для сферы деятельности решений в целяхунифицированных решений для большинства субъектов публичной власти

Настройку элементов и подсистем, обновление и модернизацию связей, функций и других составляющих субъекта публичного управления можно представить в виде комплексного проекта обновления и модернизации властной деятельности.

Пошаговое, последовательное проектирование решения проблем и достижение целей публичного управления и администрирования позволит подробно проработать каждую составляющую и сформировать алгоритм действий как во властно-управленческой, так и в общественно-политической плоскостях.

Примерный аспект практического применения системного подхода, создания и реализации комплексного проекта модернизации и обновления субъекта публичной власти, как, собственно, самого субъекта публичного управления и администрирования, так и его функциональной деятельности, может быть осуществлен на платформе отдельного муниципального образования, как объекта указанного проекта и органа публичной власти, являющегося субъектом управления им.

В большинстве практических случаев инициатива, относительно подобных предлагаемому комплексному проекту, исходит из общественного запроса на новые качество и содержание властных услуг, что находит подтверждение результатов социологических исследований качества властно-управленческой деятельности на определенной территории.

Цель комплексного проекта авторами предложено сфокусировать на приведении системы работы управленческих структур субъекта публичного управления в соответствие с требованиями и стандартами публичного управления страны, вызовами времени, запросами национального общества.

Сущность такого комплексного проекта отражает содержание процессов перенастройки и осовременивания работы систем определенного субъекта публичного управления.

В любом проекте должны быть четко зафиксированы субъекты и объекты. В качестве субъектов предлагаемого проекта целесообразно включение органов публичной власти национального и регионального уровня, которые являются стейкхолдерами подобных изменений, органа публичной власти муниципального образования – субъекта публичного управления.

В состав объектов проекта целесообразно включить:

- подсистемы субъекта публичного управления выбранного уровня – структурные подразделения органа публичной власти (департаменты, управления, другие подразделения исполнительного комитета муниципального образования);
- процессы, процедуры, техники и технологии осуществления властной деятельности субъектом публичного управления и администрирования;

В качестве направлений проекта возможны следующие:

- организационный;
- функциональный;
- общественно-политический.

Публично-управленческие проекты имеют свои отличия от других. К особенностям (ограничениям) подобного проекта можно отнести следующие:

- все процессы, связанные с перенастройкой и осовременениванием субъекта публичного управления и его деятельности, должны идти параллельно с его текущей деятельностью, ни в коей мере не влияя на снижение качества имеющихся управленческих услуг в течение всего периода функционирования проекта;
- проект должен реализовываться в исключительно конструктивной и доброжелательной атмосфере;
- направленность симпатий участников проекта должна быть ориентирована на общие идеи, ценности, процессы развития (возможности, будущее, сбережение);
- формирование устойчивых связей между участниками проекта должно происходить на двух уровнях: понятийно-рациональном и эмоциональном.

Если говорить о смысловых этапах, которые должен пройти в реализации проект подобного рода, то к ним следовало бы отнести следующие:

- сопричастность – это одинаковые идеи или ценности с другими людьми, готовность сделать что-то ради общего блага, а не только своего. Задача этапа – привлечь максимально возможное количество жителей муниципального образования в процессы, инициированные властями. Это процессы, которые отвечают потребностям граждан и естественно вовлекают их в совместные действия с властью;
- вовлеченность – состояние эмоциональной или интеллектуальной симпатии и преданности общему делу, мотивирующего к активному участию в нем. Задача этапа – сформировать социальную среду проектов, действий, инициатив, реализуемых на первом этапе, привлечь жителей (включая работников органа публичной власти) к общим проектам, сформировать общие ценности;
- соучастие – совместная деятельность. Задача этапа – привлечь участников к постоянным активным процессам, предусматривающим их личное участие. Это этап зарождения общей ответственности за общее дело и его результаты.

В реализации каждого проекта, согласно методологии проектного подхода, должна быть выделена особая составляющая, так называемая, «точка входа» в проект: в данном случае - общественно-политическая ситуация, которая давала бы возможность проекту эффективно и результативно восприниматься как его участниками и стейкхолдерами, так и внешним окружением.

В качестве инструмента такого формата может быть использована публичная открытая оценка результатов существующей системы управления жизнеобеспечением и жизнедеятельностью муниципального образования и новое стратегическое видение его перспектив.

Содержание проекта должно быть ответом на основные системные проблемы, характеризующие современное состояние как управленческой деятельности субъекта публичного управления, так и общественно-политические отношения, складывающиеся на данном этапе между управляющей системой, органом публичной власти и управляемой – территориальной общиной. Поэтому, исходя из взглядов авторов, целесообразно подходы к формированию содержания этапов проекта осуществлять в форме: «проблема – методика» как инструмент ее решения.

Список литературы | References

Hubbard R., Paquet G. The Black Hole of Public Administration. Ottawa: University of Ottawa Press, 2010. 537 p.

Keeling D. Management in Government. London: Allen & Unwin, 1972. 210 p.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология. 445 с.

Digitalization of Opposition Elites in the Political Process of the Middle East States

Denis A. Mirgorod

Pyatigorsk State University. Pyatigorsk, Russia. Email: dennismirgorod[at]gmail.com
ORCID: 0000-0002-0814-918X

Abstract

A distinctive feature of political processes in the Middle East is the systemic absence of an effective internal opposition. This is due to the governance model characteristic of many states in the region, which is based on the increased concentration of power and the strict exclusion of any potentially destabilizing elements. This circumstance explains the predominant activity of opposition forces to act from outside their countries. The sixth information revolution (2005 - present) diversified the opportunities for participation in the political process, saturating it with a network component associated with the active use of various unconventional information resources. The turning point was the "Arab Spring" (2010), after which these groups began to use information resources en masse and with varying degrees of effectiveness to promote their ideas and organize protests, as was the case, for example, in Egypt, Libya, Syria and Turkey. Consequently, today a "digital opposition elite" has formed in the region, which has become an important factor in the political process in the Middle East. Thus, the digitalization of opposition elites in Middle Eastern states is of legitimate scientific research interest in establishing the specifics of the current political life of the region.

Keywords

Political Elites; Digital Elites; Political Process; Political Power; Middle East; Information Technology; Political Crisis

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Цифровизация оппозиционных элит в политическом процессе государств Ближнего Востока

Миргород Денис Александрович

Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия.
Email: dennismirgorod[at]gmail.com ORCID: 0000-0002-0814-918X

Аннотация

Отличительной чертой политических процессов на Ближнем Востоке является системное отсутствие эффективной внутренней оппозиции. Это обусловлено моделью управления, характерной для многих государств региона, которая зиждется на усиленной концентрации власти и жестком отсечении любых потенциально дестабилизирующих элементов. Данное обстоятельство объясняет преимущественную деятельность оппозиционных сил действовать за пределами своих стран. Шестая информационная революция (2005 г. - н.в.) значительно разнообразила возможности участия в политическом процессе, насытив его сетевым компонентом, связанным с активным использованием различных неконвенциональных информационных ресурсов. Переломным моментом стала «арабская весна» (2010 г.), после которой эти группы начали массово и с разной степенью эффективности использовать информационные ресурсы для продвижения своих идей и организации протестов, как это было, например, в Египте, Ливии, Сирии и Турции. Следовательно, на сегодняшний день в регионе уже оформилась «цифровая оппозиционная элита», которая превратилась в важный фактор политического процесса на Ближнем Востоке. Таким образом, цифровизация оппозиционных элит ближневосточных государств представляет обоснованный научно-исследовательский интерес для установления специфики текущей политической жизни региона.

Ключевые слова

политические элиты; цифровые элиты; политический процесс; политическая власть; Ближний Восток; информационные технологии; политический кризис

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение. Обоснование проблемы исследования

Политический процесс на Ближнем Востоке главным образом характеризуется отсутствием в нем действенных оппозиционных сил, деятельность которых ограничена особенностями функционирования государственной системы различных стран региона. Связано это в первую очередь с тем, что руководства ближневосточных государств придерживаются принципа максимальной централизации власти и недопущения к политическому процессу сил, способных подорвать сложившейся за долгие годы порядок. В этой связи различные оппозиционные элиты Ближнего Востока осуществляют свою деятельность из-за границы. Развитие информационных технологий позволило этим акторам значительно разнообразить инструментарий влияний на политический процесс ближневосточных государств. Начиная с 2010 года, когда регион накрыла волна политических потрясений («арабская весна») оппозиция стала все активнее прибегать к возможностям различных информационных ресурсов (сайты, соцсети, мессенджеры) для продвижения и усиления протестных настроений. Подобные практики наблюдались в Тунисе, Египте, Сирии, Турции, Ливии. В настоящее время многие лидеры ближневосточной оппозиции преимущественно осуществляют свою деятельность именно в информационном пространстве. Соответственно, уместно говорить о возникновении цифровых оппозиционных элит на Ближнем Востоке, которые становятся полновесными участниками современного политического процесса в регионе.

Методология

Основой работы послужили различные теоретические подходы к исследованию и определению политических элит в современном мире. В частности использовался принцип Р. Даля, который указывал на то, что рассредоточена между несколькими группами [Dahl, 1982]. В дополнение применялись подходы к трактовке цифровизации политического процесса [Filgueiras, 2022]. С целью понимания эволюции современной оппозиции автором рассматривались различные теоретические выкладки, связанные с ее сущностными характеристикам [Helms. 2021]. Также для определения роли информационных технологий в действиях оппозиционных сил применялось выделение пять фаз политической мобилизации по Ф. Ховарду, в рамках которых может существовать оппозиционный цифровой активизм [Howard, 2013]. При исследовании проблемы также используется принцип сдвига от модели «один-ко-многим» (традиционные каналы коммуникации) к «многие-ко-многим» (соцсети иные современные ресурсы связи) [Balbi, & Kittler, 2021]. С целью установления слабых сторон цифровой оппозиционной деятельности рассматривается гипотеза М. Гладуэлла о том, что онлайн-активизм создает «слабые связи» и не

может заменить высокорисковую активность в реальном мире, требующую иерархической организации [Pell, 2010].

Таким образом, привлеченный теоретический материал в совокупности с использованным фактологическим материалом позволил выявит особенности современных оппозиционных цифровых элит на Ближнем Востоке.

Становление цифровых политических элит на Ближнем Востоке: революции Twitter[1] и Facebook[2]

Возможности оппозиционных сил на Ближнем Востоке долгое время были ограничены набором традиционных механизмов воздействия. Вследствие этого долгое время власти государств региона достаточно эффективно могли контролировать и купировать их деятельность, что выражалось в широком распространении различных регрессионных механизмов [Salih, 2013, p. 188]. Однако серия волнений и переворотов в ближневосточных странах, начавшаяся в 2010, придала политическому процессу в регионе ряд новых черт, среди которых можно выделить и его цифровизацию.

События «арабской весны» привели ко многим политическим изменениям на Ближнем Востоке. Считается, что интернет, в частности социальные медиа, сыграли важную роль во время протестов. При этом следует отметить, что они стали не причиной, а важнейшим инструментом и катализатором волнений и революций в Египте, Тунисе, Йемене, Бахрейне, Ливии и т.д. Принято полагать, что критически важная функция информационных технологий во время арабских протестов заключалась в том, что они выступили в качестве: площадки для дискуссий (предоставление пространства для выражения недовольства и формирования оппозиционных нарративов); инструмента мобилизации (координация действий, быстрое распространение информации и преодоление страха); инструмент документирования («гражданская журналистика» создавала давление на режим внутри страны и на международной арене); «мост к мировому сообществу» (привлечение внимания мира и усиление давления на действующие власти) [Storck, 2011, p. 27]. Для иллюстрации влияния различных электронных средств коммуникации приводятся различные данные по Египту, где во время революции 2011 года наблюдался существенный всплеск активности в социальных сетях. Так, Школа государственного управления Дубая запустила проект под названием «Отчет об арабских социальных сетях». В нем представлена информация об онлайн-сфере на Ближнем Востоке. В выпуске за май 2011 года «Гражданские движения: влияние Facebook и Twitter» были проанализированы более 10 миллионов твитов. В сочетании с данными Facebook и Google этот отчет демонстрирует, как социальные сети и интернет использовались во время египетской революции. В докладе сообщается о росте использования этих интернет-ресурсов на 29% за

1 Заблокирован в РФ

2 Запрещен в России, принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской

период протестов. При этом большинство опрошенных пользователей использовали соцсети для политических целей [Arab Social Media Report, 2013].

Со своей стороны, наряду с указанными четырьмя ключевыми функциями информационных технологий в развитии протестных движений на Ближнем Востоке, мы предлагаем выделить формирование полноценных цифровых оппозиционных элит, которые сложились именно в результате частичной диджитализации политического процесса. В качестве примера можно привести онлайн активизм следующих знаковых для «арабской весны» фигур. Египтянин В. Гоним, будучи руководителем Google, был анонимным администратором страницы в Facebook «We Are All Khaled Said» (Мы все убили Халеда Саида), которая стала основным цифровым центром мобилизации протестов. Страница, названная в честь молодого человека, жестоко убитого полицией, публиковала доказательства жестокости государства, привела к организации первого протеста 25 января и стала основным источником новостей после того, как государственное телевидение утратило доверие. Также египтянин М. Эль-Барадеи: Лауреат Нобелевской премии мира и бывший глава МАГАТЭ выступил в качестве объединяющей символической фигуры для оппозиции. В своем аккаунте в Twitter он обратился к сторонникам и международному сообществу, призывая к демократическим переменам и осуждая насилие со стороны режима. Его возвращение в Египет во время протестов стало важным событием, которое координировалось и широко освещалось в интернете [Al-Quds Al-Arabi, 2019]. М. Джибриль – глава Переходного национального совета (ПНС), основного института ливийского восстания. Использовал интернет и международные СМИ для лоббирования иностранного признания и авиаударов. Хотя у ПНС были официальные представители, речи и интервью М. Джибриля, широко распространявшиеся в интернете, сыграли ключевую роль в представлении убедительной альтернативы М. Каддафи [Mezran, 2014, p. 88]. В Йемене Т. аш-Шами, являясь официальным представителем основной оппозиционной коалиции, использовал цифровые платформы для донесения позиций коалиции, обсуждения (и часто отклонения) предложений президента А. Салеха, а также для публикации заявлений в местной и международной прессе, которые затем распространялись в интернете [Wagner, & Gainous, 2013, p. 170]. В Бахрейне А. Абдулемам, известный блогер и основатель популярного онлайн-форума Bahrain Online, который был основным источником новостей и обсуждений без цензуры. Он был заключен в тюрьму правительством еще до восстания 2011 года. После освобождения во время первых протестов он продолжал быть символом цифрового инакомыслия, пока не был вынужден бежать из страны [Fibiger, 2020].

Помимо перечисленных персоналий в каждой ближневосточной стране были еще десятки политических фигур, которые сформировали реальные и достаточно влиятельные цифровые оппозиционные элиты, которые продолжают влиять на политический процесс в регионе. Далее мы остановимся на

наиболее влиятельных онлайн оппозиционерах современного Ближнего Востока.

Влиятельные оппозиционные онлайн активисты современного Ближнего Востока

В настоящее время, на наш взгляд, можно выделить три наиболее примечательных примера деятельности оппозиционных сил на Ближнем Востоке, которых можно отнести к оппозиционным цифровым элитам. Р. Пехлеви, изгнанный наследный принц Ирана и сын последнего шаха, стал заметной фигурой в иранском оппозиционном движении, используя цифровые инструменты и интернет-активизм для пропаганды смены режима и демократических преобразований в стране. Так, Р. Пехлеви утверждает, что более 50 000 приближенных к режиму лиц, включая военных и сотрудников служб безопасности, связались с ним через зашифрованные платформы, чтобы выразить готовность к перебежке [Iran International, 2025]. Также им проводятся регулярные кампании в социальных сетях: хештеги вроде #You_Represent_Me (Ты мой представитель) были в тренде в 2023 году, собрав более 390 000 подписей под петицией в поддержку Р. Пехлеви как временного лидера для демократического перехода [AC, 2025].

В Турции основу оппозиционной цифровой элиты составлял Ф. Гюлен, скончавшийся в 2024 году. Сейчас его дело продолжаю последователи. Движение Гюлена создало глобальную сеть школ, университетов, СМИ (например, газета «Заман») и предприятий, используя интернет для координации деятельности и распространения своей идеологии. Эти учреждения часто использовали цифровые платформы для продвижения межконфессионального диалога и образования, которые были основой учения Гюлена. Для онлайн-коммуникации движение использовало зашифрованные средства связи, такие как приложение ByLock, которое, по утверждениям турецких властей, использовалось гюленистами для секретной связи [Gunter, 2024]. Добавим, что последователи Ф. Гюлена активно прибегали к использованию социальных сетей для распространения информации, сообщений о нарушениях прав человека и поиска международной поддержки. Для этого создавались специальные хэштеги и онлайн-кампании. Несмотря на блокировки властями, СМИ, поддерживающие движение Гюлена, продолжают работать в интернете, предоставляя контрпропаганду государственным СМИ [Turkish Minute, 2024].

«Братья-мусульмане» в Египте достаточно рано осознали потенциал интернета, используя его для обхода государственной цензуры и прямого контакта с аудиторией. Они были одними из первых политических движений в арабском мире, использовавших интернет в качестве инструмента политической борьбы, которая включала в себя: многоязычные веб-сайты, социальные сети, зашифрованные средства связи. Необходимо также указать, что группи-

ровка прибегает к идеолого-политическим дебатам в цифровом пространстве о реформах, лидерстве и политической стратегии. Например, некоторые участники теперь выступают за роспуск или ребрендинг для обретения легитимности [Arab Center for Research an Studies, 2014].

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что власти ближневосточных государств стали активно не только подавать жалобы или блокировать антигосударственный контент, но и разрабатывать контрпропагандистские кампании против оппозиционных партий. Руководства стран Ближнего Востока интенсивно создают собственные нарративы, ставя под сомнение авторитет оппозиции и укрепляя государственную поддержку. Помимо этого наблюдается резкий рост числа законов, связанных с социальными сетями, которые позволяют властям принимать правовые меры против контента социальных сетей и его создателей [Anas, 2024].

Выводы

Развитие информационно-коммуникационных технологий стали важной составной частью современного политического процесса в странах Ближнего Востока. Наиболее явное выражение эта тенденция обрела в период «арабской весны», когда цифровые инструменты стали одним из основных катализаторов протестов в ряде государств региона. Параллельно начали оформляться полноценные цифровые оппозиционные элиты, чья деятельность во много связана с различными онлайн-площадками. В настоящее время оппозиционный интернет-активизм сконцентрирован в сфере предоставления альтернативных источников массовой информации, работе в социальных сетях, использовании зашифрованных каналов связи. В частности, подобный инструментарий широко применяется движением Гюлена в Турции, Р. Пехлеви в Иране и «группировкой «Братья-мусульмане» в Египте. Однако параллельно стремительно диджитализируются и контроппозиционные практики ближневосточных властей, что частично нивелирует возможности современных оппозиционных элит в регионе.

Список литературы

Anas O. Can Facebook and Twitter inspire another Arab Spring? // Middle East Eye. URL: https://www.middleeasteye.net/opinion/can-facebook-and-twitter-inspire-another-arab-spring

Arab Social Media Report. URL: https://www.arabsocialmediareport.com/home/index--primenuid-1-mnu-pri.html

Balbi G., Kittler J. One-to-one and one-to-many dichotomy: Grand theories, periodization, and historical narratives in communication studies // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 1-20.

Can Reza Pahlavi help unite the Iranian opposition? // Atlantic Council. URL: https://www.atlantic-council.org/blogs/iransource/can-reza-pahlavi-help-unite-the-iranian-opposition-a-hashtag-is-suggesting-so/

Dahl R. A. Dilemmas of pluralist democracy: Autonomy vs. control. New Haven: Yale University Press, 1983. 232 p.

Exiled prince says 50,000 insiders back Iran regime change // Iran International. URL: https://www.iranintl.com/en/202507264307

Fibiger T. Silencing the voice of Bahrain? Regime-critical media and Bahrain's London diaspora // Journal of Arab & Muslim Media Research. 2020. Vol. 13. № 1. P. 51-66.

Filgueiras F. The politics of AI: Democracy and authoritarianism in developing countries // Journal of Information Technology & Politics. 2022. Vol. 19. № 4. P. 449-464.

Gunter M. M. Turkish Civil Society // The Maghreb Review. 2024. Vol. 49. № 4. P. 321-334.

Helms L. Introduction: The nature of political opposition in contemporary electoral democracies and autocracies // European Political Science. 2021. Vol. 20. № 4. P. 569-579.

Howard P. N., Hussain M. M. Democracy's fourth wave?: Digital media and the Arab Spring. Oxford: Oxford University Press, 2013. 145 p.

Mezran K. Actors and factors in Libya's revolution // Political and Constitutional Transitions in North Africa. Routledge, 2014. P. 81-106.

Pell D. The Revolution Will Not Be Tweeted // NPR. URL: https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2010/09/29/130215057/the-revolution-will-not-be-tweeted-unless-it-is

Salih K. E. O. The roots and causes of the 2011 Arab uprisings // Arab Studies Quarterly. 2013. Vol. 35. № 2. P. 184-206.

Storck M. The role of social media in political mobilisation: A case study of the January 2011 Egyptian uprising // University of St Andrews, Scotland. 2011. Vol. 20. 58 p.

Turkey detains 56 in expanding crackdown on Gülen movement // Turkish Minute. URL: https://www.turkishminute.com/2025/06/17/turkey-detains-56-in-expanding-crackdown-on-gulen-movement/

Wagner K. M., Gainous J. Digital uprising: The internet revolution in the Middle East // Journal of Information Technology & Politics. 2013. Vol. 10. № 3. P. 261-275.

الإعلام المصري يحكم الحصار حول محمد علي وضرب تحت الحزام ضد وائل غنيم // القدس العربي. URL: https://www.alquds.co.uk/الإعلام-المصري-يحكم-الحصار-حول-محمد-عل/

من النشأة إلى السقوط: الأدوات الإعلامية لجماعة الإخوان المسلمين //Arab Center for Research and Studies. URL: https://www.acrseg.org/2644

References

Anas O. Can Facebook and Twitter inspire another Arab Spring? // Middle East Eye. URL: https://www.middleeasteye.net/opinion/can-facebook-and-twitter-inspire-another-arab-spring

Arab Social Media Report. URL: https://www.arabsocialmediareport.com/home/index--primenuid-1-mnu-pri.html

Balbi G., Kittler J. One-to-one and one-to-many dichotomy: Grand theories, periodization, and historical narratives in communication studies // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 1-20.

Can Reza Pahlavi help unite the Iranian opposition? // Atlantic Council. URL: https://www.atlantic-council.org/blogs/iransource/can-reza-pahlavi-help-unite-the-iranian-opposition-a-hashtag-is-suggesting-so/

Dahl R. A. Dilemmas of pluralist democracy: Autonomy vs. control. New Haven: Yale University Press, 1983. 232 p.

Egyptian Media Enforces a Siege Around Mohamed Ali and Hits Below the Belt Against Wael Ghonim. Al-Quds Al-Arabi.

URL: https://www.alquds.co.uk/الإعلام-المصري-يحكم-الحصار-حول-محمد-عل/ (in Arabic).

Exiled prince says 50,000 insiders back Iran regime change // Iran International. URL: https://www.iranintl.com/en/202507264307

Fibiger T. Silencing the voice of Bahrain? Regime-critical media and Bahrain's London diaspora // Journal of Arab & Muslim Media Research. 2020. Vol. 13. № 1. P. 51-66.

Filgueiras F. The politics of AI: Democracy and authoritarianism in developing countries // Journal of Information Technology & Politics. 2022. Vol. 19. № 4. P. 449-464.

From Rise to Fall: The Media Tools of the Muslim Brotherhood. Arab Center for Research and Studies.

URL: https://www.acrseg.org/2644 (in Arabic).

Gunter M. M. Turkish Civil Society // The Maghreb Review. 2024. Vol. 49. № 4. P. 321-334.

Helms L. Introduction: The nature of political opposition in contemporary electoral democracies and autocracies // European Political Science. 2021. Vol. 20. № 4. P. 569-579.

Howard P. N., Hussain M. M. Democracy's fourth wave?: Digital media and the Arab Spring. Oxford: Oxford University Press, 2013. 145 p.

Mezran K. Actors and factors in Libya's revolution // Political and Constitutional Transitions in North Africa. Routledge, 2014. P. 81-106.

Pell D. The Revolution Will Not Be Tweeted // NPR. URL: https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2010/09/29/130215057/the-revolution-will-not-be-tweeted-unless-it-is

Salih K. E. O. The roots and causes of the 2011 Arab uprisings // Arab Studies Quarterly. 2013. Vol. 35. № 2. P. 184-206.

Storck M. The role of social media in political mobilisation: A case study of the January 2011 Egyptian uprising // University of St Andrews, Scotland. 2011. Vol. 20. 58 p.

Turkey detains 56 in expanding crackdown on Gülen movement // Turkish Minute. URL: https://www.turkishminute.com/2025/06/17/turkey-detains-56-in-expanding-crackdown-on-gulen-movement/

Wagner K. M., Gainous J. Digital uprising: The internet revolution in the Middle East // Journal of Information Technology & Politics. 2013. Vol. 10. № 3. P. 261-275.

Political Elites as Actors in the Global Digital System

Ekaterina I. Kutsaenko (a), Gennady A. Vorobyev (b), Sergey A. Nefedov (c)

(a) Pyatigorsk State University. Pyatigorsk, Russia. Email: kutsaenko[at]pgu.ru

(b) Pyatigorsk State University. Pyatigorsk, Russia. Email: kvorobyev[at]pgu.ru

(c) Pyatigorsk State University. Pyatigorsk, Russia. Email: offiziell[at]yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2468-9298

Abstract

This article examines specific areas of political elite interaction with the global digital system. The authors argue that the development of digital technologies and the emergence of the digital age have made the political elite participants in the global digital system, which serves two interrelated functions: as a source of information and as a means of dissemination. The authors argue that increased political participation, driven by advances in digital technologies, can facilitate political development, but it can also entail negative political consequences that directly affect the interests of the political elite.The global digital system has created new opportunities for political participation, both conventional and unconventional. These new opportunities for unconventional participation have, in turn, generated additional risks of destabilization and loss of legitimacy for political elites. The authors also conclude that digital disinformation campaigns aimed at destabilizing the situation and disrupting elections have forced political elites to resort to blocking digital platforms or censoring individual channels and publications. The flip side of these efforts has been the creation of alternative, controlled digital platforms, enabling effective control over the information space and successful counter-mobilization.

Keywords

Political Elite; Counter-Elite; Global Digital System; Digital Platforms; Political Participation; Political Mobilization; Political Counter-Mobilization; Disinformation; Political Communication; Digital Politics

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Политические элиты как актор глобальной цифровой системы

Куцаенко Екатерина Игоревна (a), Воробьев Геннадий Александрович (b), Нефедов Сергей Александрович (c)

(a) Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия. Email: kutsaenko[at]pgu.ru

(b) Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия.
Email: kvorobyev[at]pgu.ru

(c) Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия.
Email: offiziell[at]yandex.ru ORCID: 0000-0003-2468-9298

Аннотация

В представленной статье рассматриваются отдельные направления взаимодействия политических элит с глобальной цифровой системой. Авторы доказывают, что развитие цифровых технологий и становление цифровой эпохи сделали политическую элиту участником глобальной цифровой системы, которая выполняет для нее две взаимосвязанные функции: источника информации и средства информирования. Повышение уровня политического участия, вызванное совершенствованием цифровых технологий, по мнению авторов, может способствовать политическому развитию, однако, оно может влечь за собой и негативные политические последствия, напрямую затрагивающие интересы политической элиты. Глобальная цифровая система создала новые возможности в плане политического участия – конвенционального и неконвенционального. Новые возможности для неконвенционального участия породили, в свою очередь, дополнительные риски дестабилизации и утраты легитимности политических элит. Также авторы приходят к выводу, что цифровые дезинформационные кампании, цель которых состоит в дестабилизации ситуации и срыве выборов, заставили политические элиты обращаться к блокировке цифровых платформ или цензуре отдельных каналов и публикаций. Обратной стороной этих усилий стало создание альтернативных подконтрольных цифровых платформ, позволяющих эффективно осуществлять контроль над информационным пространством и проводить успешную контрмобилизацию.

Ключевые слова

политическая элита; контрэлита; глобальная цифровая система; цифровые платформы; политическое участие; политическая мобилизация; политическая контрмобилизация; дезинформация; политическая коммуникация; цифровая политика

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

В настоящее время продолжается интенсификация борьбы за контроль над цифровым пространством и различными секторами глобальной цифровой системы. Цифровые платформы стали не только обычным и повседневным средством общественной коммуникации, но и инструментом политической конкуренции и реализации политических интересов. Участником этих процессов являются политические элиты, которые широко используют их возможности и ресурсы для государственных информационных кампаний, борьбы с дезинформацией, для противодействия цифровой координации и пролонгации протестных акций и пр. В контексте этого взаимодействие элит с цифровой системой представляется актуальной темой.

Взаимодействие цифровой и политической систем

Развитие цифровых технологий и становление цифровой эпохи сделали политическую элиту участником, актором глобальной цифровой системы. Такая система выполняет для элиты две взаимосвязанные функции: источника информации и средства информирования [Aelst, 2017, p. 1].

Элита зависит от информации, которая помогает ей сохранять статус-кво и решать общенациональные задачи. Цифровая система же позволяет получать информацию о разнообразных событиях, относящихся как к внеполитическому, так и политическому мирам.

Заинтересованность элиты в глобальной цифровой системе проистекает из того факта, что там можно получить информацию о политических приоритетах различных социальных групп, необходимую как для решения вопросов, связанных с безопасностью, так и для мобилизации общественной поддержки. Цифровая система выступает для элиты источником информации о механизмах формирования общественного мнения при помощи цифровых платформ [Glynn, 2018, 330-384]. Картина мира, формируемая цифровыми платформами, имеет свою специфику и часто сильно отличается от реалий повседневности. Наконец, элита может посредством цифровой системы получить информацию об иностранных элитах, местных конкурирующих элитах или контрэлите. Заявления, сделанные через цифровые платформы, и т.н.цифровые «утечки», позволяют составить мнение о членах других элитарных кругов.

В мире информационного хаоса цифровая система, при правильной ориентации в ней, выступает для элиты источником концентрированной информации, которая не просто потребляется, но и используется при выработке и реализации своих политических планов и стратегий. Например, партийный лидер может использовать подобную информацию, чтобы подвергнуть критике иностранного политического деятеля. Точно так же

президент может использовать информацию о происшествии, широко обсуждаемом в социальных сетях, для получения одобрения и поддержки своих планов в парламенте.

Действительно, когда на цифровых платформах начинает «раскручиваться» какая-либо проблема, то она с большой долей вероятности оказывается в мире политики. Не редки случаи, когда информация, достигшая высоких темпов циркуляции на цифровых платформах, оказывает заметное влияние на политическую повестку дня. С позиций концепции цифровизации политики, политическая элита – это потребитель цифровой информации, но не массовый, а рациональный, занимающийся информационной селекцией. Как следствие, элита заинтересована в информации, воспринимаемой выгодным ресурсом, который рано или поздно может принести ощутимые преимущества в политической борьбе.

Глобальная цифровая система используется политическими элитами в качестве средства информирования, обеспечивающего доступ к массам. Именно массы составляют фундамент легитимности элит, поэтому с ними необходимо находиться в прямом и постоянном контакте, а лучшим средством для этого, учитывая их параметры и возможности, являются цифровые платформы. Они относительно легко позволяют максимизировать позитивные и минимизировать негативные составляющие поведения и образа. Однако в цифровой системе существуют собственные принципы и правила игры, обязательные даже для элитарных игроков, доминирующих со своей версией событий [Stromback, 2014, p. 3].

Политические системы тесно взаимодействуют с глобальной цифровой системой. При этом более интенсивным уровнем взаимодействия отличаются элементы политической системы, обладающие высоким институциональным статусом [Wolfsfeld, 2011, p. 7-44], т.е. политические элиты. Они могут считаться самыми влиятельными цифровыми коммуникаторами, формирующими, а порой и манипулирующими общественным мнением [Lieber, 2011, p. 54]. Наоборот, системные элементы с низким институциональным статусом, например, контрэлиты, демонстрируют, как правило, менее интенсивное взаимодействие с цифровой системой, сталкиваясь с препятствиями на пути продвижения своих сообщений [Hanggli, 2012, p. 300].

Будучи влиятельным коммуникатором, политические элиты заполняют содержание цифровых новостных лент собственными, выгодными историями. Как следствие, доминирующее положение занимают сконструированные интерпретации, а принятые решения понимаются как единственно верные и безошибочные. Вместе с тем элиты посредством цифровых платформ поддерживают требуемый уровень известности, развивают свой положительный имидж [Gubitz, 2019, p. 36-38].

Элиты и политическое участие в контексте глобальной цифровой системы

Цифровые платформы разнообразили виды политического участия, доступного гражданам. С. Верба, Н. Най и Д. Ким в работе «Гражданская культура» назвали политическим участием деятельность простых граждан, заключающуюся во влиянии на состав и/или действия правительства[Verba, 1978, p. 1]. Другими словами, политическое участие представляет собой вовлеченность граждан в политические процессы и процедуры принятия политических решений [Petrosyan, 2016, p. 206]. Позже ученые провели границу между конвенциональным и неконвенциональным политическим участием, его латентными и открытыми формами [Bimber, 2015, p. 21].

Цифровые платформы значительно сократили издержки политического участия, заметно уровняли игроков, задействованных во властных отношениях. Как заметил С. Коулмен, цифровые граждане часто опережают органы власти в освоении цифровых возможностей, показывая направления, которые могут революционизировать процесс реализации политической власти [Coleman, 2017, p. 1-20].

Во многих политических системах наблюдается положительная корреляция между уровнем развития цифровых платформ и уровнем политического участия. Все это объясняется двумя обстоятельствами: ростом популярности цифровых платформ в качестве коммуникационного средства и расширением количества направлений использования ресурсов таких платформ. Б. Бимбер и др., выбрав единицей анализа несколько британских электоральных циклов, пришли к заключению, что политически значимая информация, транслируемая через цифровые платформы, с каждым разом оказывала все большее влияние на уровень политического участия [Bimber, 2015, p. 21].

Повышение уровня политического участия, вызванное совершенствованием цифровых технологий, может способствовать политическому развитию, однако оно может влечь за собой и негативные политические последствия, напрямую затрагивающие интересы политической элиты. Партиципаторная активизация, связанная с повышением уровня политического участия, обеспечивает не только электоральное равенство на основе принципа большинства, но и создает благоприятную почву для расширения практики «низовых» решений.

Партиципаторная активизация сопровождается, с одной стороны, децентрализацией процесса принятия решений, сменой уровня иерархии, а, с другой стороны, привлечением простых граждан к выполнению определенных политических задач [Cook, 1971, p. 4]. Эти процессы требуют от элит не простых консультационных усилий, а более комплексной информационной работы, неэффективность которой может способствовать дестабилизации системы.

Политическое участие при определенных условиях может угрожать политической стабильности как одному из важных политических благ. В истории существует множество примеров, когда рост уровня политического участия влек за собой режимные трансформации. Современные политические системы отличаются повышенной сложностью и масштабами, которые не оставляют места неконтролируемому политическому участию граждан. Не случайно С. Хантингтон в целом критиковал участие, связывая его с радикализацией и политическим беспорядком [Хантингтон, 2003, с. 301-335], а А. Пшеворский доказывал, что эффективное государственное руководство в любой современной политической системе возможно лишь при контроле относительно небольшой группы людей, исключающим широкомасштабное гражданское участие [Przeworski, 2010, p. 110].

Исходя из вышеизложенного, глобальная цифровая система создала новые возможности в плане политического участия –конвенционального (цифровые политические кампании, цифровой активизм, электронное голосование и пр.) и неконвенционального (протесты, организованные и управляемые через цифровые платформы, распространение электоральной дезинформации и пр.). Новые возможности для неконвенционального участия породили, в свою очередь, дополнительные риски дестабилизации и утраты легитимности политических элит. Многие группы начали конкурировать с политической элитой за каналы мобилизации политического участия, подрывая их коммуникационную монополию и ставя под сомнение абсолютный характер их информационных привилегий.

Цифровые платформы и контрмобилизация

Цифровые дезинформационные кампании, цель которых состоит в дестабилизации ситуации и срыве выборов, заставили политические элиты обращаться к блокировке цифровых платформ или цензуре отдельных каналов и публикаций. Обратной стороной этих усилий стало создание альтернативных подконтрольных цифровых платформ, позволяющих эффективно осуществлять контроль над информационным пространством и проводить успешную контрмобилизацию. Еще в 2011 г. российский президент В.В. Путин отметил:

«Если власти или кому-то еще не нравится, что происходит в интернете, есть только один способ противостоять: на той же площадке предлагать другие варианты и подходы решения проблем, которые в интернете обсуждаются, и делать это более креативно, интересно, собирать большее количество сторонников» [Выбраться …, 2011].

Многие исследователи рассматривают цифровые платформы эффективным инструментом протестной мобилизации. К. Ширки, например, полагает, что они облегчают коллективные действия и позволяют осуществлять координацию при отсутствии лидеров [Shirky, 2008, p. 143-160].

Л. Даймонд причисляет их к «технологиям освобождения», которые помогают гражданам закрытых обществ обмениваться новостями и мнениями [Diamond, 2010, p. 69.]. Существует множество примеров, когда контрэлиты пытались при помощи цифровых платформ спровоцировать и расширить протестные акции деструктивной направленности. В таких случаях задача политической элиты состоит в том, чтобы сохранить стабильность. Одним из средств решения этой задачи является цифровая контрмобилизация – активизация при помощи цифровых платформ граждан, поддерживающих официальный курс политической элиты.

Объектом цифровой контрмобилизации оказываются не только сторонники, извлекающие выгоду из патронажа, но и обычные граждане, разделяющие государственную идеологию, согласные с политическим курсом или патриотически настроенные. Политическая элита всегда окружена различными группами поддержки, от которых она может ожидать необходимых активных действий. Данные группы, как правило, создаются не принудительным образом и не под влиянием пропаганды, а в результате повседневных процессов, стимулируемых подлинной популярностью политической элиты, полученной за экономические успехи страны, рост ее влияния на международной арене или устранение угроз национальной безопасности.

Цифровая контрмобилизация блокирует идейный раскол внутри политической элиты[Geddes, 2018, p. 179]. Единство политической элиты гарантирует ей повышенную легитимность, исключая формирование целого ряда угроз, связанных с возможным расколом. Цифровая контрмобилизация понижает вероятность идейной самостоятельности, демонстрируя наличие общественной поддержки режиму и ее высокие мобилизационные способности, тем самым защищая от потенциальных дезинтегрирующих процессов.

Цифровая контрмобилизация препятствует пространственной диффузии протестных настроений. Как показывает множество случаев, от европейской революции 1848 г. до «цветных революций» [Weyland, 2016, p. 215; Koesel, 2015, p. 753], очень часто протесты в одном государстве повышают уровень протестных настроений в соседних государствах. Цифровая контрмобилизация закрывает «окно возможностей», связанное с внешним влиянием на протестные настроения. Она дает сигнал антиправительственным акторам, что органы власти не утратили силу и пользуются поддержкой, гарантирующей им защиту от многих вызовов. На этом фоне сокращается вероятность того, что антиправительственные акторы предпримут какие-либо дестабилизирующие усилия.

Цифровая контрмобилизация также снижает вероятность применения антиправительственными акторами радикальных форм противостояния [Vullers, 2022, p. 21-22]. Такие акторы понимают, что они могут столкнуться с

проправительственными акциями и демонстрациями, которые сохранят легитимность элиты. Цифровая контрмобилизация дополнительно оправдывает вмешательство сил безопасности, которые обязаны обеспечивать общественную безопасность и не допустить общественных беспорядков, поскольку мобилизованная часть одобряет решительные меры и акции.

Заключение

Развитие цифровых технологий и становление цифровой эпохи сделали политическую элиту участником глобальной цифровой системы. Такая система выступает для элиты не только источником информации, но и средством информирования. Политические элиты сегодня проявляют огромную заинтересованность в том, чтобы сохранить доминирующий статус своим информационным историям. Как заметил Я. Стрембэк в своей статье, множество событий и фактов демонстрируют стремительный рост привлекательности для общественности, контрэлит и политических элит альтернативных медиа [Stromback, 2023]. При этом все это происходит на фоне увеличения объемов дезинформации.

Список литературы

Aelst P. V., Walgrave S. Information and Arena: The Dual Function of the News Media for Political Elites // How Political Actors Use the Media: A Functional Analysis of the Media's Role in Politics / Ed. by P. V. Aelst, S. Walgrave. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 1-20.

Bimber B. et al. Digital Media and Political Participation: The Moderating Role of Political Interest Across Acts and Over Time // Social Science Computer Review. 2015. Vol. 33. № 1. P. 21-42.

Coleman S. Can the Internet Strengthen Democracy? Cambridge: Polity Press, 2017. 144 p.

Cook T. E., Morgan P. M. Participatory Democracy. San Francisco: Canfield Press, 1971. 495 p.

Diamond L. Liberation Technology // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. № 3. P. 69-83.

Geddes B., Wright J., Frantz E. How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 270 p.

Glynn C. J. et al. Public Opinion. Abingdon: Routledge, 2018. 420 p.

Gubitz S. R. et al. Political Dynamics of Framing // New Directions in Media and Politics / Ed. by T. N. Ridout. Abingdon: Routledge, 2019. P. 29-53.

Hanggli R. Key Factors in Frame Building: How Strategic Political Actors Shape News Media Coverage // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. № 3. P. 300-317.

Koesel K. J., Bunce V. J. Diffusion-Proofing: Russian and Chinese Responses to Waves of Popular Mobilizations Against Authoritarian Rulers // Perspectives on Politics. 2013. Vol. 11. № 3. P. 753-768.

Lieber P. S., Golan G. J. Political Public Relations, News Management, and Agenda Indexing // Political Public Relations: Principles and Applications / Ed. by J. Stromback, S. Kiousis. Abingdon: Routledge, 2011. P. 54-74.

Petrosyan A. Methodological Analysis of Political Participation Indicator Evaluation Tools // Wisdom. 2016. Vol. 7. № 2. P. 205-210.

Przeworski A. Democracy and the Limits of Self-Government. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 218 p.

Shirky C. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. New York: Penguin Press, 2008. 336 p.

Stromback J. et al. Taking Political Alternative Media into Account: Investigating the Linkage Between Media Repertories and (Mis)perceptions // Mass Communication and Society. 2023. September 6. URL: https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/15205436.2023.2251444

Stromback J., Esser F. Mediatization of Politics: Towards a Theoretical Framework // Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies / Ed. by F. Esser, J. Stromback. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 3-30.

Verba S., Nie N. H., Kim J.-O. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 428 p.

Vullers J., Hellmeier S. Does Counter-Mobilization Contain Right-Wing Populist Movements? Evidence from Germany // European Journal of Political Research. 2022. Vol. 61. № 1. P. 21-45.

Weyland K. Crafting Counterrevolution: How Reactionaries Learned to Combat Change in 1848 // American Political Science Review. 2016. Vol. 110. № 2. P. 215-231.

Wolfsfeld G. Making Sense of Media and Politics: Five Principles in Political Communication. Abingdon: Routledge, 2011. 160 p.

Выбраться с «Болотной» // Российская газета. 2011. 16 декабря. URL: https://rg.ru/2011/12/16/putin-site.html

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

References

Aelst P. V., Walgrave S. Information and Arena: The Dual Function of the News Media for Political Elites // How Political Actors Use the Media: A Functional Analysis of the Media's Role in Politics / Ed. by P. V. Aelst, S. Walgrave. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 1-20.

Bimber B. et al. Digital Media and Political Participation: The Moderating Role of Political Interest Across Acts and Over Time // Social Science Computer Review. 2015. Vol. 33. № 1. P. 21-42.

Coleman S. Can the Internet Strengthen Democracy? Cambridge: Polity Press, 2017. 144 p.

Cook T. E., Morgan P. M. Participatory Democracy. San Francisco: Canfield Press, 1971. 495 p.

Diamond L. Liberation Technology // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. № 3. P. 69-83.

Geddes B., Wright J., Frantz E. How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 270 p.

Getting Out of "Bolotnaya." Rossiyskaya Gazeta, 2011, December 16.

URL: https://rg.ru/2011/12/16/putin-site.html (in Russian).

Glynn C. J. et al. Public Opinion. Abingdon: Routledge, 2018. 420 p.

Gubitz S. R. et al. Political Dynamics of Framing // New Directions in Media and Politics / Ed. by T. N. Ridout. Abingdon: Routledge, 2019. P. 29-53.

Hanggli R. Key Factors in Frame Building: How Strategic Political Actors Shape News Media Coverage // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. № 3. P. 300-317.

Huntington, S. The Third Wave: Democratization at the End of the Twentieth Century. Moscow: ROSSPEN, 2003. 368 pp. (in Russian).

Koesel K. J., Bunce V. J. Diffusion-Proofing: Russian and Chinese Responses to Waves of Popular Mobilizations Against Authoritarian Rulers // Perspectives on Politics. 2013. Vol. 11. № 3. P. 753-768.

Lieber P. S., Golan G. J. Political Public Relations, News Management, and Agenda Indexing // Political Public Relations: Principles and Applications / Ed. by J. Stromback, S. Kiousis. Abingdon: Routledge, 2011. P. 54-74.

Petrosyan A. Methodological Analysis of Political Participation Indicator Evaluation Tools // Wisdom. 2016. Vol. 7. № 2. P. 205-210.

Przeworski A. Democracy and the Limits of Self-Government. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 218 p.

Shirky C. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. New York: Penguin Press, 2008. 336 p.

Stromback J. et al. Taking Political Alternative Media into Account: Investigating the Linkage Between Media Repertories and (Mis)perceptions // Mass Communication and Society. 2023. September 6. URL: https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/15205436.2023.2251444

Stromback J., Esser F. Mediatization of Politics: Towards a Theoretical Framework // Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies / Ed. by F. Esser, J. Stromback. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 3-30.

Verba S., Nie N. H., Kim J.-O. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Chicago: University of Chicago Press, 1978. 428 p.

Vullers J., Hellmeier S. Does Counter-Mobilization Contain Right-Wing Populist Movements? Evidence from Germany // European Journal of Political Research. 2022. Vol. 61. № 1. P. 21-45.

Weyland K. Crafting Counterrevolution: How Reactionaries Learned to Combat Change in 1848 // American Political Science Review. 2016. Vol. 110. № 2. P. 215-231.

Wolfsfeld G. Making Sense of Media and Politics: Five Principles in Political Communication. Abingdon: Routledge, 2011. 160 p.

Transformation of Political Communication and the Role of AI in PR-Strategies for Shaping the Image of Political Elites

Tamara A. Trizno

Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia. Email: trizno_t[at]mail.ru
ORCID: 0000-0003-1851-8038

Abstract

The contemporary political landscape is characterized by unprecedented dynamism and the pervasive influence of information technologies. Political elites, seeking to consolidate their positions, garner voter support, and effectively manage public opinion, are increasingly turning to public communication tools. In recent years, one of the most significant catalysts for change has been the integration of artificial intelligence (AI) into various spheres of activity, including political PR.

AI has the potential to revolutionize approaches to political communication by offering novel opportunities for audience analysis, message personalization, process automation, and even content generation. This, in turn, raises new questions for researchers in elitology, political science, and communication studies: how exactly AI transforms the PR strategies of political elites, what benefits and risks its application entails, and how the image of a political leader changes in the era of digital technologies.

This article aims to analyze the role of AI in the evolution of political communication, focusing on how AI-enhanced PR strategies influence the formation of political elites' image. The article examines the main directions of AI implementation, its impact on key aspects of PR activities, and assesses the long-term consequences of these changes for the public perception of power. While AI's profound transformation of political communication presents PR specialists with unparalleled opportunities to shape the image of political elites through data analysis, personalized content creation, and process automation, its influence on public perception is multifaceted and often contradictory. It brings both significant advantages and considerable threats, inevitably raising serious challenges and ethical dilemmas.

Keywords

Political Elites; Artificial Intelligence; Political Communication; Public Opinion; Pr; Political Advertising; Image; Reputation; Internet; Digitalization; Media Landscape

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Трансформация политической коммуникации и роль ИИ в PR-стратегиях при формировании образа политических элит

Тризно Тамара Александровна

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. Астрахань, Россия.
Email: trizno_t[at]mail.ru ORCID: 0000-0003-1851-8038

Аннотация

Современный политический ландшафт характеризуется беспрецедентной динамикой и влиянием информационных технологий. Политические элиты, стремясь укрепить свои позиции, заручиться поддержкой избирателей и эффективно управлять общественным мнением, все активнее обращаются к инструментам публичных коммуникаций. В последние годы одним из наиболее значимых катализаторов изменений стала интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы деятельности, включая политический PR.

ИИ способен революционизировать подходы к политической коммуникации, предлагая новые возможности для анализа аудиторий, персонализации сообщений, автоматизации процессов и даже генерации контента. Это, в свою очередь, ставит новые вопросы перед исследователями в области элитологии, политологии и коммуникативистики: как именно ИИ трансформирует PR-стратегии политических элит, какие преимущества и риски несет его применение, и как меняется образ политического лидера в эпоху цифровых технологий.

Данная статья ставит целью проанализировать роль ИИ в эволюции политической коммуникации, фокусируясь на том, как PR-стратегии, усиленные возможностями ИИ, влияют на формирование образа политических элит. В статье были рассмотрены основные направления внедрения ИИ, его влияния на ключевые аспекты PR-деятельности, дана оценка долгосрочным последствиям этих изменений для общественного восприятия власти. Глубокая трансформация политической коммуникации под влиянием искусственного интеллекта предоставляет PR-специалистам беспрецедентные возможности для формирования имиджа политических элит. Используя ИИ для анализа данных, создания персонализированного контента, автоматизации и оптимизации процессов, политики могут значительно улучшить взаимодействие с аудиторией, эффективно управлять своей репутацией и влиять на общественное мнение. Тем не менее, это влияние ИИ на образ элит в глазах общественности является многогранным и противоречивым, заключая в себе как потенциальные выгоды, так и существенные угрозы, и неизбежно порождает серьезные вызовы и этические дилеммы.

Ключевые слова

политические элиты; искусственный интеллект; политическая коммуникация; общественное мнение; PR; политическая реклама; имидж; репутация; интернет; цифровизация; медиаландшафт

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Концепция политической элиты, берущая начало от работ Гаэтано Моски [Mosca, 1939], Вильфредо Парето [Pareto, 1964] и Роберта Михельса [Michels, 1925], описывает группу лиц, обладающих властью и влиянием, которые принимают ключевые решения в обществе. В современном контексте политические элиты сталкиваются с необходимостью не только эффективно управлять, но и активно коммуницировать с широкой общественностью, формируя определенный образ, вызывающий доверие и поддержку.

Традиционные каналы коммуникации дополняются и трансформируются под влиянием цифровых технологий. Трансформация процесса коммуникации и соответственно коммуникационных потребностей политических элит связана прежде всего с тем комплексом задач, которые политики решают в современных реалиях. Для политика становится важным планомерно управлять репутацией, формировать и поддерживать позитивный имидж, демонстрируя компетентность, честность и близость к гражданам. Влиять на общественное мнение в политике возможно через активное участие политических акторов в дискуссиях или продвижение определенной повестки дня, мобилизации сторонников, выстраивании доверительных отношений с потенциальными избирателями с помощью диалога (или его симуляции), что достигается открытостью и готовностью отвечать на запросы граждан. К этому набору задач прибавляется еще одна немаловажная - адаптация к меняющемуся медиапространству, что предполагает возможность использовать новые платформы и форматы для достижения коммуникационных целей и привлечения целевых аудиторий.

Искусственный интеллект как инструмент трансформации политического PR

Политический PR (Public Relations) играет ключевую роль в формировании и поддержании отношений между политическими акторами и их аудиториями. PR-стратегии в политике направлены на использование целевой информации для формирования желаемого представления о конкретном политике, его программах и ценностях, привлечения сторонников, повышения явки на выборах, вовлечения граждан в политические процессы, а также для управления кризисными коммуникациями. PR-технологии используются при формировании восприятия массами политических проблем и решений, что происходит через различные коммуникационные каналы.

До эпохи цифровизации PR-деятельность была сосредоточена преимущественно на массовых медиа и характеризовалась односторонним (монологичным) характером коммуникации. Основными каналами работы PR-специалистов были печатные и электронные СМИ, информационные

агентства. Использовалась прямая почтовая рассылка для распространения информационных бюллетеней и корпоративных изданий, а для прямого взаимодействия с журналистами организовывались пресс-конференции и мероприятия. В этой модели PR-специалисты играли роль посредников между организацией, политиком и медиа, а затем и общественностью. Целью такой PR-деятельности было формирование благоприятного освещения нужной информации в традиционных СМИ, которые обладали значительным авторитетом и широким охватом аудитории. Обратная связь была замедленной и часто опосредованной (через письма в редакцию, телефонные звонки и пр.).

Цифровая революция, начавшаяся с развитием интернета и социальных сетей, радикально изменила PR-ландшафт, сделав его более двусторонним, интерактивным, децентрализованным и динамичным [Быков, 2013, С. 122]. Произошло расширение каналов коммуникации, появились новые, мощные платформы. PR стал многосторонним. Организации, политики и политические структуры теперь вовлекают аудиторию в диалог, отвечают на комментарии, работают с отзывами в реальном времени. Модели PR сместились от односторонних к двусторонним симметричным коммуникациям.

Информация в современном мире распространяется мгновенно, что требует от PR-специалистов ее круглосуточного мониторинга, оперативного реагирования и готовности к кризисным коммуникациям в режиме реального времени. Значительно возросла роль создания качественного, ценного и интересного контента, который не просто информирует, но и вовлекает, формирует лояльность. Современные PR-специалисты стали в том числе контент-мейкерами.

В целом, цифровая трансформация превратила PR из деятельности, ориентированной на управление отношениями со СМИ, в стратегическую функцию, направленную на управление репутацией и отношениями с широким кругом стейкхолдеров в постоянно меняющейся, интерактивной и многоканальной среде [Коньков, 2022, С. 203]. Данная ситуация прослеживается как в коммерческом, так и в политическом пиаре.

Интернет (в частности, социальные сети) и мобильные технологии кардинально изменили медиаландшафт политической коммуникации следующим образом:

1. Граждане получили возможность напрямую получать информацию и участвовать в ее распространении, минуя традиционные СМИ, что привело к децентрализации информации.
2. Выросла скорость коммуникации, события и мнения в современной информационной среде распространяются практически мгновенно, требуя от политических акторов быстрой реакции.
3. Появились новых платформы: социальные сети, мессенджеры и видеоплатформы, которые со временем стали важными каналами политической коммуникации.

4. Возросли возможности микротаргетинга, то есть возможности доставлять персонализированные сообщения конкретным группам пользователей – избирателей.

Именно в этом контексте искусственный интеллект (ИИ) открыл новые горизонты для политического PR.

На базе облачной платформы для автоматизации маркетинга, продаж и обслуживания клиентов «HubSpot» был проведен социологический опрос среди 1 350 специалистов в области коммуникаций из разных стран мира для выявления формы и степени использования искусственного интеллекта в профессиональной деятельности [26]. 48% специалистов с помощью систем ИИ создают контент; 45% - анализируют данные и составляют отчеты; 45% - ищут необходимую информацию; 32% - проводят исследования. В качестве инструментов генерации контента работниками отрасли продвижения чаще всего используются чат-боты (53%), инструменты для генерации текста (44%), визуальные инструменты (44%) и аудио инструменты (31%) [26]. Таким образом, так и или иначе все специалисты по продвижению и коммуникациям различных сфер в зависимости от поставленных задач широко используют возможности ИИ.

В политическом пиаре главной задачей PR-специалистов остается формирование позитивного имиджа политика или политической структуры в глазах общественности. В государственном пиаре такой задачей является установление прочных и доверительных отношений между органами власти, политической элитой и народонаселением. И в том, и в другом случае политическая коммуникация работает в новой диджитализированной среде, приспосабливаясь к ее особенностям, перечисленным выше, поэтому все чаще PR-специалисты используют ИИ в решении конкретных задач. Однако, говоря о повсеместном внедрении ИИ в политические PR-технологии, необходимо упомянуть о разной интенсивности его применения в зависимости от конкретного государства, особенностей его политической системы, структуры общественного мнения, национального медиаландшафта.

Наиболее широкое использование систем искусственного интеллекта в политической коммуникации можно наблюдать в США. С одной стороны, это обусловлено высокими технологическими возможностями, которыми располагают американские PR-специалисты, работающие над имиджем политиков и партий. С другой стороны, этому способствует сильный упадок общественного доверия традиционным СМИ, которые можно наблюдать последние 10 лет.

Настоящий тезис подтверждается данными ежегодного Индекса Edelman Trust Barometer, который замеряет мировой индекс доверия граждан к традиционным институтам, и в первую очередь к массмедиа. К 2016 году он опустился до самой низкой отметки 43% за все время исследований [3]. Данная тенденция в общественном сознании сохранилась до сих пор. Исследование,

которое было проведено с 25 октября по 16 ноября 2024 года, основанное на опросе 33 000 респондентов из 28 стран [3], показало, что 63% граждан затрудняются «отличить надёжные СМИ от потенциально обманчивых источников». Доверие к поисковым системам становится выше, чем к традиционным СМИ. Сам Р. Эдельман, исполнительный директор крупнейшей в мире консультативной PR-компании, утверждал, что «люди сегодня воспринимают медиа как часть правящей элиты», предпочитая больше доверять «независимым» комментаторам и друзьям в социальных сетях [11].

С учетом данной тенденции американские PR-специалисты, работающие над трансформацией массового сознания и общественного мнения в сфере политики, начали делать ставки в PR-стратегиях на digital-продвижение и цифровую среду. Ярким примером данного утверждения стала предвыборная кампания 2016 года в США, которая включала борьбу за пост президента между кандидатами от Республиканской и Демократической партий, Дональдом Трампом и Хилари Клинтон. PR-команда Х. Клинтон для проведения агитационной работы выбрала более традиционный метод, основанный на ограниченном использовании новейших технологий, исключение было сделано только для анализа целевых аудиторий, в том числе искусственным интеллектом. Передача сообщений до целевой аудитории проводилась исключительно с помощью традиционного канала коммуникации, а именно СМИ (телевидение). Выбор такой стратегии, возможно, был обусловлен как недооценкой возможностей новых технологий, остаточным недоверием к ним, так и влиянием обязывающих связей с влиятельными, «мейнстримовыми» массмедиа, заинтересованными в рекламном бюджете, распределяемом штабом кандидата.

В свою очередь, команда Трампа сделала ставку на новые технологии, включая инструменты ИИ, широко использовала их потенциал на всех ключевых стадиях организации и проведения электоральной PR-кампании, связанных с формулированием и донесением сообщений кандидата до избирателей, активного воздействия на их предпочтения и поведение, мобилизации и контрмобилизации и т.д. Именно широкий арсенал форм и способов практического применения digital-технологий и ИИ, задействованный избирательным штабом Дональда Трампа, оказался одним из решающим факторов его победы на выборах, а также причиной всплеска интереса политического, научного, медийного сообществ к данным технологиям как таковым.

По мнению исследователя Туронока С. Г. «одним из решающих факторов провала стратегии Клинтон и успеха стратегии Трампа стало качественное изменение социальной среды, в которой эти стратегии реализовывались, а именно: исторически беспрецедентное падение доверия избирателей к традиционным СМИ» [Туронок, 2018, С. 698].

В России возможности искусственного интеллекта не так активно внедряются в PR-стратегии по формированию имиджа политических элит. Данное обстоятельство связано прежде всего с особенностями российского медиаландшафта и отношением населения страны к новым информационным платформам.

По данным медиахолдинга «Rambler&Co», которая проводила всероссийский интернет-опрос в 2023 году среди 172,2 тыс. интернет-пользователей возрастом от 18 лет, около половины респондентов (49%) доверяют новостям из СМИ больше, чем сообщениям блогеров (8%) [17]. Опрос ВЦИОМ, посвященный доверию россиян СМИ, показал, что приоритет по-прежнему сохраняется за традиционными медиа, в особенности за центральным телевидением (53%). 47% респондентов доверяет региональным телеканалам, 35% и 43% опрошенных не доверяют мессенджерам (WhatsApp, Viber и др.), социальным сетям, блогам в интернете [23]. Таким образом, несмотря на высокие темпы трансформации общего медиаландшафта под воздействием цифровых технологий, российское общество продолжает доверять наиболее привычному формату получения информации. Тем не менее инструменты, работающие на базе ИИ, постепенно внедряются в российские политические PR-кампании.

В Китае сложности с внедрением систем ИИ и их активным применением в политической коммуникации, в частности в работе с имиджем элит, связаны прежде всего с особенностями политической системы Китая, в рамках которой образ элит возможно сформировать только усилиями государственного PR. Работа по формированию имиджа политических элит Китая ведется в основном с помощью мобильных приложений [24]. Искусственный интеллект в основном используется для выстраивания диалога с общественностью, что тем не менее опосредованно влияет на формирование имиджа сотрудников государственного аппарата.

Таким образом, искусственный интеллект в политической коммуникации используется не повсеместно, применяется далеко не весь арсенал его инструментов. По этой причине большая часть кейс-стади эмпирической основы данного исследования будет представлена примерами применения ИИ в формировании образа политических элит из американской PR-практики.

Примеры использования возможностей ИИ в политическом PR

Одной из ключевых возможностей искусственного интеллекта является способность обрабатывать и анализировать огромные массивы данных (Big Data), поступающих из различных источников: социальные сети, поисковые запросы, онлайн-активность, демографические данные.

В политическом пиаре политтехнолог или PR-менеджер, занимающийся продвижением конкретного политика или политической структуры, может с

помощью систем ИИ выявлять закономерности в поведении избирателей, прогнозировать их реакции на те или иные политические события или сообщения, то есть осуществлять предиктивный анализ. Убедительным примером надежности прогнозов, построенных на анализе Big Data, является проект Санджива Рая, выпускника Гарварда, основателя стартапа «Genic.ai» со штаб-квартирой в индийском Мумбаи. Созданная Раем система искусственного интеллекта MoglA обрабатывала одновременно 20 млн. точек ввода данных с таких платформ, как Google, Facebook, YouTube и Twitter, и при этом обеспечивала грамотный прогноз результатов всех президентских выборов, а также праймериз Демократов и Республиканцев в США начиная с 2004 года [1].

Команда Барака Обамы во время президентской кампании 2012 года одной из первых использовала указанную возможность ИИ и собрала информацию об избирателях, их предпочтениях и поведении в социальных сетях. На основе этих данных PR-специалистами и политтехнологами были разработаны стратегии коммуникации, которые учитывали интересы и потребности каждого избирателя.

В 2016 году команда Трампа, во время уже упоминавшейся предвыборной гонки, также успешно использовала данные из социальных сетей и других онлайн-источников для создания персонализированных рекламных кампаний, которые были направлены на целевую аудиторию. А в 2019 году в рамках Парламентских выборов в Индии команды разных политических партий использовали данные о поведении избирателей в социальных сетях и других онлайн-источниках, чтобы определить их предпочтения и создать персонализированные стратегии коммуникации.

Стоит отметить, что алгоритмы ИИ позволяют не просто выделять демографические группы, но и проводить глубокую сегментацию аудитории, то есть понимать их интересы, ценности, опасения, модели потребления информации. Это дает возможность PR-специалистам максимально точно таргетировать PR-сообщения. Также ИИ помогает отслеживать, какие темы вызывают наибольший интерес и какие настроения преобладают в обществе по отношению к политическим элитам.

В кампании 2024 года команда Камалы Харрис активно использовала модели искусственного интеллекта, такие как «GPT», для генерации агитационных материалов, адаптированных под различные группы избирателей [Каминченко, 2025, 80], что позволило создавать персонализированные сообщения, направленные на прогрессивную молодёжь и умеренно-консервативный средний класс, повышая эффективность коммуникации и мобилизации электората.

Таким образом, на основе данных, полученных с помощью ИИ, PR-специалисты могут создавать высоко персонализированные коммуникационные кампании. Контент становится динамическим, так как

сообщения могут автоматически адаптироваться под конкретного пользователя, учитывая его интересы, предыдущие взаимодействия и предпочтения. ИИ позволяет доставлять политическую рекламу и контент наиболее релевантным группам избирателей, повышая эффективность PR-воздействия. В американских политических кампаниях таргетированные сообщения используются для воздействия на четко выделенные колеблющиеся группы избирателей. Это позволяет кандидатам не тратить деньги на определившихся, а сфокусироваться на колеблющихся избирателях, которые будут решать исход выборов.

Чат-боты на базе ИИ могут оперативно отвечать на типовые вопросы граждан в социальных сетях и на сайтах, создавая иллюзию постоянного контакта с политиком. Директор АНО «Центр компетенций по глобальной ИТ-кооперации» Вадим Глущенко в одном из своих экспертных интервью отметил, что по запросу пользователя ChatGPT и его аналоги способны поставить на конвейер создание эффективных ботов, до определенной степени неотличимых от людей, с целью манипуляционного воздействия на избирателей через массовую генерацию публикаций, якобы созданных человеком. По его мнению, такое применение языковых моделей существенно усиливает любой пропагандистский потенциал по агитации или дискредитации политических деятелей за счет встроенного в ИИ-систему функционала по быстрому генерированию разнообразных текстов с общим смыслом, когда на один и тот же контекстный запрос система каждый раз будет выдавать уникальный текст на базе требуемой идеи или тезиса.

Современные ИИ-алгоритмы способны не только анализировать, но и создавать контент, что существенно уменьшает объем работы PR-специалиста [Имзалиева, 2024, С. 212]. Например, текстовые генераторы могут помогать пиар-командам политиков в создании пресс-релизов, постов для социальных сетей, черновиков выступлений, ответов на письма и т.д. [Имзалиева, 2024, С. 208]. Часть программ ИИ может выполнять работу по генерации изображений или видеоконтента, уникальных визуальных материалов, которые могут быть использованы в PR-кампаниях.

Например, в 2023 году партия «Единая Россия» использовала искусственный интеллект во время предвыборной кампании. Политики применяли на практике широкий спектр возможностей нейросетей: от генерации контента до прогнозирования и аналитики. Партия использовала отечественные разработки (например, Kandinsky). Замсекретаря генсовета «Единой России» Сергей Перминов отметил в интервью РБК, что применение искусственного интеллекта хорошо сказывается на результатах работы по привлечению новых сторонников или при презентации партийных планов и программ [16].

Политтехнологи использовали ИИ на муниципальных выборах в Иркутской области в 2023 году. В агитационно-пропагандистских материалах

были размещены изображения кандидата, сгенерированные нейросетью, что позволило политику решить сразу несколько проблем: избежать возможного нарушения авторских прав при использовании «обычных» изображений и повысить привлекательность кандидата для избирателей. Кроме того, работа нейросети оказалась дешевле, чем услуги профессионального фотографа, что оказалось особенно важно на выборах в районе, где проживает всего 24 тысячи человек [16].

В американской предвыборной кампании 2024 года ИИ активно использовался для написания агитационных речей, постов в социальных сетях и текстов для email-рассылок. Так предвыборный штаб Рона Десантиса применял генеративные языковые модели для автоматической адаптации предвыборных посланий под интересы различных целевых групп [2], что позволило существенно сократить время на создание контента и повысить его релевантность

ИИ может помочь улучшить коммуникацию с целевой аудиторией политика в части подбора наиболее «кликабельных» заголовков и формулировок, которые лучше всего резонируют с потребностями целевой аудитории.

На современном этапе ИИ играет критическую роль в отслеживании и анализе эффективности PR-кампаний. ИИ может помочь в проведении Sentiment analysis (анализ тональности) и оценить эмоциональную окраску упоминаний политиков и, например, их партий в СМИ и социальных сетях, помогая понять общественный настрой. Программы на основе ИИ отслеживают тренды – вирусные темы, ключевые хэштеги и наиболее обсуждаемых вопросов, связанных с политическими элитами. Также ИИ полезен при проведении детальной аналитики по эффективности распространения контента и реакции аудитории.

Активно в политической коммуникации используется такая опция ИИ как технология deepfake (дипфейки), которая создает для политических элит как возможности (например, для создания стилизованных роликов), так и серьезные риски, в том числе при дискредитации оппонентов. В качестве примера влияния дипфейков на политическую борьбу можно привести кейс противостояния демократической и республиканской партий в США в 2019 году, когда в Twitter-аккаунте действующего на тот момент президента Дональда Трампа «завирусился» дипфейк со спикером Палаты представителей США Нэнси Пелоси, одним из его главных критиков, в нетрезвом виде [4].

Еще одним ярким примером использования дипфейка в политической коммуникации можно считать создание Национальным комитетом Республиканской партии (RNC) рекламного ролика с помощью генеративного ИИ с целью дискредитации демократического губернатора Флориды Рона Десантиса. Данный факт вызвал споры в среде общественности и поставил перед ней вопрос об использовании ИИ в политических кампаниях.

В апреле 2023 года Национальный комитет Республиканской партии опубликовал рекламу, полностью созданную искусственным интеллектом, которая должна была показать будущее Соединенных Штатов в случае переизбрания президента Джо Байдена. Были использованы поддельные, но реалистичные фотографии, на которых запечатлены забитые досками витрины магазинов, бронированные военные патрули на улицах и волны иммигрантов, которые вызывают панику [5]. То есть с помощью дипфейка, вызывающего эмоциональную реакцию у общественности, была совершена попытка заложить в массовое сознание потенциальных избирателей отрицательный эффект от возможного президентского срока в случае его победы на выборах. Цель ролика – вызвать страх, неуверенность и отторжение по отношению к Байдену.

Публикуя мрачную, сгенерированную ИИ картину будущего под руководством Байдена, Республиканцы хотели противопоставить ей образ Трампа как лидера, способного предотвратить подобный сценарий. Реклама создавала бинарный выбор: «плохое» будущее с Байденом против «хорошего» (или, по крайней мере, «лучшего») будущего с Трампом. Его избиратели должны были увидеть в Трампе единственную альтернативу тому, что они воспринимают как возможную катастрофу.

В качестве еще одного примера попытки повлиять на итоги президентских выборов в США с помощью фейкового сообщения, сделанного ИИ, можно привести ситуацию, которая произошла 22 января 2024 года. Министерство юстиции Нью-Гэмпшира опубликовало заявление о том, что граждане Америки стали жертвами дезинформации, создаваемой искусственным интеллектом. Они получили аудиозапись с фальшивым голосом Джо Байдена, в которой он призывал не голосовать на первичных выборах в штате, а «сохранить» свой голос, так как он «будет иметь значение в ноябре, а не в этот вторник» [18].

Обратная ситуация сложилась в Габоне в 2019 году, когда резонансное обращение к нации президента Габона Али Бонго сочли дипфейком на фоне слухов о его тяжелой болезни, что привело к неудавшейся попытке государственного переворота и сбоям в работе Интернета в центральноафриканской стране. Прямых доказательств того, что данное видео было дипфейком, представлено не было, но сама возможность применения в политических целях этой технологии привела к дестабилизации целой страны.

Команда губернатора Флориды Рона Десантиса обнародовала видео, на котором Дональд Трамп запечатлён в объятиях с иммунологом Энтони Фаучи, хотя между ними существовали публичные разногласия в период пандемии Covid-19. Этот дипфейк, созданный с использованием искусственного интеллекта, был направлен на формирование негативного образа Трампа в глазах его избирателей, так как из-за неоднозначности роли Фаучи в борьбе с пандемией американцы выражали к нему критическое отношение.

Так о чем же говорят нам перечисленные выше кейсы использования дипфейков?

Технологии дипфейков, позволяющие создавать максимально реалистичные, но полностью сфабрикованные видео- и аудиоматериалы стирают грань между правдой и ложью, реальным человеком и его цифровой имитацией. Впоследствии становится практически невозможно отличить подлинные заявления политика от сфабрикованных, что подрывает доверие к источникам информации. Дипфейки создают карнавальный эффект в политике, превращая реальные политические фигуры и их заявления в подобие масок или персонажей, которые можно легко изменять, искажать и пародировать. Истина становится «маской», которая может быть снята или заменена другой.

Также мы видим примеры использования дипфейков в политике, которые создаются для вызова сильных эмоциональных реакций – страха, гнева, отвращения, воздействуют на эмоции и отключают рациональный анализ фактов.

П. Л. Карабущенко, изучая явление политического карнавала отмечает, что «участники политического карнавала предпочитают коммуницировать через прессу и политическую рекламу, потому что классического диалога (общения напрямую и в приватном порядке) у них просто не получается. Им внешний эффект важнее внутренней эффективности и все потому, что они живут не разумом, а аффектами» [Карабущенко, 2022, 202].

Дипфейки могут создать у избирателей иллюзию нелегитимности выборов, чтобы дискредитировать кандидатов. Это серьезная угроза государственному суверенитету, которую необходимо учитывать.

Таким образом, дипфейки являются инструментом усиления карнавальной атмосферы в политике, позволяют создавать шоу, где логика и факты отходят на второй план, уступая место зрелищности, эпатажу и эмоциональному вовлечению. Дипфейки используются также для высмеивания политиков, изображения их в компрометирующих ситуациях, подрыва их авторитета и статуса, являясь современным технологическим воплощением карнавального смеха над авторитетом. Политики, использующие дипфейки (или становящиеся их жертвами), оказываются в центре такого «зрелища». Дипфейки могут низвести политика до уровня шута, пародийного персонажа, лишая его привычной сакральности и неприкосновенности.

Влияние ИИ на формирование образа политических элит

Формирование образа политической элиты через PR — это сложный, многоуровневый и непрерывный процесс, направленный на создание и поддержание определенного восприятия у целевых аудиторий (избирателей, медиа, бизнес-сообщества, международных партнеров). Этот процесс

использует широкий арсенал PR-приемов, которые постоянно адаптируются к меняющемуся медиаландшафту.

Благодаря ИИ, политические элиты могут создавать более персонализированный и, как ни парадоксально, «человечный» образ. Автоматизированные ответы, персонализированные сообщения, контент, учитывающий индивидуальные интересы, создают у избирателей ощущение прямого контакта и понимания со стороны политика. ИИ помогает «донести» образ лидера до каждого избирателя в максимально релевантной форме.

ИИ позволяет быстрее и эффективнее реагировать на репутационные угрозы. Системы мониторинга могут мгновенно выявлять негативные публикации или распространение дезинформации, а инструменты анализа – помогать в формулировании оперативных и точных ответов. Однако, как уже упоминалось, сам ИИ может стать источником угроз, например, через дипфейки (deepfakes), что требует разработки контрмер.

ИИ может быть инструментом как для распространения, так и для борьбы с дезинформацией. В частности, PR-специалисты используют ИИ для выявления фейковых новостей, анализа различного вида контента на предмет подозрительных признаков, несоответствий, источников. При выявлении нежелательной информации алгоритмы ИИ могут быстро распространять опровергающую информацию через установленные таргетированные каналы.

PR-деятельность может выстраиваться с пользой для политических лидеров, только с условием постоянного мониторинга и анализа открытых данных, в основном из сетевых источников, что также предполагает постоянное и основательное использование инструментов ИИ для их анализа открытых, что может способствовать укреплению доверия к элитам, демонстрирующим открытость.

ИИ также позволяет создавать «цифровых двойников» политических лидеров – виртуальные аватары, способные вести диалог с избирателями, отвечать на вопросы, проводить виртуальные встречи. Это может расширить возможности публичной дипломатии и взаимодействия с аудиторией, особенно в условиях глобализации и ограниченности личного времени политиков.

Например, в США при подготовке к выборам президента в 2024 году стартовал проект Chat2024-платформы, на которой были созданы цифровые копии вероятных кандидатов в президенты США. Цифровые аватары 17 ведущих кандидатов создавались с помощью искусственного интеллекта, а именно больших языковых моделей (LLM) вроде ChatGPT. Эти модели были обучены на основе больших массивов данных, полученных из сотни источников, таких как видеозаписи выступлений кандидатов, цитаты в медиа и другие сведения. Цифровым аватарам можно было задавать вопросы на интересующие пользователей темы, как каждому в отдельности, так и всем

вместе. Также на платформе можно даже смоделировать минидебаты между несколькими цифровыми образами политиков.

Проект Chat2024, хотя и демонстрирует стремление к инновациям, скорее всего, негативно повлияет на имидж политических элит Америки, углубляя существующие проблемы доверия, аутентичности и дегуманизации политики. Вместо того чтобы сделать элиту более доступной и искренней, такие технологии рискуют создать еще больший барьер между политиками и избирателями, порождая новые формы цинизма и недоверия. Для политиков это означает необходимость крайне осторожного подхода к таким инструментам, с обязательным акцентом на прозрачность, этичность и сохранение живого, человеческого измерения в коммуникации.

Опрос, проведенный Axios-Morning Consult AI, показал, что половина американцев ожидала, что дезинформация, распространенная искусственным интеллектом, повлияет на то, кто победит на выборах 2024 года. Одна треть респондентов утверждала, что они будут меньше доверять результатам из-за искусственного интеллекта [13]. Таким образом, рядовой американский избиратель был не готов к появлению элементов искусственного интеллекта в политических демократических процессах.

Вызовы и этические дилеммы использования ИИ в политическом PR

С активным внедрением систем ИИ в PR-деятельность все чаще в научной среде и в среде практикующих политтехнологов и PR-специалистов, раздаются голоса об осторожности при использовании ИИ из-за случаев манипуляции и нарушении прозрачности в его использовании.

В первую очередь, опасения специалистов касаются микротаргетинга, который проводит ИИ, что влияет на появление «эхо-камер». Эхо-камера — это понятие в теории СМИ, представляющее собой ситуацию, в которой определённые идеи, убеждения усиливаются или подкрепляются путём передачи сообщения или его повторением внутри закрытой системы (партия, круг единомышленников, субкультура). При этом подобные сообщения заглушают другие аналогичные информационные потоки. Иными словами, любые высказывания приводят не к дискуссиям, а к «поддакиванию» и поддержке единомышленников [Jamieson, Cappella, 2008, 76]. По мнению исследователя данной проблемы, М. Н. Грачева «эхо-камеры являются сознательно создаваемыми обособленными сообществами, во внутреннем коммуникационном пространстве которых факты и мнения, противоречащие неким устоявшимся или принятым в качестве непреложной истины позициям, намеренно дискредитируются и подавляются» [Грачев, 2023, 43].

В контексте социальных сетей эхо-камера — это среда, в которой мнение, политические пристрастия или убеждения пользователя последовательно подкрепляются посредством повторяющихся взаимодействий с

единомышленниками или источниками информации. Избежать эхо-камеры можно расширением поиска данных, проверяя и изучая при этом альтернативные источники информации с диаметрально противоположными взглядами. Однако при использовании таргетинга искусственным интеллектом персонализация сообщений может приводить к созданию информационных пузырей, когда избиратели получают только ту информацию, которая подтверждает их существующие взгляды, что затрудняет объективное восприятие.

Вторая проблема, о которой говорят исследователи ИИ и его применения в PR-практике, — это отсутствие понимания того, как работают алгоритмы, и какие данные они используют, что может вызывать опасения относительно скрытой манипуляции. Также использование ИИ для создания реалистичных, но ложных видео- и аудиоматериалов способно дискредитировать политиков, сеять недоверие и манипулировать общественным мнением, что уже было упомянуто выше в связи с проблемой дипфейков.

Для обеспечения баланса между эффективностью технологий и демократическими ценностями необходимо разработать чёткие регуляторные рамки, которые будут способствовать прозрачности использования ИИ и предотвращению его злоупотреблений, при этом не ограничивая дальнейшее, естественное, развитие данных технологий.

Следующий вопрос, который вызывает серьезные опасения у ученых и практиков, это конфиденциальность и защита личной информации граждан при сборе и анализе больших объемов персональных данных для таргетирования PR-кампаний инструментами ИИ. Так, в 2016 году деятельность компании «Cambridge Analytica» с одной стороны показала потенциал технологий сбора и анализа больших данных для достижения электоральных целей, а с другой – вызвала скандал, так как использовала персональные данные миллионов пользователей Facebook без их согласия, чтобы повлиять на избирательные процессы.

Отсутствие четких международных и национальных этических норм и правовых рамок для использования ИИ в политической коммуникации создает пространство для злоупотреблений. Становится очевидным необходимость выработки правил, определяющих границы применения ИИ, ответственность за его использование и механизмы контроля. Законодатели разных стран пытаются ограничить использование ИИ, в том числе в политическом пиаре, законодательными рамками, которые не позволят ему так или иначе наносить вред.

Выводы

Искусственный интеллект необратимо трансформирует политическую коммуникацию, предлагая беспрецедентные возможности для PR-стратегий, направленных на формирование образа политических элит. Благодаря анализу

больших данных, персонализации сообщений, автоматизации процессов и генерации контента, ИИ позволяет политикам эффективнее взаимодействовать с аудиторией, управлять репутацией и влиять на общественное мнение.

Использование передовых ИИ-технологий в политическом пиаре позволяет позиционировать политических лидеров и их команды как современных, прогрессивных и компетентных, формировать имидж прогрессивного управления. Элиты начинают восприниматься как умелые стратеги, использующие лучшие доступные инструменты для достижения своих целей, что может импонировать избирателям, ценящим эффективность и инновации в управлении.

Чат-боты и виртуальные помощники на базе ИИ могут имитировать прямое постоянное общение с избирателями, создавая ощущение большей открытости и доступности политиков. Формируется образ политика, который «всегда на связи», готов выслушать и ответить на вопросы, что может повысить симпатии и доверие, уменьшая барьер между элитой и народом.

Искусственный интеллект, помогая в генерировании контента (речей, постов для соцсетей), обеспечивает единообразие ключевых сообщений и стиля, что позволяет политикам поддерживать устойчивый и предсказуемый имидж. Политики выглядят последовательными, уверенными в своих позициях, что укрепляет образ надежного и стабильного лидера.

Однако использование ИИ, особенно если оно не прозрачно, может привести к восприятию политиков как неискренних или манипулятивных. Если избиратели подозревают, что сообщения генерируются машиной, а не являются подлинным выражением мысли, это может подрывать их доверие. Политики могут быть восприняты как куклы, управляемые технологиями, что дегуманизирует их образ.

ИИ способен генерировать убедительные фейковые новости, видео (дипфейки) и аудио, что является серьезной угрозой для политической коммуникации. Политическая элита, прямо или косвенно ассоциированная с использованием или молчаливым одобрением таких методов, рискует получить имидж недобросовестной, лживой и манипулятивной силы, что ведет к катастрофическому падению доверия.

Алгоритмы ИИ могут содержать скрытые предубеждения, основанные на данных, на которых они обучались, что может привести к дискриминации или усилению существующих социальных расколов. В политической сфере это может проявляться в таргетировании сообщений таким образом, который усиливает поляризацию общества или несправедливо исключает определенные группы. Чрезмерное использование ИИ может лишить политику важного человеческого элемента – искреннего общения, эмпатии, возможности прямого и нефильтрованного взаимодействия.

Влияние на образ политических элит в глазах общественности является сложным и противоречивым, охватывая как потенциальные преимущества, так и значительные риски. Внедрение ИИ сопряжено с серьезными вызовами и этическими дилеммами. Риски манипуляции, потери прозрачности, нарушения конфиденциальности и распространения дезинформации требуют внимательного отношения и выработки адекватных регуляторных механизмов.

С одной стороны, не стоит воспринимать искусственный интеллект как источник окончательных решений или, наоборот, как робота-помощника, неспособного на яркие идеи и креатив. Необходимо иметь в виду, что искусственный интеллект представляет из себя только инструмент, который используется руками человека. ИИ, работающий для генерации контента, для ускорения работы на некоторых отрезках производственного процесса в политических PR-кампаниях, под контролем человеческого интеллекта, с учетом этических и правовых ограничений, не вызывает опасений.

Таким образом, для PR-специалистов, работающим над имиджем политических элит, важно не только освоить новые ИИ-инструменты, но и делать это ответственно, с соблюдением этических норм и в интересах общества.

Список литературы

Craig C. The best brains: AI systems that predicted Trump's win // InfoWorld, 11 Nov. 2016. URL: http://www.infoworld.com/article/3139335/big-data/the-best-brains-ai-systems-that-predicted-trumps-win.html

DeSantis Campaign Shares Fake Trump-Fauci Images, Prompting New AI Fears. URL: https://www.semafor.com/article/06/08/2023/desantis-campaign-shares-fake-trumpfauci-images-prompting-new-ai-fears

Edelman trust barometer. URL: https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer

Fact Check: Video features deepfakes of Nancy Pelosi, Alexandria Ocasio-Cortez and Joe Biden // Reuters Fact Check, 28 Apr. 2023. URL: https://www.reuters.com/article/fact-check/video-features-deepfakes-of-nancy-pelosi-alexandria-ocasio-cortez-and-joe-biden-idUSL1N36V2E0/

GOP releases AI-generated ad to fearmonger over Biden's reelection bid. URL: https://arstechnica.com/tech-policy/2023/04/gop-releases-100-ai-generated-ad-to-fearmonger-over-bidens-reelection-bid/

Grunig J. E. Two-Way Symmetrical Public Relations: Past, Present, and Future // In: Heath R. L. (Ed.). Handbook of Public Relations. 2011. P. 11–30.

Jamieson K. H., Cappella J. N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. Oxford; New York, 2008. 301 p.

Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911. (2-е изд.: Leipzig, 1925).

Mosca G. The Ruling Class (Elementi di scienza politica, 1896). N.Y.: McGraw-Hill, 1939. 472 p.

Pareto V. Trattate di sociologia generale. (1916). 2 voll. Milano: Edizioni di Comunita, 1964. Vol. 2.

Public trust in media at all time low, research shows / Anna Nicolaou, Chris Giles // Financial Times, 16 Jan. 2017. URL: https://www.ft.com/content/fa332f58-d9bf-11e6–944b-e7eb37a6aa8e

Why Anthony Fauci approaches every trip to the White House as if it's his last / D. Davies, 18 June 2024. URL: https://www.npr.org/2024/06/14/nx-s1-5006045/anthony-fauci-on-call-covid-19

Более 53% опрошенных американцев считают, что ИИ повлияет на результаты выборов 2024 года. 11 сентября 2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/18714739

Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: СПГУТД, 2013. 200 с.

Грачев М. Н. Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 29. С. 41–54.

Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект: «Демонизация», «сатиризация» и «галлюцинация реальности» — какие риски видят в партии. 24 апр. 2023. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231121/309400310.html

Емельяненко В. Исследование: 49 процентов россиян больше верят СМИ, чем блогерам. URL: https://rg.ru/2023/06/14/issledovanie-49-procentov-rossiian-bolshe-veriat-smi-chem-blogeram.html

Как «искусственный» Джо Байден призывал не голосовать на выборах 2024 года в США. URL: https://dtf.ru/id914187/2454845-kak-iskustvennyi-dzho-baiden-prizyval-ne-golosovat-na-vyborah-2024-goda-v-ssha

Каминченко Д. И. Предвыборная гонка в США 2024 года через «оптику» искусственного интеллекта: особенности «восприятия» Дональда Трампа и Камалы Харрис // Информационное общество. 2025. № 2. С. 75–87.

Карабущенко П. Л. Информационное поле современного политического карнавала (проблема когнитивной безопасности) // Современная наука и инновации. 2022. № 2(38). С. 198–208.

Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 6. С. 6–28.

Литвак Н. В. Искусственный интеллект в политике ЕС и КНР // Современная Европа. 2024. № 4(125). С. 30–44.

Почти 50% опрошенных россиян верят СМИ больше, чем блогерам. URL: https://news.rambler.ru/sociology/50913223/

Пропаганда в эпоху Си Цзиньпина: приложения с китайской спецификой. URL: https://ekd.me/2020/09/propaganda-v-epoxu-si-czinpina-prilozheniya-s-kitajskoj-specifikoj/

Системы искусственного интеллекта: цели и ориентиры / Имзалиева М. Р., Тризно Т. А., Дахина А. А., Говердовская Т. В. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2024. 268 с.

Статистика использования нейросетей: интересные факты. URL: https://contenteam.ru/blog/marketing-ai-stats/

Туронок С. Г. Big Data и искусственный интеллект на службе политических технологов: опыт и перспективы применения // Государственное управление Российской Федерации:

вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции, Москва, 25 мая 2017 года. М.: КДУ; Университетская книга, 2018. С. 690–700.

References

Almost 50% of surveyed Russians trust mass media more than bloggers. URL: https://news.rambler.ru/sociology/50913223/ (in Russian).

Bykov, I. A. Network Political Communication: Theory, Practice, and Research Methods. St. Petersburg: SPGUTD, 2013. 200 pp. (in Russian).

Craig C. The best brains: AI systems that predicted Trump's win // InfoWorld, 11 Nov. 2016. URL: http://www.infoworld.com/article/3139335/big-data/the-best-brains-ai-systems-that-predicted-trumps-win.html

DeSantis Campaign Shares Fake Trump-Fauci Images, Prompting New AI Fears. URL: https://www.semafor.com/article/06/08/2023/desantis-campaign-shares-fake-trumpfauci-images-prompting-new-ai-fears

Edelman trust barometer. URL: https://www.edelman.com/trust/2025/trust-barometer

Emelyanenko, V. Study: 49% of Russians trust mass media more than bloggers. URL: https://rg.ru/2023/06/14/issledovanie-49-procentov-rossiian-bolshe-veriat-smi-chem-blogeram.html (in Russian).

Fact Check: Video features deepfakes of Nancy Pelosi, Alexandria Ocasio-Cortez and Joe Biden // Reuters Fact Check, 28 Apr. 2023. URL: https://www.reuters.com/article/fact-check/video-features-deepfakes-of-nancy-pelosi-alexandria-ocasio-cortez-and-joe-biden-idUSL1N36V2E0/

GOP releases AI-generated ad to fearmonger over Biden's reelection bid. URL: https://arstechnica.com/tech-policy/2023/04/gop-releases-100-ai-generated-ad-to-fearmonger-over-bidens-reelection-bid/

Grachev, M. N. Echo Chambers, Epistemic Bubbles, and Filter Bubbles as Actors of the Network Communication Space. Russian School of Public Relations, 2023, no. 29, pp. 41–54. (in Russian).

Grunig J. E. Two-Way Symmetrical Public Relations: Past, Present, and Future // In: Heath R. L. (Ed.). Handbook of Public Relations. 2011. P. 11–30.

How an "artificial" Joe Biden urged voters not to vote in the 2024 U.S. election. URL: https://dtf.ru/id914187/2454845-kak-iskustvennyi-dzho-baiden-prizyval-ne-golosovat-na-vyborah-2024-goda-v-ssha (in Russian).

Imzalieva, M. R., Trizno, T. A., Dakhina, A. A., Goverdovskaya, T. V. Artificial Intelligence Systems: Goals and Guidelines. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich, 2024. 268 pp. (in Russian).

Jamieson K. H., Cappella J. N. Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment. Oxford; New York, 2008. 301 p.

Kaminchenko, D. I. The 2024 U.S. Election Race Through the "Optics" of Artificial Intelligence: Features of the "Perception" of Donald Trump and Kamala Harris. Information Society, 2025, no. 2, pp. 75–87. (in Russian).

Karabushchenko, P. L. The Information Field of the Modern Political Carnival (the Problem of Cognitive Security). Modern Science and Innovation, 2022, no. 2(38), pp. 198–208. (in Russian).

Konkov, A. E. Digitalization of Political Relations: Facets of Knowledge and Mechanisms of Transformation. Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2019, no. 6, pp. 6–28. (in Russian).

Litvak, N. V. Artificial Intelligence in the Politics of the EU and China. Modern Europe, 2024, no. 4(125), pp. 30–44. (in Russian).

Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911. (2-е изд.: Leipzig, 1925).

More than 53% of surveyed Americans believe that AI will influence the results of the 2024 elections. 11 September 2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/18714739 (in Russian).

Mosca G. The Ruling Class (Elementi di scienza politica, 1896). N.Y.: McGraw-Hill, 1939. 472 p.

Neural Network Usage Statistics: Interesting Facts. URL: https://contenteam.ru/blog/marketing-ai-stats/ (in Russian).

Pareto V. Trattate di sociologia generale. (1916). 2 voll. Milano: Edizioni di Comunita, 1964. Vol. 2.

Propaganda in the Xi Jinping Era: Applications with Chinese Specificity. URL: https://ekd.me/2020/09/propaganda-v-epoxu-si-czinpina-prilozheniya-s-kitajskoj-specifikoj/ (in Russian).

Public trust in media at all time low, research shows / Anna Nicolaou, Chris Giles // Financial Times, 16 Jan. 2017. URL: https://www.ft.com/content/fa332f58-d9bf-11e6-944b-e7eb37a6aa8e

Turoknok, S. G. Big Data and Artificial Intelligence in the Service of Political Technologists: Experience and Prospects of Application. In: Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects. Proceedings of the 15th International Conference, Moscow, 25 May 2017. Moscow: KDU; Universitetskaya Kniga, 2018, pp. 690–700. (in Russian).

United Russia decided to use artificial intelligence in elections: “Demonization,” “satirization,” and “hallucination of reality” — what risks the party sees. 24 April 2023. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20231121/309400310.html (in Russian).

Why Anthony Fauci approaches every trip to the White House as if it's his last / D. Davies, 18 June 2024. URL: https://www.npr.org/2024/06/14/nx-s1-5006045/anthony-fauci-on-call-covid-19

Information, Economic and International Security of Russia: Prospects for Training Elite Personnel

Natalia B. Karabushchenko (a), Paul P. Karabushchenko (b)

(a) National Research Nuclear University “MEPHI”; Russian State University for the Humanities (RSUH); Zhirinovsky University of World Civilisations. Moscow, Russia.
Email: n_karabushenko[at]inbox.ru

(b) National Research Nuclear University “MEPHI”. Moscow, Russia.

Abstract

The modern world is a world of advanced digital technologies, a world that requires new principles of professional training for elites. The process of digitalisation currently observed in the world necessitates the reassessment and refinement of many positions and value orientations. The digital age (or the age of big data) consists of the following logical sequence: digital man, digital culture, digital economy, digital society, digital elite, digital state... This sequence expresses the substantive side of digitalisation as a kind of global process of modernity; it fills its essential side.

The value-semantic sphere of the individual is directly related to the motivational sphere, therefore the work considers various motivational attitudes of a material and spiritual nature, the need for freedom, work, and altruistic motives for behaviour. Among individual priorities, special attention is paid to such things as tradition, kindness, universalism, independence, incentives, achievements, power, and security.

The article raises a pressing issue in modern society: information security. This phenomenon is examined through the prism of the psychology of the potential socio-economic elite. The authors have carried out theoretical modelling of the psychology of elite subjects. The validity of the psychological model of the socio-economic elite in the IT sphere has been confirmed empirically.

Keywords

Elite; Values; Motivation; Emotional Intelligence; Coping Strategies; Information Security; IT; International Relations; Economics

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Информационно-экономическая и международная безопасность России: перспективы подготовки кадров для элиты

Карабущенко Наталья Борисовна (a), Карабущенко Павел Павлович (b)

(a) Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; Российский государственный гуманитарный университет; Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского Москва, Россия. Email: n_karabushenko[at]inbox.ru

(b) Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». Москва, Россия

Аннотация

Современный мир – мир высоких цифровых технологий, мир, который требует новых принципов профессиональной подготовки кадров для элит. Наблюдаемый в настоящее время в мире процесс цифровизации порождает необходимость переоценки и уточнения многих позиций и ценностных ориентиров. Цифровой век (или век большой цифры) состоит из следующей логической последовательности: цифровой человек – цифровая культура – цифровая экономика – цифровое общество – цифровая элита – цифровое государство… Эта последовательность выражает содержательную сторону цифровизации как некого глобального процесса современности; она наполняет сущностную ее сторону.

Ценностно-смысловая сфера личности напрямую связана с мотивационной, поэтому в работе рассматриваются различные мотивационные установки материального и духовного плана, потребности в свободе, труде, альтруистические мотивы поведения. Среди индивидуальных приоритетов деятельности особое внимание уделяется таким, как традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимулы, достижения, власть, безопасность.

В статье поднимается актуальная проблема современного общества – информационная безопасность. Данный феномен исследуется через призму психологии потенциальной социально-экономической элиты. Авторами осуществлено теоретическое моделирование психологии субъектов элиты. Эмпирическим путем подтверждена состоятельность психологической модели социально-экономической элиты в сфере IT.

Ключевые слова

элита; ценности; мотивация; эмоциональный интеллект; копинг-стратегии; информационная безопасность; IT; международные отношения; экономика

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

В современном мире вопросы безопасности стоят очень остро. Военные, технологические, информационные угрозы делают жизнь человека 21 века сложной и непредсказуемой. Многие государства и правительства переживают серьезные экономические и политические кризисы, при этом вынуждены ускоренными темпами менять и преобразовывать свои системы управления и жизнеустройства. Однако глобальная угроза, нависшая над всем человечеством, — это молниеносно развивающийся ИИ, затрагивающий все сферы жизнедеятельности общества. Следовательно, подготовке специалистов в области экономики и международного сотрудничества следует уделять пристальное внимание. В этой связи технический вуз готовит специалистов в данных отраслях с уклоном на IT-компетенции. Образовательные программы строятся таким образом, чтобы выпускники в совершенстве овладели навыками программирования и обучения искусственного интеллекта.

Теоретико-методологические основы изучения элит

Таким образом, структура психологической модели научно-технической, IT и инженерной элит может быть вполне применима к специалистам в области международной и информационно-экономической безопасности. Модель включает: совокупность факторов, критерии и показатели успешности, структурно-содержательные составляющие и трехуровневый функциональный конструкт (Карабущенко, 2011, 2013, 2024).

Эмпирически нами были апробированы содержательные составляющие, раскрывающие психологическую природу потенциальной элиты. Обратимся к теоретическому осмыслению базовых составляющих.

Эмоционально-волевая составляющая

В контексте международной и информационно-экономической элиты эмоционально-волевая регуляция приобретает особое значение, поскольку работа в этой сфере часто связана с высоким уровнем неопределенности, интеллектуальными перегрузками и необходимостью принимать ответственные решения в условиях дефицита времени и повышенных экономических рисках. Способность сохранять эмоциональную стабильность, мобилизовать внутренние ресурсы в кризисных ситуациях и поддерживать мотивацию в долгосрочной перспективе отличает представителей элиты от обычных специалистов.

Эмоциональный интеллект занимает центральное место в системе межличностных взаимодействий, выступая важнейшим фактором построения качественных социальных связей. Способность к эмпатическому пониманию эмоциональных состояний других людей создает основу для формирования

глубоких и содержательных отношений, что особенно значимо в профессиональной сфере. В бизнес-контексте развитый эмоциональный интеллект становится ключевым конкурентным преимуществом, определяющим эффективность коммуникации с коллегами, клиентами и деловыми партнерами, что в конечном итоге непосредственно влияет на успешность профессиональной деятельности (Карабущенко, Паршутин, Бобков, 2024).

Особую значимость эмоциональный интеллект приобретает в сфере лидерства и управления. Лидеры, обладающие высоким уровнем эмоционального интеллекта, демонстрируют исключительную способность к мотивации сотрудников, созданию атмосферы доверия в коллективе и конструктивному разрешению конфликтных ситуаций. Эти качества способствуют формированию благоприятного психологического климата в организации и существенно повышают продуктивность рабочего процесса. Именно эмоционально-интеллектуальные лидеры наиболее успешно справляются с задачами управления в современных бизнес-реалиях (Карабущенко и др., 2020).

Эволюция концепции эмоционального интеллекта демонстрирует постепенный переход от узкого понимания этого феномена как когнитивной способности (Thorndike, 1920) к его трактовке как комплексной личностной характеристики, интегрирующей когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты (Gardner, 1989, Ruisel, 1992, Rapisarda, 2002; Wechsler, 1943). Современные исследования продолжают расширять границы понимания эмоционального интеллекта, раскрывая его роль в различных сферах профессиональной деятельности и межличностного взаимодействия (Salovey, 1990, Sharma, 2023, Goleman, 1998, Bar-On, 1985; Mayer, 2000, Petrides, 2007; Petrides, 2010).

Потребностно-мотивационная составляющая

Феномен человеческой мотивации представляет собой сложный, многогранный объект научного исследования, который изучается в рамках различных академических дисциплин. Психологический аспект мотивации рассматривает внутренние механизмы побуждения к деятельности, социологический - социальные факторы мотивационного процесса, педагогический - закономерности формирования учебной мотивации. Политология исследует мотивацию политического поведения, экономика - материальные стимулы трудовой деятельности, а управленческие науки - методы мотивационного менеджмента (Karabushchenko, Gainutdinova, Karabuschenko, Lebedeva, Bicharova, 2016). Исторически интерес к проблемам мотивации возник одновременно с появлением первых человеческих организаций, когда перед руководителями встал вопрос о поиске эффективных способов побуждения людей к продуктивной работе.

Многовековые исследования в этой области привели к созданию разнообразных теорий мотивации, каждая из которых предлагает свой взгляд на движущие силы человеческого поведения.

В обыденном сознании понятие мотивации часто используется для описания степени вовлечённости человека в выполнение той или иной деятельности. Когда мы наблюдаем, как индивид прилагает значительные усилия для достижения цели, мы характеризуем его как высокомотивированного. Однако, как справедливо отмечает Джаджа (2003), за этим поверхностным пониманием скрывается сложный психологический механизм. С научной точки зрения, мотивация представляет собой результат динамического взаимодействия между устойчивыми характеристиками личности и особенностями конкретной ситуации. Центральным элементом этого процесса является мотив (или драйв) - актуализированная потребность, достигающая такой степени интенсивности, что побуждает человека к целенаправленной деятельности. При этом сила мотивации зависит как от значимости потребности для личности, так и от восприятия ситуации как предоставляющей возможности для её удовлетворения.

В основе содержательных теорий мотивации лежит представление о том, что все люди обладают универсальным набором базовых потребностей, которые служат источником их активности. Согласно этому подходу, поведение человека определяется стремлением к удовлетворению этих потребностей, будь то физиологические нужды, стремление к безопасности, социальной принадлежности, признанию или самореализации. Данная концепция получила развитие в работах таких исследователей, как А. Маслоу (Maslow, 1958), Ф. Герцберг (Herzberg, 1959), К. Алдерфер (Alderfer, 1969) и Д. Макклелланд (McClelland, 1988), - каждый из которых предложил свою классификацию потребностей, лежащих в основе мотивационных процессов.

Важное различие между смежными, но не тождественными понятиями проводит Гарланд (2016) в контексте организационной психологии. Он акцентирует внимание на том, что мотивация в управленческой практике описывает комплекс методов и подходов, направленных на повышение производительности труда сотрудников через усиление их внутренней вовлеченности в рабочий процесс. При этом существует распространенная ошибка, когда руководители отождествляют «счастливого» сотрудника с «мотивированным». Хотя эти состояния могут быть взаимосвязаны, они отражают разные аспекты организационного поведения: счастье связано с эмоциональным состоянием, тогда как мотивация характеризует уровень внутреннего стремления к работе и достижению результатов. Как показывает практика, сотрудники с высокой мотивацией демонстрируют не только повышенную продуктивность, но и более глубокую вовлеченность в рабочие процессы, а также развитое чувство ответственности за результаты своего труда (Garland, 2016). Это различие имеет принципиальное значение для разработки

эффективных систем мотивации персонала, которые должны быть направлены не столько на создание временного эмоционального подъема, сколько на формирование устойчивой внутренней заинтересованности в качественном выполнении профессиональных обязанностей.

Современные исследования в области мотивации продолжают развивать и уточнять эти базовые концепции, учитывая новые вызовы цифровой эпохи, изменения в структуре трудовой мотивации молодых поколений и трансформацию традиционных форм занятости. Особое внимание уделяется поиску баланса между материальными и нематериальными стимулами, разработке персонализированных систем мотивации и учету культурных особенностей в международных организациях. Все это делает изучение мотивационных процессов не только теоретически значимым, но и крайне важным для практики современного управления.

Ценностно-смысловая составляющая

Ценности оказывают комплексное влияние на различные аспекты психической деятельности человека: они формируют специфику восприятия, определяют особенности познавательных процессов и регулируют поведенческие паттерны. При этом ценностные ориентации демонстрируют относительную устойчивость во времени и в различных ситуациях, что позволяет рассматривать их как стабильные элементы личности. Несмотря на то, что ценности постоянно упоминаются в повседневном дискурсе, - в образовании, профессиональной сфере, религиозной и политической практике, - их систематическое научное изучение началось в психологии лишь в последнее десятилетие XX века (Карабущенко, Нерсесянц, Штырев, 2021).

В изучении культурных ценностей особое место занимают три фундаментальные теории, разработанные Хофстедом (Hofstede, 2016), Инглехартом (Inglehart, 1977) и Шварцем (Schwartz, 2006). Эти исследователи сходятся во мнении, что доминирующие в обществе ценностные ориентации являются важнейшей характеристикой культуры, определяющей специфику социальных взаимодействий и институтов. Культурные ценности выражают коллективные представления о желаемом и должном, формируют и обосновывают индивидуальные и групповые убеждения, регулируют социальные нормы, определяют цели деятельности и влияют на политику социальных институтов.

В современной психологии и социологии акцент сместился на изучение личностных ценностей, которые определяются как устойчивые, трансситуативные цели, выполняющие функцию базовых жизненных принципов (Rokeach, 1973; Schwartz, 1992). Ценности представляют собой когнитивные репрезентации фундаментальных человеческих мотивов, выраженных в форме идеальных целей. Люди выстраивают индивидуальную иерархию ценностей, определяющую их приоритеты, причем актуализация тех

или иных ценностей зависит от контекста. Например, если для человека важна ценность безопасности, он будет стремиться к физической, эмоциональной и материальной защищенности в различных сферах жизни — от межличностных отношений до профессиональной деятельности.

Эмпирическое исследование студентов социально-экономического профиля

Студенты четвертого курса бакалавриата НИЯУ «МИФИ» в количестве 270 человек: институт международных отношений (ИМО) – 130 человек; институт финансовых технологий и экономической безопасности (ИФТЭБ) – 140 человек. Сравнительный анализ полученных результатов был осуществлен с использованием методов математической статистики (U-критерий Манна-Уитни).

Сравнение нормативных идеалов и приоритетов личности студентов по методике Ш. Шварца «Диагностика ценностных ориентаций» не выявило статистически значимых различий, что обусловлено общей социально-гуманитарной направленностью их будущей профессиональной деятельности. Однако на уровне тенденций наблюдаются некоторые интересные проявления (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнение нормативных идеалов у студентов социально-экономических специальностей (U, Манна-Уитни)

	Институт (Факультет)	N	Средний ранг	U	p-level
Конформность	ИМО	50	36,53		
	ИФТЭБ	21	34,74		
				498,5	0,74
Традиции	ИМО	50	36,83		
	ИФТЭБ	21	34,02		
				483,5	0,60
Доброта	ИМО	50	34,40		
	ИФТЭБ	21	39,81		
				445	0,31
Универсализм	ИМО	50	37,52		
	ИФТЭБ	21	32,38		
				449	0,34
Самостоятельность	ИМО	50	37,84		
	ИФТЭБ	21	31,62		

				433	0,25
Стимуляция	ИМО	50	36,36		
	ИФТЭБ	21	35,14		
				507	0,82
Гедонизм	ИМО	50	35,86		
	ИФТЭБ	21	36,33		
				518	0,93
Достижения	ИМО	50	36,20		
	ИФТЭБ	21	35,52		
				515	0,90
Власть	ИМО	50	35,05		
	ИФТЭБ	21	38,26		
				477,5	0,55
Безопасность	ИМО	50	36,03		
	ИФТЭБ	21	35,93		
				523,5	0,99

Шкала «Доброта» как на нормативном (U=445, p=0,31), так и на уровне индивидуальных приоритетов (U=457,5, p=0,39), отражает большую выраженность данной ценности у студентов ИФТЭБ (Ср=39,81; 39,21), чем у ИМО (Ср=34,40; 34,65). Желание сохранить теплые отношения с близкими людьми, обеспечить благополучие и стабильность присущи представителям экономической сферы. Обучающиеся ориентированы на обеспечение финансовой безопасности как собственной, так и ближнего окружения. По мере освоения научно-практических знаний в области экономики студенты оказывают консультативную помощь другим людям. Постепенно приходит понимание цикличности экономических процессов как на мировом, так и на российском поле. В процессе обучения появляются группы студентов, ориентированных на создание и развитие бизнеса, на инвестирование и биржевые инструменты, на совершенствование нормативно-правовой базы, на изучение макро- и микроэкономических явлений и др. Однако для многих из них преумножение и сохранение капитала является важной задачей, ориентированной не только на свои интересы, но и на потребности ближнего окружения.

Ценность «Доброта» вытекает из «Универсализма», который, в свою очередь, на нормативном (U=449, p=0,34) и личностном (U=497, p=0,72) уровнях отражает готовность студентов ИФТЭБ (Ср=32,38; 37,33) отстаивать и защищать

благополучие окружающих, обеспечивать экономическую стабильность и финансовую безопасность. Представители факультета международных отношений (Ср=37,52; 35,44) склонны к проявлениям толерантности, гибкости и терпимости с другими людьми. Универсализм выражается в потребности сохранения мирового баланса и человеческого вида.

Шкала «Самостоятельность», как в поле общепризнанных (U=433, p=0,25), так и индивидуальных (U=469,5, p=0,48) идеалов, отражает более выраженную социальную активность и независимость мышления у представителей ИМО (Ср=37,84; 37,11), чем у ИФТЭБ (Ср=31,62; 33,36). Несомненно, это обусловлено спецификой профессиональной деятельности, которая предполагает определенную свободу творческой активности, неординарность суждений и взглядов. Студенты ИМО изучают несколько языков, развивают коммуникативную компетентность, ориентированы командную работу и сложные формы взаимодействия между людьми. Для них становится принципиально важным психологическое знание, понимание причин и последствий поступков, действий, высказываний коллег и партнеров, что существенно расширяет границы их профессиональной деятельности и общения. Представители ИФТЭБ в большей мере ориентированы на систему «человек – знак», чем на «человек – человек», поэтому и проявления их свободы ограничены рамками экономической целесообразности.

Ценность безопасности вшита в само название специальности ИФТЭБ. Студенты, поступая на данное направление, осознают цену экономических рисков, рыночной цикличности и нестабильности, мошеннических угроз и др., поэтому осваивают все возможные приемы и техники противодействия негативным факторам. Следовательно, шкала «Безопасность» на личностно-значимом уровне (U=463,5, p=0,44) немного отличает представителей ИФТЭБ (Ср=38,93) от ИМО (Ср=34,77). Хотя, надо заметить, что международников подстерегают не менее серьезные риски, связанные с политической и социальными сферами. Однако, скорее всего, на переднем плане международной политики окажутся выпускники МГИМО и это понимают студенты МИФИ.

На уровне индивидуально признанных приоритетов выделяются такие, как «Достижения» (U=451, p=0,35), «Гедонизм» (U=403,5, p=0,12) и «Стимуляция» (U=470, p=0,49) (Таблица 2).

Таблица 2. Сравнение индивидуальных приоритетов у студентов социально-экономических специальностей (U, Манна-Уитни)

	Институт (Факультет)	N	Средний ранг	U	p-level
Конформность	ИМО	50	36,59		
	ИФТЭБ	21	34,60		
				495,5	0,71
Традиции	ИМО	50	37,32		
	ИФТЭБ	21	32,86		
				459	0,40
Доброта	ИМО	50	34,65		
	ИФТЭБ	21	39,21		
				457,5	0,39
Универсализм	ИМО	50	35,44		
	ИФТЭБ	21	37,33		
				497	0,72
Самостоятельность	ИМО	50	37,11		
	ИФТЭБ	21	33,36		
				469,5	0,48
Стимуляция	ИМО	50	34,90		
	ИФТЭБ	21	38,62		
				470	0,49
Гедонизм	ИМО	50	38,43		
	ИФТЭБ	21	30,21		
				403,5	0,12
Достижения	ИМО	50	37,48		
	ИФТЭБ	21	32,48		
				451	0,35
Власть	ИМО	50	36,59		
	ИФТЭБ	21	34,60		
				495,5	0,71
Безопасность	ИМО	50	34,77		
	ИФТЭБ	21	38,93		
				463,5	0,44

У студентов ИМО (Ср=37,48; 38,43) в большей мере выражены стремления к «Достижению» и «Гедонизму», чем у представителей ИФТЭБ (Ср=32,48; 30,21), что обусловлено широтой социальных контактов и стремлением к лидерству, желанием быть представленным в информационном пространстве и получить признание определенных общественных кругов. Ценность «Стимуляции» более значима для студентов ИФТЭБ (Ср=38,62), чем ИМО (Ср=34,90), что указывает на потребность в поиске новых впечатлений, направленных на понимание многогранности собственного внутреннего мира и чувственных переживаний.

Ценностно-смысловая сфера личности напрямую связана с мотивационной, поэтому целесообразно рассмотреть отдельно и последнюю. Сравнительный анализ двух выборок осуществлялся с использованием методики «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной (Таблица 3).

Таблица 3. Сравнение социально-психологических установок у студентов социально-экономических специальностей (U, Манна-Уитни)

	Институт (Факультет)	N	Средний ранг	U	p-level
Процесс	ИМО	50	37,86		
	ИФТЭБ	21	31,57		
				432	0,24
Результат	ИМО	50	37,82		
	ИФТЭБ	21	31,67		
				434	0,24
Альтруизм	ИМО	50	34,61		
	ИФТЭБ	21	39,31		
				455,5	0,38
Эгоизм	ИМО	50	35,71		
	ИФТЭБ	21	36,69		
				510,5	0,85
Труд	ИМО	50	36,67		
	ИФТЭБ	21	34,4		
				491,5	0,67
Свобода	ИМО	50	36,96		
	ИФТЭБ	21	33,71		
				477	0,54

Власть	ИМО	50	35,35		
	ИФТЭБ	21	37,55		
				492,5	0,68
Деньги	ИМО	50	37,29		
	ИФТЭБ	21	32,93		
				460,5	0,41

Статистически значимые различия не были обнаружены ни по одной из шкал, но отдельные тенденции следует рассмотреть более пристально. Смысл деятельности отражен в шкалах «Процесс» (U=432, p=0,24) и «Результат» (U=434, p=0,24), степень выраженности по которым прослеживается в большей мере у студентов ИМО (Ср=37,86; 37,82), чем у ИФТЭБ (Ср=31,57; 31,67). Возможно, это обусловлено интересом к усвоению новых знаний и умений, расширением социальных контактов, получением первого практического опыта. Студенты-международники часто вовлечены в различные общественные проекты: волонтерство, стройотряды, донорство, благотворительность и др. Они сами инициируют организацию и проведение студенческих мероприятий и конкурсов. Развитые коммуникативные способности позволяют представителям ИМО не только осваивать различные языки, но и понимать другого человека, его психологические, этнические, культурные, социальные особенности, а также выстраивать конструктивное групповое взаимодействие. Однако данным навыкам они обучаются на протяжении четырех лет бакалавриата, поэтому процесс освоения знаний вызывает живой интерес и стимулирует собственную активность. Результат деятельности для этих ребят является не менее значимым, т.к. выражен в материальных (награды на конкурсах, сертификаты олимпиад, дипломы и медали за общественную деятельность, диплом выпускника вуза и др.) и профессиональных ценностях (компетенции, развитые способности, усовершенствованные навыки, практическая подготовка). Таким образом, потребность в «Труде» (U=491,5, p=0,67) у студентов международников возрастает (Ср=36,67). Однако представители экономического направления не существенно отстают от ИМО (Ср=34,4), что свидетельствует о желании обучающихся освоить выбранную профессию и попробовать себя на практике. Многие ребята уже на начальных этапах обучения хотят найти себе подработку для накопления опыта. Прохождение производственной практики в компаниях-партнерах и госслужбе усиливает внутреннюю мотивацию будущих дипломированных специалистов, придает уверенность в собственных силах и готовит к трудовой деятельности.

Шкалы «Свобода» (U=477, p=0,54) и «Деньги» (U=460,5, p=0,41) также указывают на мотивационные установки материального и духовного плана. Представители ИМО (Ср=36,96; 37,29) в большей мере ориентируются на

свободу творческого и профессионального самовыражения. Их привлекает новый опыт и знание, они способны самостоятельно генерировать идеи и пытаются реализовать задуманное. Но при этом материальное вознаграждение для данных студентов гораздо значимо, чем для ИФТЭБ (Ср=33,71; 32,93). Международники оценивают свою будущую профессию, как престижную, высокооплачиваемую, поэтому ожидают достойное вознаграждение за свою работу. Студенты экономического профиля рассматривают деньги как инструмент своей деятельности.

Альтруистические мотивы (U=455,5 p=0,38) более характерны для обучающихся ИФТЭБ (Ср=39,31), чем ИМО (Ср=34,61). Данный факт также подтверждается силой выраженности у студентов-экономистов таких ценностей, как Доброта и Универсализм, что указывает на их готовность прийти на помощь ближнему, создать комфортные условия для группового взаимодействия, обеспечить стабильность и благополучие значимому окружению. Но при этом потребность во «Власти» (U=492,5 p=0,68) у представителей ИФТЭБ (Ср=37,55) несколько сильнее выражена, чем у ИМО (Ср=35,35), возможно, это связано с проявлениями конкуренции и соперничества в бизнесе, на создание и развитие которого нацелены ребята, обучающиеся на экономическом направлении.

Обратимся к анализу результатов теста Эмоциональный интеллект (Д.В. Люсина (ЭмИн)). Статистически значимых различий обнаружено не было, однако отдельные тенденции требуют тщательного анализа (Таблица 4).

Таблица 4. Сравнение эмоционального интеллекта у студентов социально-экономических специальностей (U, Манна-Уитни)

	Институт (Факультет)	N	Средний ранг	U	p-level
Понимание чужих эмоций	ИМО	50	36,26		
	ИФТЭБ	21	35,38		
				512	0,87
Управление чужими эмоциями	ИМО	50	35,73		
	ИФТЭБ	21	36,64		
				511,5	0,86
Понимание своих эмоций	ИМО	50	37,32		
	ИФТЭБ	21	32,86		
				459	0,41
Управление своими эмоциями	ИМО	50	38,05		
	ИФТЭБ	21	31,12		
				422,5	0,19

Контроль экспрессии	ИМО	50	38,73		
	ИФТЭБ	21	29,50		
				388,5	0,08
Межличностный эмоциональный интеллект	ИМО	50	36,07		
	ИФТЭБ	21	35,83		
				521,5	0,97
Внутриличностный эмоциональный интеллект	ИМО	50	38,22		
	ИФТЭБ	21	30,71		
				414	0,16
Понимание эмоций	ИМО	50	36,84		
	ИФТЭБ	21	34,00		
				483	0,60
Управление эмоциями	ИМО	50	38,54		
	ИФТЭБ	21	29,95		
				398	0,11
Общий уровень эмоционального интеллекта	ИМО	50	37,28		
	ИФТЭБ	21	32,95		
				461	0,42

«Внутриличностный эмоциональный интеллект» (U=414 p=0,16) имеет большую выраженность у представителей ИМО (Ср=38,22), чем у ИФТЭБ (Ср=30,71). Специфика будущей профессиональной деятельности студентов-международников предполагает формирование высокой коммуникативной и конфликтологической компетентности, овладение ими навыками саморегуляции и самоконтроля в процессе межкультурного взаимодействия, толерантное отношение к противоположным мнениям и взглядам, способность разрешать сложные проблемные ситуации. Однако, в первую очередь, нужно начинать с себя, с умения понимать свое состояние, со способности сдерживать яркие эмоциональные всплески. Шкала «Контроля экспрессии» (U=388,5 p=0,08) это убедительно доказывает. Представители ИМО (Ср=38,73) близки к статистически значимым результатам более сильной выраженности данного показателя. ИФТЭБ (Ср=29,50) существенно уступают в самоконтроле эмоций. Психологической службе университета следует обратить пристальное внимание на этот факт. Будущие экономисты нуждаются в психологической групповой работе по формированию навыков распознания экспрессии, по осознанию и принятию собственных чувств и переживаний, по освоению приемов саморегуляции эмоциональных реакций.

Шкалы «Понимание своих эмоций» (U=459 p=0,41) и «Управление своими эмоциями» (U=422,5 p=0,19) подтверждают более слабую выраженность внутриличностного интеллекта у студентов ИФТЭБ (Ср=32,86; 31,12), чем у ИМО (Ср=37,32; 38,05). Несомненно, специалистам-международникам также необходимо осваивать навыки активного слушания, конструктивной коммуникации, саморегуляции эмоций, но представители ИФТЭБ нуждаются в этом больше.

Самые интересные результаты были получены по методике «Копинг-тест» (разработана Р. Лазарусом и С. Фолкманом, адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой) (Таблица 5).

Таблица 5. Сравнение копинг-стратегий у студентов социально-экономических специальностей (U, Манна-Уитни)

	Институт (Факультет)	N	Средний ранг	U	p-level
Конфронтационный копинг	ИМО	50	38,17		
	ИФТЭБ	21	30,83		
				416,5	0,17
Дистанцирование	ИМО	50	38,03		
	ИФТЭБ	21	31,17		
				423,5	0,20
Самоконтроль*	ИМО	50	39,36		
	ИФТЭБ	21	28,00		
				357	0,03
Поиск социальной поддержки	ИМО	50	36,41		
	ИФТЭБ	21	35,02		
				504,5	0,79
Принятие ответственности	ИМО	50	38,69		
	ИФТЭБ	21	29,60		
				390,5	0,09
Бегство избегание	ИМО	50	37,39		
	ИФТЭБ	21	32,69		
				455,5	0,38
Планирование решения проблемы	ИМО	50	38,96		
	ИФТЭБ	21	28,95		
				377	0,06
Положительная	ИМО	50	41,13		

переоценка**	ИФТЭБ	21	23,79		
				268,5	0,001
*p-level<0,05 (U, Манна-Уитни) **p-level<0,01 (U, Манна-Уитни)					

Статистически значимые различия обнаружены по двум шкалам: «Самоконтроль» (U=357 p=0,03) и «Положительная переоценка» (U=268,5 p=0,001). И в том, и в другом случае студенты ИМО (Ср=39,36; 41,13) показывают более высокие результаты, чем ИФТЭБ (Ср=28,00; 23,79). Таким образом, самоконтроль присущ студентам-международникам не только в эмоциональной сфере, но и во всех аспектах жизнедеятельности. Особенно это важно в критических ситуациях. Способность реагирования на стресс собранностью и рациональностью снижает риски негативных последствий. А положительная переоценка обеспечивает накопление опыта, позволяющего прогнозировать и нейтрализовать риски.

По другим шкалам статистически значимые различия не выявлены, но на уровне тенденций отдельные параметры указывают на значительную разницу в показателях двух групп. Это позволят нам заключить, что при увеличении общей выборочной совокупности, мы сможем получить статистическую значимость.

Конструктивные копинги: «Принятие ответственности» (U=390,5 p=0,09) и «Планирование решения проблемы» (U=377 p=0,06), в большей мере выражены у студентов ИМО (Ср=38,69; 38,96), реже к ним прибегают ИФТЭБ (Ср=29,60; 28,95). Готовность брать на себя ответственность за действия и поступки свидетельствует о социально-психологической зрелости личности. Студенты нацелены на конструктивное решение любых трудных проблем, предварительно продумывая пути их решения, что позволяет снизить собственную психофизиологическую энергозатратность.

Однако деструктивные формы совладания («Конфронтационный копинг» (U=416,5 p=0,17), «Дистанцирование» (U=423,5 p=0,20) и «Бегство-избегание» (U=455,5 p=0,38)), более присущи студентам-международникам (Ср=38,17; 38,03; 37,39), умеренное их применение - ИФТЭБ (Ср=30,83; 31,17; 32,69). Желание отстаивать свою точку зрения, доказывать свою правоту, используя категоричные доводы, подталкивает студентов к конфронтации. Стрессовая ситуация рассматривается как враждебная, поэтому следует агрессивный ответ. Последствия такой реакции очевидны – деструктивное разрешение проблемы. В случае дистанцирования и избегания – намеренный уход от трудностей. Такое поведение студентов ИМО в определенной степени может быть обусловлено как конкурентной средой, так и собственными амбициями (социальными, властными, материальными и др.). А невозможность достичь все и сразу запускает механизм отказа от преодоления трудностей.

Общие выводы

Таким образом, студенты социально-экономического профиля отличаются приверженностью к ценностям универсализма и доброты. Самостоятельность становится источником саморазвития и творчества. Сфера экономики привлекает обучающихся с ценностями: универсализма, стимуляции и безопасности. У представителей ИМО более выражены мотивы: процесса и результата деятельности, свободы и материального достатка. Эмоциональный интеллект нуждается в развитии у студентов-экономистов, особенно это касается внутриличностной сферы. Международники склонны использовать конфронтационный копинг или дистанцироваться от сложных жизненных ситуаций. Выявленные психологические проблемы студентов двух направлений подготовки свидетельствуют о необходимости проведения с ними психологической работы.

Список литературы

Bar-On R. The development of an operational concept of psychological well-being. Diss. Rhodes University, 1985.

Gardner H., Hatch T. Educational implications of the theory of multiple intelligences // Educational Researcher. 1989. № 18(8). P. 4–10. DOI: 10.3102/0013189X018008004

Garland E. L. et al. Mindfulness-Oriented Recovery Enhancement versus CBT for co-occurring substance dependence, traumatic stress, and psychiatric disorders: Proximal outcomes from a pragmatic randomized trial // Behavior Research and Therapy. 2016. Vol. 77. P. 7–16.

Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. B. The Motivation to Work. New York: John Wiley, 1959. P. 132–148.

Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations // Collegiate Aviation Review. 2016. Vol. 34. № 2. P. 107–137.

Inglehart R. Values, objective needs, and subjective satisfaction among western publics // Comparative Political Studies. 1977. Vol. 9. № 4. P. 429–458.

Jaja S. A. Praxis of Work Behaviour. Lagos: Pinnacle Publishers, 2003.

Karabushchenko P. L., Gainutdinova E. V., Karabushchenko N. B., Lebedeva I. V., Bicharova M. M. Motivational features of modern elite in conditions of modernization // Journal of Engineering and Applied Sciences. 2016.

Maslow A. H. A Dynamic Theory of Human Motivation. 1958.

Mayer J. D. et al. Electing a measure of emotional intelligence: The case of ability scales // The Handbook of Emotional Intelligence. 2000. P. 320–342.

McClelland D. C. Human Motivation. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Petrides K. V. Trait emotional intelligence theory // Industrial and Organizational Psychology. 2010. № 3(2). P. 136–139.

Petrides K. V., Furnham A., Mavroveli S. Trait emotional intelligence: Moving forward in the field of EI // Emotional Intelligence: Knowns and Unknowns. № 4. 2007. P. 151–166.

Rapisarda B. A. The impact of emotional intelligence on work team cohesiveness and performance // The International Journal of Organizational Analysis. 2002. № 10(4). P. 363–379.

Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.

Ruisel I. Social intelligence: Concepts and methodological problems // Studia Psychologica. 1992. № 34(4). P. 281.

Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5. № 2–3. P. 137–182.

Thorndike E. L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine. 1920. № 140. P. 227–235.

Wechsler D. Non-intellective factors in general intelligence // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. № 38(1). P. 101. DOI: 10.1037/h0060613

Карабущенко Н. Б. Научно-инженерная элита России: психологический подход // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 1(66). С. 77–88.

Карабущенко Н. Б. Особенности проявления толерантности как свойства элитной личности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2(35). С. 213–221.

Карабущенко Н. Б. Уровни элитологического формирования личности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 4. С. 12–16.

Карабущенко Н. Б. Феномен «элитного сознания» как особая форма отражения окружающей действительности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3(28). С. 213–220.

Карабущенко Н. Б., Нерсесянц А. В., Штырев М. М. Ценностно-смысловые ориентации молодёжного социально-ориентированного лидерства // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021. № 1(41). С. 59–71.

Карабущенко Н. Б., Паршутин И. А., Бобков А. Н. Эмоциональный интеллект субъекта потенциальной научно-технической элиты России // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 2(102). С. 277–286. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-277-286

Карабущенко Н. Б., Пилишвили Т. С., Чхиквадзе Т. В., Сунгурова Н. Л. Особенности социального, эмоционального и культурного интеллекта и распознавания эмоций у представителей России и стран Азии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 394–404. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-394-404

References

Bar-On R. The development of an operational concept of psychological well-being. Diss. Rhodes University, 1985.

Gardner H., Hatch T. Educational implications of the theory of multiple intelligences // Educational Researcher. 1989. № 18(8). P. 4–10. DOI: 10.3102/0013189X018008004

Garland E. L. et al. Mindfulness-Oriented Recovery Enhancement versus CBT for co-occurring substance dependence, traumatic stress, and psychiatric disorders: Proximal outcomes from a pragmatic randomized trial // Behavior Research and Therapy. 2016. Vol. 77. P. 7–16.

Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. B. The Motivation to Work. New York: John Wiley, 1959. P. 132–148.

Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations // Collegiate Aviation Review. 2016. Vol. 34. № 2. P. 107–137.

Inglehart R. Values, objective needs, and subjective satisfaction among western publics // Comparative Political Studies. 1977. Vol. 9. № 4. P. 429–458.

Jaja S. A. Praxis of Work Behaviour. Lagos: Pinnacle Publishers, 2003.

Karabuschenko, N. B. Features of the Manifestation of Tolerance as a Property of an Elite Personality. Caspian Region: Politics, Economy, Culture, 2013, No. 2(35), pp. 213–221. (in Russian).

Karabuschenko, N. B. Levels of Elitological Personality Formation. RUDN Journal of Psychology and Pedagogy, 2011, No. 4, pp. 12–16. (in Russian).

Karabuschenko, N. B. The Phenomenon of "Elite Consciousness" as a Special Form of Reflecting Reality. Caspian Region: Politics, Economy, Culture, 2011, No. 3(28), pp. 213–220. (in Russian).

Karabuschenko, N. B. The Scientific and Engineering Elite of Russia: A Psychological Approach. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology, 2024, No. 1(66), pp. 77–88. (in Russian).

Karabuschenko, N. B., Nersesyants, A. V., & Shtyrev, M. M. Value-Semantic Orientations of Youth Socially Oriented Leadership. Human Factor: Social Psychologist, 2021, No. 1(41), pp. 59–71. (in Russian).

Karabuschenko, N. B., Parshutin, I. A., & Bobkov, A. N. Emotional Intelligence of the Subject of Russia's Potential Scientific and Technical Elite. SibScript, 2024, Vol. 26, No. 2(102), pp. 277–286. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-277-286 (in Russian).

Karabuschenko, N. B., Pilishvili, T. S., Chkhikvadze, T. V., & Sungurova, N. L. Features of Social, Emotional, and Cultural Intelligence and Emotion Recognition Among Representatives of Russia and Asian Countries. RUDN Journal of Sociology, 2020, Vol. 20, No. 2, pp. 394–404. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-394-404 (in Russian).

Karabushchenko P. L., Gainutdinova E. V., Karabushchenko N. B., Lebedeva I. V., Bicharova M. M. Motivational features of modern elite in conditions of modernization // Journal of Engineering and Applied Sciences. 2016.

Maslow A. H. A Dynamic Theory of Human Motivation. 1958.

Mayer J. D. et al. Electing a measure of emotional intelligence: The case of ability scales // The Handbook of Emotional Intelligence. 2000. P. 320–342.

McClelland D. C. Human Motivation. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Petrides K. V. Trait emotional intelligence theory // Industrial and Organizational Psychology. 2010. № 3(2). P. 136–139.

Petrides K. V., Furnham A., Mavroveli S. Trait emotional intelligence: Moving forward in the field of EI // Emotional Intelligence: Knowns and Unknowns. № 4. 2007. P. 151–166.

Rapisarda B. A. The impact of emotional intelligence on work team cohesiveness and performance // The International Journal of Organizational Analysis. 2002. № 10(4). P. 363–379.

Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.

Ruisel I. Social intelligence: Concepts and methodological problems // Studia Psychologica. 1992. № 34(4). P. 281.

Schwartz S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5. № 2–3. P. 137–182.

Thorndike E. L. Intelligence and its uses // Harper's Magazine. 1920. № 140. P. 227–235.

Wechsler D. Non-intellective factors in general intelligence // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. № 38(1). P. 101. DOI: 10.1037/h0060613

Information Activity of Russia's Elites: from the Experience of Political Science Research

Anton V. Aristov

National University of Science and Technology MISIS. Moscow, Russia.
Email: aristov.av[at]misis.ru ORCID: 0009-0002-1895-4286

Abstract

One of the patterns of human civilization's development is that each emerging technology, on the one hand, goes through a fairly universal set of stages of development, initially becoming the property of the elite rulers of the world and the minds of the people, then penetrating into the national economy, and eventually becoming a tool for solving utilitarian and even everyday problems, eventually becoming an element of mass consumer culture, either reborn over time or dying out. On the other hand, every new technology goes through multiple reinterpretations of its potential and role within the framework of socio-political and socio-economic relations during its evolution. This is exactly what has been happening with information technologies since the late 1940s.

The rapid development of information technologies in the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century makes it necessary to reflect on the accumulated experience of their development. In the text of the work, the author attempts to provide a historical and political analysis of the information activity of Russian elites in connection with the development of information technologies. The work is based on a specific historical and systematic approach. The results of the study can be used in subsequent research.

Keywords

Information; Specific Historicalapproach; Systemic Approach; Information Society; Information Technologies; Information Processes; Information Relations; Information Activity; Information Policy; Evolution; Cybernetics; Social And Political Technologies

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Информационная активность элит России: из опыта политологических исследований

Аристов Антон Викторович

Национальный исследовательский технологический университет МИСИС. Москва, Россия.
Email: aristov.av[at]misis.ru ORCID: 0009-0002-1895-4286

Аннотация

Одна из закономерностей развития человеческой цивилизации заключается в том, что каждая вновь возникающая технология, с одной стороны, проходит в рамках своего развития достаточно универсальный набор этапов развития, становясь поначалу достоянием избранных властителей мира и дум, потом проникая в народно-хозяйственный комплекс, затем превращаясь в инструмент решения утилитарных и даже бытовых задач, превращаясь в конечном счете в элемент массовой потребительской культуры, либо перерождающийся со временем, либо отмирающий. С другой стороны, каждая новая технология в процессе своей эволюции проходит через многократное переосмысление ее потенциала и роли в рамках социально-политических и социально-экономических отношений. Именно это, начиная с конца 1940-х годов и по настоящее время, происходит с информационными технологиями.

Стремительное развитие информационных технологий во второй половине XX и начале XXI века делает актуальной задачу осмысления накопленного опыта их развития, применения, а также трансформации на фоне развития всей системы социальных отношений. В настоящей работе автор предпринимает попытку историко-политологического анализа информационной активности российских элит в связи с развитием информационных технологий. Методологической основой работы стали конкретно-исторический и системный подходы. Результаты исследования могут быть использованы в рамках последующих исследований.

Ключевые слова

информация; конкретно-исторический подход; системный подход; информационное общество; информационные технологии; информационные процессы; информационные отношения; информационная активность; информационная политика; эволюция; кибернетика; социальные и политические технологии

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

В рамках логики конкретно-исторического подхода, теоретическая рамка исследования, посвященного рассмотрению круга вопросов, касающихся характера информационной активности элит, будет зависеть от того, события какой эпохи находятся в фокусе внимания исследователя, а соответственно и той роли, которую информация играла и/или играет в жизни общества в рамках рассматриваемого периода времени.

Если принять за данность, что во второй половине XX столетия в связи с разрушением колониальной модели мира, а также вследствие бурного развития информационных технологий человечество вступило в эпоху так называемого информационного или постиндустриального общества, получится, что в настоящий момент времени среднестатистический индивид в рамках своей онтологии обязан исходить из того, что информация – это не просто сведения, касающиеся широкого круга вопросов, интересующих или не интересующих его в разной степени, и поступающих к нему по каналам, созданным в рамках жизнедеятельности разнообразных подсистем, например, политической, экономической, социокультурной или научно-технологической, но в первую очередь – это инструмент и/или фактор управления этими подсистемами в целом, а также составляющими их элементами, к числу которых относится и конкретный индивид.

Проще говоря, процесс управления данными подсистемами становится информационным, отношения, которые возникают в рамках этого процесса, также становятся информационными, а информационную активность элит в этом случае следует рассматривать как деятельность актора/акторов, которыми и являются элиты, в рамках информационных отношений, влияющую на характер протекающих информационных процессов, а значит – и на состояние подсистем и систем в целом.

Таким образом, рассматривая вопрос об информационной активности элит России, как и элит вообще, в качестве отправной точки для последующих рассуждений целесообразным представляется отталкиваться от категорий «информационный процесс» и «информационное общество».

Основная часть

С точки зрения системного анализа, привычная большинству историков и политологов логика структурирования распределенного во времени опыта существования человеческой цивилизации путем выделения различных эпох, предполагает выявление в прошлом так называемых точек бифуркации [Внутских, 2015]. Под ними в данном случае понимаются какие-то моменты времени, когда в рамках исторического процесса привычная логика развития

событий меняется, вступают в действие новые правила взаимоотношений, а также появляются новые центры принятия решений.

Учитывая вышесказанное, на повестке оказывается вопрос о том, когда в рамках истории развития информационных процессов, сопутствующих эволюционным трансформациям в жизни человеческого сообщества, происходили серьезные изменения, актуальность которых нашла отражение в настоящей работе.

Если отталкиваться от того, что под информационными процессами следует понимать совокупность многообразия различных потоков воспроизводства, восприятия, осмысления, оценки информации и выработки на ее основе отношения, диспозиции и позиции аудитории к фактам, отраженным в данной информации, и формирования мотивов социального поведения [Беспалов, Вепринцев, Воробьев, Попов, 2003]. Получается, что проблема определения точек бифуркации в рамках развития информационных процессов может осуществляться со следующих позиций: 1) с позиций изучения истории технологий производства, обработки, передачи и хранения информации; 2) с позиций изучения истории становления институциональной системы производства, обработки, передачи и хранения информации, а также контроля за ее работой; 3) с позиций изучения истории информационных социальных и политических технологий. В первом случае искомыми точками бифуркации, вероятнее всего, справедливо будет считать моменты возникновения новых технических средств работы с информацией, которые влекли за собой трансформации в самой системе социальных отношений. Речь идет, например, о станке Гуттенберга, появлении телеграфа, радио, телевидения, Интернета и др.

Во втором случае речь может идти о моменте возникновения средств массовой информации, средств массовой коммуникации, органов политического управления и контроля за их деятельностью, институтов социальной ответственности, профессионального самоуправления, а также о трансформации принципов функционирования социально-политических и социально-экономических систем в целом, например, в результате революций, переворотов и др.

В третьем случае, как представляется, справедливо рассуждать об эволюции комплекса социальных практик, благодаря использованию которых осуществляется управление социальными системами. Речь идет о рекламе, пропаганде, связях с общественностью, технологиях «мягкой силы», технологиях организации государственных переворотов, претендующих на статус революций, информационных войнах и др.

Что касается информационного общества, то в рамках общественного дискурса этот феномен в последние годы нередко рассматривается в первую очередь как предопределяющий изменения в процессе социализации современного человека [Белл, 2004]. В какой-то степени именно по этой

причине и количество блогеров, и число разнообразных площадок для размещения ими своего «контента» в Сети стремительно растут, а сам факт наличия у той или иной страны собственных, национальных, так сказать, социальных сетей и инструментов поиска информации в Интернет рассматриваются как один из факторов государственной безопасности.

Между тем с точки зрения философии истории этот вопрос может рассматриваться и с совершенно других позиций. Например, в рамках развития традиций так называемого формационного подхода, разработанного в XIX веке основателями марксизма, а позднее неоднократно модифицированного их последователями, но и также неоднократно раскритикованного их оппонентами. Например, еще до революции ученик В.О. Ключевского будущий академик М.Н. Покровский, применяя данную методологию к анализу истории России, выдвинул концепцию так называемого торгового капитализма, который, по его мнению, был противником русской революции [Володьков, 2015].

Подытожим: в рамках традиции формационного подхода, информационное общество может рассматриваться как один из этапов на пути развития производственных сил. Наравне с индустриальной, феодальной, рабовладельческой или даже первобытнообщинной. Причем каждая из них будет считаться полноценной формацией.

При этом вопрос о капитализме и/или социализме/коммунизме, которые основоположниками этой концепции упоминались наравне с индустриальной и иными формациями, — это вопрос не о движущих силах в рамках производственных отношений, а о способах распределения благ, полученных в результате реализации той или иной модели развития. И по этой причине они должны быть выведены за скобки.

Что же касается движущих сил, то начавшийся после окончания Второй мировой войны процесс деколонизации мира, сопровождавшийся разрушением системы треугольной торговли, появлением на мировом рынке труда огромных дешевых трудовых ресурсов стран Третьего мира, привел к миграции производств с территории бывших метрополий, а если говорить шире – из стран Золотого миллиарда, преимущественно в Азию. Возникшая в результате этих процессов реальность характеризуется тем, что в США и Европе остались деньги, а в распоряжении Азиатских тигров оказались производства. Собственно, задача обеспечения связи между этими элементами экономической подсистемы и стала в XX веке одним из мощнейших драйверов развития информационных технологий. Именно в рамках решения этой задачи и возник так называемый Финтех.

В случае с СССР (Россией), который после смерти И.В. Сталина фактически отказался от строительства альтернативы Бреттон-Вудской системе, но продолжал развивать автаркию, точкой бифуркации стали события 1991 года, по итогам которых был разрушен единый до этого хозяйственный

комплекс, а на освободившийся рынок хлынули товарные потоки с Востока и Запада. При этом деньги так называемые иностранные инвесторы вкладывали не столько в реализацию конкретных проектов на территории страны, сколько использовали их для перераспределения естественных производственных сил, накопленных в стране в течение предшествующих периодов ее существования [Катасонов, 2014].

В итоге многие производства, удовлетворявшие жизненно важные потребности советского общества, в 1990-2000-х гг., оказались на Востоке, а финансовый капитал – на Западе.

При этом собственного информационного технологического базиса, достаточного для того, чтобы Россия как хозяйственный комплекс в целом и хозяйствующие субъекты, аффилированные с ее юрисдикцией, могли адекватно принимать участие в связывании между собой рынка капиталов и рынка технологий у страны не оказалось. Попросту говоря, к вхождению в эпоху глобализации страна оказалась не готова.

Собственно, именно это «не готова» и предопределило информационную активность российской элиты на протяжении почти четверти века – с 1991 по 2014 год, когда встал вопрос о создании отечественной системы передачи финансовых сообщений, то есть о создании системы МИР.

Таким образом, знаменитый марксовский тезис о том, что политика – это лишь надстройка над экономикой по-прежнему сохраняет актуальность и может быть использован в рамках осмысления характера информационной активности российской элиты.

При этом, конечно, нельзя забывать и о сумме аспектов онтологического, аксиологического, эпистемологического, этического, эстетического и антропологического характера, являющихся следствием перехода к новому для человечества типу производственных отношений – информационному. Вместе с тем данные аспекты выходят за пределы предметной области данной работы, являясь прерогативой для научных изысканий профессиональных философов.

Что касается политических аспектов информационной активности российских элит, ниже они будут рассмотрены в соответствие со сформулированной ранее трехэтапной логикой.

С позиций анализа истории технологий производства, обработки, передачи и хранения информации, во второй половине XX столетия искомой точкой бифуркации являются 1950-1960-е годы, когда вскоре после Норберта Винера, указавшего на необходимость развития кибернетики как науки о развитии общества посредством использования информации, была сформулирована идеология глобальных вычислительных сетей [Wiener, 1948].

Локомотивом развития этой новой для того времени идеологии работы с информацией в западном мире стали США, где в 1969 году была создана военная сеть ARPANET, опираясь на опыт использования и эксплуатации

которой через 15 лет, по инициативе Национального научного фонда, в этой же стране для связи между университетами и вычислительными центрами был запущен проект NSFNET.

Напомним, что 1980-е годы в истории технологий – это время микроэлектронной революции, которая уже к концу этого десятилетия позволила нескольким тысячам пользователей подключиться к NSFNET, а уже в первой половине 1990-х годов в результате перевода ядра этой сети в режим коммерческого использования, а также вследствие присоединения к данному ядру академической сети BITNETи ряда других более мелких сетей, началась история знакомого сегодня всем Интернета.

Что касается Советского Союза, то благодаря усилиям медиа, а также в силу высокого уровня секретности отечественных разработок, о его успехах на этом направлении технологического развития и по сегодняшний день известно далеко не все. Данный вопрос по-прежнему продолжает оставаться перспективным для исследования профессиональными историками.

Мы доподлинно знаем, что в 1950-1960-х гг. в стране существовали закрытые военные вычислительные сети, а к концу 1950-х академик В.М. Глушков представил революционный для своего времени проект ОГАС - Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации, который в последующем был назван журналистами Экономическим Интернетом Советского Союза, но не получил поддержки и поэтому не был реализован, зато была реализована Автоматизированная система плановых расчетов [Сафронов, 2019]. Отказ от реализации данного проекта в наши дни рассматривается некоторыми исследователями как один из атрибутов отказа советских элит от ведения борьбы с противником по Холодной войне до победного конца [Фурсов, 2017].

Несколько позднее, уже в конце 1970-х годов, в стране была создана альтернатива западной BITNET, которая и получила название Академсеть. Именно она после распада в 1991 году Советского Союза была перезапущена под названием РОКСОН и стала основой для связи будущего Рунета с глобальным Интернетом. Примерно в это же время маршал СССР Н.В. Огарков разработал основы концепции, которая позднее будет названа теорией сетецентрических войн [Зеленко, 2022].

Хуже дело обстояло с микроэлектроникой. Этого сюжета, по крайней мере для массового потребителя, в СССР просто не было, потому что еще в 1970 годах Советский Союз переориентировался на использование западной аппаратной архитектуры в своих интересах. О причинах этого, мягко говоря, неоднозначного решения споры идут и в наши дни. В последующем в условиях политического кризиса 1980-х о перспективах масштабирования отечественных сетевых проектов речи уже не шло.

Таким образом, решения, принятые советской элитой относительно развития в стране информационных технологий задолго до 1991 года,

предопределили последующее отставание Российской Федерации и в деле развития аппаратной их основы, и в рамках становления институтов регулирования информационных процессов и информационных отношений, и в деле развития информационных социальных и политических технологий.

В результате в условиях экономической разрухи и политического хаоса 1990-х годов «желтая майка лидера» в гонке информационных технологий прямо на глазах изумленной российской элиты стала исчезать за горизонтом, и, чтобы преодолеть это отставание, необходимо было принимать неотложные меры.

Что касается становления институциональной системы производства, обработки, передачи и хранения информации, а также контроля за ее работой, судя по последующим событиям, архитекторы нашей перестройки М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев, а также первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин из старого гимна СССР – «Интернационала» - хорошо знали лишь одно четверостишие:

«Весь Мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый Мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем».

В рамках именно этой логики и развивались события в период с 1985 по 1998 год. Следуя правилам конкретно-исторического подхода, напомним кратко хронологию последующих событий в части, касающейся предметной области настоящей работы:

1 января 1987 года в СССР началась эпоха гласности;

14 марта 1990 года был принят закон, согласно которому в СССР был введен пост Президента, а также была отменена ст.6 Конституции СССР от 1977 года;

8 августа 1990 года Б.Н. Ельцин, обращаясь к руководству регионов РСФСР, предложил им «брать суверенитета столько, сколько сможете проглотить»;

19 августа 1991 года – путч ГКЧП;

8 декабря 1991 года – подписание Беловежских соглашений;

27 декабря 1991 года – в Российской Федерации появился «Закон о СМИ», фактически разрушивший существовавшую до этого момента выстроенную систему отношений, связанных с производством, передачей и хранением массовой информации, а также с функционированием участников информационных процессов, отныне СМИ в России могли создавать даже иностранные граждане и компании, а независимости от государства СМИ получили примерно столько же свободы, сколько Б.Н. Ельцин в 1990 году предлагал регионам;

1993 год – конституционный кризис, завершившийся принятием ныне действующей Конституции Российской Федерации;

1994–1996 годы – Первая Чеченская война, в ходе которой необходимость наведения порядка в системе средств массовой информации и средств массовой коммуникации стала очевидна всем;

1998 год, август - дефолт.

Перечисленные в этом списке события, а также описанные выше решения еще советского периода времени, касающиеся развития информационных технологий, являются причиной перманентных в последующем попыток российской элиты сформулировать адекватную реалиям времени информационную политику. Больше того, они осуществляются в рамках традиционной для нашей истории логики, когда ее (историю) можно разделить на периоды либерализации, которые сменяются периодами реакции, а затем все это повторяется до бесконечности.

Отличаются эти два периода друга от друга тем, что в рамках периодов либерализации в среде отечественной элиты растут центробежные тенденции, а в рамках реакции – центростремительные, в рамках которых даже создание аккаунтов в соцсетях происходит по команде свыше или во исполнение настойчивого пожелания из высокого кабинета.

Что касается понятия «информационная политика», оно вошло в обиход политизированного сообщества РФ еще в 1993 году, когда в Государственной Думе появился Комитет Государственной Думы по информационной политике и связи, а уже через пять лет, в октябре 1998 года, то есть через два месяца после дефолта 1998 года, на заседании данного Комитета была одобрена первая после развала СССР Концепция государственной информационной политики Российской Федерации. 21 декабря того же года она получила поддержку на заседании Постоянной палаты по государственной информационной политике Политического консультационного совета при Президенте РФ.

Данный документ в качестве целей государственной информационной политики провозглашал формирование в России информационного общества, обеспечение информационной безопасности и решение задачи по интеграции в мировое информационное пространство.

В 2000 году, спустя два года после появления в РФ Концепции государственной информационной политики, Указом Президента РФ была утверждена Доктрина информационной безопасности России, развивавшая положения упомянутой выше Концепции в части, касающейся решения задач обеспечения государственной безопасности и защиты интересов страны.

7 февраля 2008 года Президент утвердил Стратегию развития информационного общества на период до 2017 года. Именно в этот период времени в России впервые была принята Концепция развития свободного программного обеспечения в России, был принят закон «Об иноагентах», а программа «Электронная Россия» трансформировалась в «Госуслуги».

Уже в 2016 году, то есть через два года после возвращения Крыма, а также начала событий на Донбассе, следствием которых стала первая волна санкций, в России вступила в силу обновленная редакция Доктрины информационной безопасности, а в 2017 году была принята Стратегия развития информационного общества до 2030 года.

2020 год стал временем принятия целого пакета поправок в Конституцию РФ, одна из важнейших новелл которых заключается в запрете выхода территорий из состава РФ, что, по сути, спустя 30 лет, на политико-правовом уровне наконец обнулило упомянутый выше призыв Ельцина к главам национальных автономий РСФСР относительно суверенитета. Фактически страна впервые за долгое время поставила себе цель построения по-настоящему единого правового пространства, подразумевающего нейтрализацию любых проявлений сепаратизма со стороны элит. Чтобы пройти этот путь, Россия за 30 с небольшим лет использовала и силу оружия, и потенциал договоров о разграничении полномочий, и, наконец, пришла к закреплению этого принципа в Основном законе страны.

В 2021 году в России была принята новая Стратегия национальной безопасности, а в 2022 году после начала Специальной военной операции увидели свет поправки в Федеральное законодательство, предусматривающие уголовное наказание за распространение фейков, а также пакет Указов Президента РФ, определяющих приоритеты ее государственной политики на международной аране, в военной сфере, и что очень важно – впервые с момента развала Советского Союза на официальном уровне были заявлены императивы государственной идеологии РФ.

Таким образом, учитывая, что с момента образования современного российского государства прошло почти 35 лет, у нас возникает возможность охарактеризовать основные этапы в становлении государственной информационной политики.

Этап первый – этап провозглашения демократических прав и свобод, начавшийся в период с августа по декабрь 1991 года, и завершившийся принятием в декабре 1993 года современной Конституции Российской Федерации.

Этап второй – это время начала формирования современной системы законодательства и осознания государством необходимости более полного регулирования информационных процессов, чему способствовали результаты неудачной военной кампании на Северном Кавказе, а также осознание необходимости отладки важнейших для жизни страны процессов – например, процессов формирования органов власти. С этой целью в 1994 году было принято решение о создании в РФ системы ГАС «Выборы».

Третий этап начался практически сразу после августовского дефолта 1998 года, когда в силу финансово-экономических причин отечественная государственность в очередной раз фактически переродилась, а

государственной информационной политике были поставлены задачи строительства информационного общества и вхождения в мировое информационное пространство.

Четвертый этап продолжался с 2000 по 2008 год и характеризовался концентрацией усилий государства на решении в рамках государственной информационной политики задач, связанных с обеспечением государственной безопасности, формированием адекватной времени системы контроля за деятельностью СМИ и СМК, а также попытками разработки теории и конкретных планов реализации комплекса мер, направленных на позиционирование имиджа России за рубежом, корректировку имиджа российского государства в глазах собственных граждан, а также формирование внутри страны современной информационно-коммуникационной инфраструктуры. В этот же период времени был создан и начал вещание канал RussiaToday [Федякин, 2006].

В рамках пятого этапа, продолжавшегося с 2008 по 2017 год, система российской информационной политики, с одной стороны, продолжала свое развитие посредством реализации проектов в рамках программы «Электронная Россия» с последующим выходом на этап практической реализации сервиса «Госуслуги»», а с другой – была вынуждена реагировать на вызовы времени и ставить вопрос о реализации в России проекта создания Мирового финансового центра, создания отечественной платежной системы и др.

Символическим завершением данного периода времени, но и началом нового этапа стал Чемпионат мира по футболу 2018 года, проводившийся в России, описывая который многие мировые СМИ указывали тогда на невероятный в сравнении со многими западными странами уровень проникновения информационных технологий в повседневную жизнь граждан Российской Федерации [Синчук Ю.В., Журавель В.П., Власов Б.Е., 2019].

И, наконец, последний – шестой этап, его с полным правом можно назвать временем испытаний, и он делится на два этапа: 1) период пандемии коронавируса; 2) период, начиная с 15 декабря 2021 года, когда Президент РФ В.В. Путин представил на рассмотрение западных партнеров конкретные предложения, содержащие требования РФ о гарантиях безопасности со стороны Запада. Промежуточным результатом этого этапа уже сейчас можно считать реализованную на практике способность России осуществлять масштабную мобилизацию политической, экономической, социальной и научно-технической подсистем, противостоять агрессии в информационном пространстве со стороны иностранных государств и их союзов, а также купировать внутренние угрозы, связанные с развитием в стране устойчивой системы информационных отношений.

Что касается информационных социальных и политических технологий, то данный вопрос можно рассматривать, отталкиваясь от базовых

политических установок изучаемой эпохи, а с другой – необходимо четко понимать, как на самом деле выглядел рынок программного обеспечения

С точки зрения политических установок, и в 1917 году, и в начале 1990-х годов пришедшие к власти группировки с разной степенью интенсивности использовали карту национализма, подогревая тем самым сепаратизм элит.

Если рассматривать национализм как политическую идеологию, результатом ее развития станет возникновение нации, под которой, если просуммировать интеллектуальные достижения философов эпохи Просвещения, имеет смысл понимать общественную единицу, которая выражает политическое единство именно индивидов, проживающих в одном государстве. В том числе обозначает массу людей, имеющую общее территориальное происхождение. При образовании нации стираются культурные различия между этносами и народами, образовавшими государство «плавильный котел» [Гранин, 2017]. То есть речь идет о фрагментации общества и разрушении существовавших в нем исторически социальных императивов. Если наложить на это потенциал популярного в конце XX – начале XXI века постмодерна, а также иметь в виду растущее число площадок осуществления коммуникативной активности гражданами, в наших руках окажется ключ к понимаю причин роста энтропии в российском обществе в 1990-е годы.

Как тут не вспомнить определение, данное термину «информация» упомянутым выше академиком В.М. Глушковым, согласно которому информация представляет собой меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы [Глушков, 1964].

В результате на повестке дня оказался вопрос о том, что делать в такой ситуации.

Первоначально развивающиеся процессы можно было описать как дихотомию между «свободой слова» и растущей вовлеченностью государства в развивающиеся информационные процессы, при этом с течением времени, благодаря вхождению Российской Федерации в мировое информационное пространство, в рамках нашей информационной реальности все острее стало ощущаться влияние вообще первоначально не регулируемых законодательством средств коммуникации – социальных медиа.

История этого элемента информационного пространства в западном мире также началась еще в первой половине 1970-х, когда в Иллинойском университете была создана первая система он-лайн чата Talcomatik, а в 1980 году происходит «маленькая революция», которая была связана с появлением первого общедоступного сервиса онлайн-чата, который назывался CompuServe CB Simulator. Через четыре года после него в США же мир познакомился с FidoNet, а уже в 1988 году, благодаря появлению протокола IRC, стало возможным общение в сети в режиме реального времени.

Всего этого в нашей реальности, по сути, не было.

Дальше события развивались лавинообразно: в 1995 году появляется платформа Classmates.com, через год после него появляется ICQ. Еще год спустя возникает проект SixDegrees.com, который некоторые называют первой настоящей социальной сетью. В 1999 году мир познакомился с ЖЖ. В 2003–2004 годах появляются LinkedIn, MySpace и Facebook. В 2006 году появляется Twitter, а три года спустя – WhatsApp. В 2013 году в мире произошла очередная революция, которая на этот раз была связана с именем нашего соотечественника П.В. Дурова, - появился Telegram.

В 2005-2006 годах появились проекты Ютуб и Рутуб.

Упомянутые выше проекты Classmates.com и Facebook стали прообразами российских платформ Одноклассники и ВКонтакте соответственно.

Что касается поисковых сервисов, в 1996 году в России появились Рамблер и Апорт, а год спустя знаменитый Яндекс. На Западе история поисковых машин началась в 1990 году с появлением сервиса Archie.

С разницей в 9 лет в США и России появляются первые сетевые издания: «The Electronic Trib» в США и «Газета.ру» в России.

Невооруженным взглядом видно, что во всех этих ситуациях Россия в целом и ее элиты, в частности, находились в положении догоняющих, а значит – находящихся под непосредственным воздействиям формируемой прямо на глазах новой информационной культуры.

Что касается использования потенциала Интернета в рамках информационных войн, впервые Россия ощутила его на себе в свете событий, связанных с чеченскими конфликтами, а также с войной 08.08.08 (Грузия), однако настоящая революция произошла с приходом к власти в США в 2009 году Президента Барака Обамы, который был активным пользователем сети Twitter.

Ответить на это российской элите тогда на технологическом уровне было, по сути, нечем. В ход пошли мобилизационные механизмы, в результате применения которых тысячи и тысячи российских политиков, чиновников, политологов, лидеров мнения создали свои аккаунты в социальных сетях.

Но истинное отношение российского политического класса к новому каналу коммуникации проявилось лишь в 2011 году, когда фактически забытый сегодня миллиардер М.Д. Прохоров принял участие в борьбе за пост Президента Российской Федерации. Упор в рамках своей кампании Прохоров и его команда сделали на работу в социальных сетях и коммуникацию с молодежью. Результат был, мягко говоря, неожиданный: олигарх с первой попытки обошел по числу набранных голосов таких долгожителей российской политики, как В.В. Жириновский и С.М. Миронов [Российская газета - Федеральный выпуск: №51(5724)].

С этого момента Интернет стал рассматриваться в России не только как часть информационного пространства, пригодная для борьбы с внешними оппонентами, но и как пространство для решения внутриполитических задач.

Это означает, что у каждого участника российских политических процессов должен был быть свой сайт, свой аккаунт в социальных сетях, а также свои инструменты обратной связи с аудиторией. Что важно: отныне, в соответствие с нормами законодательства, реагировать на обращения граждан было необходимо в обязательном порядке, надзорные органы государства стали следить за происходящим во всемирной паутине, а на законодательном уровне вскоре после событий на Болотной площади в 2021 году был принят закон об иноагентах.

Осмысляя ход последующих событий, следует признать, что существенным изъяном запускаемых в РФ сетевых проектов всегда была достаточно узкая аудитория этих платформ, что, естественно, сказывалось на потенциале их использования в деле продвижения российской элитой своих нарративов. Мало того, как показали события периода проведения Специальной военной операции, на западных площадках аккаунты российских СМИ, политиков и лидеров мнения можно просто заблокировать, пренебрегая нормами собственноручно установленных соцсетями правил.

Итог: в момент начала в 2022 году «горячего» конфликта между РФ и странами Запада, Россия по-прежнему была существенным образом ограничена в возможностях продвижения своей повестки за рубежом с использованием потенциала социальных медиа …

Заключение

Основная часть текста данной работы завершается многоточием не случайно – Специальная военная операция еще продолжается, противоборство с Западом не завершено, становление системы многополярного мира лишь только начинается, эпоха Интернета и социальных медиа прямо на наших глазах становится эпохой нейронных сетей и генеративного «интеллекта», возможности применения которых в рамках информационных процессов открывают перед человечеством неслыханные перспективы, причем события развиваются все быстрее и быстрее [Дробинин, Пискунов, 2025].

Едва только успели уйти в прошлое события начала текущего 2025 года, когда китайские компании взбудоражили мир заявлениями о том, что у американского GPT-chat появились, наконец, достойные конкуренты в виде DeepSeekиQwen, как в августе месяце мировое информационное поле снова залихорадило от заявлений из Поднебесной, где создатель компании AlibabaДжек Маа сделал провокационное заявление о том, что к 2030 году за счет накопления больших данных и использования искусственного интеллекта возможен переход к по-настоящему плановой экономике.

Само по себе это заявление, пусть и очень богатого, но все-таки частного лица, могло бы такого внимания к себе и не привлечь, если бы в декабре 2024 года не появилась информация о том, что Управление перспективных исследовательских проектов Минобороны США приступает к разработке самообучающейся компьютерной системы моделирования и прогнозирования глобальных экономических процессов, а на саммите ШОС в Тяньцзине вообще не пошла речь о создании новой системы глобального управления.

Чем ответит на это Россия?

На текущий момент времени известно, что одним из фондов, работающих под эгидой Совета безопасности России, разрабатывается система стратегического планирования «ИИ-Госплан 2.0», однако конкретные параметры разрабатываемого продукта, как, впрочем, и параметры разработок конкурентов, пока неизвестны. Зато известно, что в советское время у нее был предшественник – Автоматизированная система плановых расчетов.

Более того, в соответствии с поручениями Президента РФ В.В. Путина в России форсируются работы по созданию собственного финансового рынка, а с июля 2025 года в оборот начал включаться цифровой рубль.

Что касается вопросов обороны, начиная с ноября-декабря 2024 года, в России и мире широко обсуждается анонсированное главой российского государства создание нового рода войск – Войск беспилотных систем, что, естественно, подразумевает и создание централизованного органа управления ими. Очевидно, что таковая структура будет работать как сложная кибернетическая система.

Характеризуя ситуацию с генеративным искусственным интеллектом, нельзя не отметить и того обстоятельства, что на этом направлении Россия также заявляет о себе, создавая и развивая такие собственные сервисы, как GigaChat, Яндекс-gpt, Шедеврум и многие другие.

Выражаясь дипломатически, сдержанный оптимизм вполне уместен.

Вместе с тем открытым остается вопрос о трансформации способов информационного противоборства в свете наличия и у нас, и у наших противников на Западе собственных генеративных моделей, а также таких автоматизированных систем мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа, как, например, «Медиалогия», «Интегрум», «Скан-Интерфакс» и др.

Используя данные инструменты в комплексе, в рамках информационного противоборства соперники имеют реальные возможности артикуляции возникающих информационных угроз, а также их купирования посредством тиражирования множества сообщений, подготовленных искусственным интеллектом. В конечном счете это будет означать увеличение скорости развития информационных потоков. Они станут стремительными.

Жесткое информационное противоборство последних лет катализировало в результате теоретические изыскания, касающиеся его проблематики. Приятно констатировать, что в современной России речь об

этом ведут не только представители сообщества политологов, философов и специалистов по информационным технологиям, но и представители соответствующих органов власти: Министерства обороны, ФСБ и других.

Так, в частности, в бытность Министром обороны Российской Федерации С.К. Шойгу его помощник по связям с общественными объединениями А.М. Ильницкий ввел в оборот термин «ментальная война» [Зеленко, 2022].

В результате сегодняшний дискурс относительно информационного противоборства будущего идет в треугольнике, вершинами которого являются понятия «информационная война», «когнитивная война» и «ментальная война».

Каким будет результат этой работы, покажет время.

Список литературы

Wiener N. Cybernetics: Or the Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge: MIT Press, 1948. 194 p.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.

Беспалов П. В., Вепринцев В. Б., Воробьев В. В. и др. Информационная политика: учебник / Под общ. ред. В. Д. Попова. М.: Изд-во РАГС, 2003. 459 с.

Внутских А. Ю. О точках бифуркации как элементарных единицах процесса развития и «Ценности прошлого» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 10. С. 6–9.

Володьков О. П. Торговый капитализм и специфика революционного процесса в России в оценке М. Н. Покровского // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5(25). С. 118–121.

Глушков В. М. О кибернетике как науке // Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964. 511 с.

Гранин Ю. Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий // Вопросы философии. 2017. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1195

Дробинин А. Ю., Пискунов Е. Г. Что такое многополярный мировой порядок: актуальные теоретические и прикладные аспекты // Международная жизнь. 2025. № 8. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3246

Зеленко Б. И. К вопросу о сетецентрических войне и мире (некоторые аспекты) // Власть. 2022. Т. 30. № 3. С. 52–57.

Катасонов В. Ю. Экономика Сталина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.

Российская газета. Федеральный выпуск № 51(5724). Постановление ЦИК о результатах выборов Президента РФ. URL: https://rg.ru

Сафронов А. Пионеры цифровизации. М., 2019. 80 с.

Синчук Ю. В., Журавель В. П., Власов Б. Е. Чемпионат мира по футболу 2018 в России: реализация цифровых технологий // Цифровая социология. 2019. Т. 2. С. 41–48.

Федякин А. В. Формирование позитивного образа государства как задача информационной политики России: история и современные реалии. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 378 с.

Фурсов А. И. Цепи настоящего, силы прошлого и битвы будущего // Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. М.: Книжный мир, 2017. 184 с.

References

Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Trans. from English; ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow: Academia, 2004. 783 pp. (in Russian).

Bespalov, P. V., Veprintsev, V. B., Vorobyev, V. V., et al. Information Policy: Textbook. Ed. by V. D. Popov. Moscow: RAGS Publishing, 2003. 459 pp. (in Russian).

Drobinin, A. Yu., & Piskunov, E. G. What Is a Multipolar World Order: Current Theoretical and Applied Aspects. International Affairs, 2025, No. 8. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3246 (in Russian).

Fedyakin, A. V. Shaping the Positive Image of the State as a Task of Russia's Information Policy: History and Modern Realities. Moscow: Socio-Political Thought, 2006. 378 pp. (in Russian).

Fursov, A. I. Chains of the Present, Forces of the Past, and Battles of the Future. In: The Struggle of Questions. Ideology and Psychohistory: Russian and Global Dimensions. Moscow: Knizhny Mir, 2017. 184 pp. (in Russian).

Glushkov, V. M. On Cybernetics as a Science. In: Cybernetics, Thinking, Life. Moscow, 1964. 511 pp. (in Russian).

Granin, Yu. D. "Nation" and "Ethnos": Evolution of Approaches and Interpretations in Philosophy and Science of the 18th–20th Centuries. Voprosy Filosofii, 2017. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1195 (in Russian).

Katasonov, V. Yu. Stalin's Economy. Ed. by O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2014. 416 pp. (in Russian).

Rossiyskaya Gazeta. Federal Issue No. 51(5724). Decision of the Central Election Commission on the Results of the Russian Presidential Election. URL: https://rg.ru (in Russian).

Safronov, A. Pioneers of Digitalization. Moscow, 2019. 80 pp. (in Russian).

Sinchuk, Yu. V., Zhuravel', V. P., & Vlasov, B. E. The 2018 FIFA World Cup in Russia: Implementation of Digital Technologies. Digital Sociology, 2019, Vol. 2, pp. 41–48. (in Russian).

Vnutskikh, A. Yu. On Bifurcation Points as Elementary Units of the Development Process and "The Value of the Past." Bulletin of Vyatka State Humanities University, 2015, No. 10, pp. 6–9. (in Russian).

Volod'kov, O. P. Commercial Capitalism and the Specifics of the Revolutionary Process in Russia in M. N. Pokrovsky's Interpretation. Bulletin of Tomsk State University. History, 2013, No. 5(25), pp. 118–121. (in Russian).

Wiener N. Cybernetics: Or the Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge: MIT Press, 1948. 194 p.

Zelenko, B. I. On the Issue of Network-Centric War and Peace (Some Aspects). Vlast', 2022, Vol. 30, No. 3, pp. 52–57. (in Russian).

Problems of Political Elites Formation in the Age of Digital Society Development

Marina A. Romantsova

North Caucasus Federal University. Stavropol, Russia. Email: nataprob[at]mail.ru

Abstract

The modern era is characterized by such a new phenomenon as the beginning of the rapid development of the digital society and digital economy. This development is taking place against the background of two other global trends - the formation of an information (or post-industrial) society and globalization. Together they create a unique system that requires deep and comprehensive philosophical and political science understanding. The world is in the midst of a so-called digital restructuring, when the basic cultural and professional foundations of the activities of political elites are being revised and adjusted. First of all, there is a real reassessment of existing basic political and scientific values. This reassessment is accompanied by a certain conflict. The problem is that the field of scientific research of the digital elite is an area of increased scientific and especially political speculation. Digital is considered the most advanced technology at the moment, already very actively and effectively used in political practice. Therefore, the future of both society and the individual himself is directly linked to the digital transformations taking place in the world. This work is devoted to assessing the quality of development of modern digital political elites and identifying the role they play.

Keywords

Digital Elite; Digital Society; Digital Restructuring; Globalism; Revaluation of Values

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Проблемы формирования политических элит в эпоху развития цифрового общества

Романцова Марина Анатольевна

Северокавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия. Email: nataprob[at]mail.ru

Аннотация

Современная эпоха характеризуется таким новым явлением, как начало бурного развития цифрового общества и цифровой экономики. Это развитие идет на фоне двух других мировых трендов – становления информационного (или постиндустриального) общества и глобализации. Все вместе они создает уникальную систему, которая нуждается в глубоком и всестороннем философском и политологическом осмыслении. В мире назрела т.н. цифровая перестройка, когда пересмотру и корректировке подвергаются базовые культурные и профессиональные основы деятельности политических элит. Прежде всего, происходит самая настоящая переоценка существующих базовых политических и научных ценностей. И эта переоценка сопровождается известной конфликтностью. Проблема состоит в том, что область научного исследования цифровой элиты является зоной повышенной, как научной, так и особенно политической, спекулятивности. Цифра оценивается как самые передовые на настоящий момент технологии, уже весьма активно и эффективно используемые в политической практике. Поэтому будущее, как общества, так и непосредственно самого человека, непосредственно связывается с происходящими в мире цифровыми преобразованиями. Настоящая работа посвящена оценкам качества развития современных цифровых политических элит и выявлению той роли, которую они играют.

Ключевые слова

цифровая элита; цифровое общество; цифровая перестройка; глобализм; переоценка ценностей

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Термин «цифровая элита» появился в научной литературе совершенно недавно. Во всяком случае, элитология 2000-2010 гг. этого термина не знала и никогда его не употребляла [Ашин, 2010]. Он появился как обозначение новой исторической эпохи и изначально был связан с качественным ростом информационных систем, а позже с активностью научных и политических элиты.

Развитие цифрового общества требует от политических элит соответствовать этому новому уровню, быть всегда в курсе всех происходящих качественных изменений. От политических элит новая цифровая эпоха требует определенного уровня профессиональной подготовки, овладения специальными навыками компетентности и определенного типа мышления. Особенностью этого типа мышления является его открытость к нововведениям и их критическая оценка.

Как свидетельствуют исследователи истории развития элитологической мысли, история элит указывает на поэтапное усиление зависимости их от умственной (интеллектуальной) деятельности человечества. Причем эта зависимость наиболее ярко проявилась в условиях информационного общества, где главенствующая роль принадлежит т.н. «элите знаний», или меритократии [Карабущенко, 2022а, 2023, 2024, 2025]. По многим своим характеристикам меритократия частично совпадает с цифровой элитой. Но есть и ряд существенных отличий. На анализе этих отличий мы и построим настоящее наше исследование.

Цифровая перестройка элит

Для элит обычного (традиционного) вида цифровое преобразование будет означат серьезную внутреннюю перестановку, ломку привычных (традиционных) способов руководства политическими системами и оценки действительности. В целом это аксиологические изменения, требующие серьезной качественной системной перестройки. Что собой будет представлять эта цифровая перестройка современных политических элит? Речь при этом идет не только о национальной элите, но и об элитах вообще.

Прежде всего, должно поменяться отношение элит к информации. Элиты нового типа должны будут более четко верифицировать информационные потоки, особенно досконально проверять информацию стратегического характера. Современные элиты несколько пренебрежительно относятся к достоверности используемой ими информации, что порождает многочисленные стереотипы, комплексы и заблуждения. Именно из последнего и проистекает то, что в последнее время в научной литературе получило наименование карнавальной политической культуры [Карабущенко, 2022б].

Далее, необходимо будет в этой связи политическим лидерам и их элитам пересмотреть свое отношение к некоторых управленческим технологиям, традиционно доставшимся им в наследство от предыдущей эпохи. Речь прежде всего идет о скорости принятия решений. Цифровизация политической жизни ускоряет все процессы. Время и психологически, и политически «сжимается», становится более скоростным. Преодоление этого вызова потребует новых технологических политических решений. И мы видим уже на примере современного политического процесса возрастание роли экспертного сообщества в принятии элитами стратегических решений.

За изменениями политических технологий должны, по логике, последовать и корректировки основ политической культуры и политических элит. Здесь уместно будет применить такой ницшеанский термин, как «переоценка всех ценностей». Прежде всего, предстоит выяснить насколько существующие политические ценности соответствуют или не соответствуют цифровизации? Вопрос этот на сегодняшний день остается открытым. Здесь предвидятся самые большие дискуссии. Поэтому решение данного вопроса требует самой тщательной научной экспертизы. Здесь мы можем высказать ряд своих общих суждений, основным из которых будет то, что в условиях начавшейся цифровой перестройки, политическим элитам нужно будет сохранить свое «психологическое здоровье» и этическую твердость. Особо подчеркнем, что происходящая в наше время переоценка существующих базовых ценностей политических элит носит крайне конфликтный и противоречивый характер. Элитам приходится конфликтовать, поскольку они разучились договариваться.

Следующим моментом, на который мы должны обратить внимание, это перестройка самой системы подготовки кадров. Речь идет о преобразовании системы элитного образования. И здесь имеется ввиду не только усиление «компьютерной подготовки» будущих представителей власти (чиновников и политиков), но и естественное их включение в процесс цифровизации в качестве некого «передового касса». Но самое главное - такое новое элитное кадровое образование должно заложить фундамент, не позволяющий в дальнейшем карнавальной политической культуры вторгаться в политическое профессиональное пространство элит и ввергать их свой губительный хаос.

Таким образом, верификация информации, ускорение времени принятия решений, корректировка основ политической культуры, изменение кадровой политики становятся главными проблемами цифровой перестройки современных политических элит. Одним побочным явлением этого нового мира станет появление «элит разных скоростей развития». Неравномерность протекания процесса развития цифровизации неизбежно приведет к появлению более и менее продвинутых в этом плане элитных сообществ. Тогда одни окажутся впереди других. Появятся новые «лидеры» и «аутсайдеры». В мире развернется (и уже начинает разворачиваться) цифровизационная борьба.

И в этой связи возникает вопрос о том, что собой представляет собственно сама цифровая элита? В современной научной литературе на этот счет уже существуют некоторые мнений и представления. Попробуем с ними коротко ознакомиться.

Цифровая элита: pro et contra

В современную научную литературу уже вошли и нашли свое широкое применение такие термины, как: «цифровая культура», «цифровой человек», «цифровое общество (цивилизация)», «цифровая экономика», «цифровая элита»... Уже сам по себе анализ этих понятий выводят научные исследования на совершенно иной уровень понимания современности. И политическая наука призвана дать ответы на эти вопросы, исходя из собственных научных интересов.

Стремительное развитие цифровых технологий приводит к изменениям в осознании новой реальности. Так, по мнению одного из представителей глобализма К. Шваба, начавшаяся в 2000-х гг. четвёртая промышленная революция связана с цифровой трансформацией общества и техноуклада. «Её основные черты, – это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [Шваб, 2016, стр.11]. Занимающиеся этим вопросом специалисты отмечают, что «рождение новых технологических укладов и цифровых революций всегда радикально меняло социотехноантропосферу, но только эпоха цифровизации создаёт глобальный сетевой мир, в котором человек постепенно уступает практически все свои компетенции искусственному интеллекту. Информационные потоки реально осваиваются только в гибридных системах, для которых диалог машины и человека порождает посткритическую (для нас непрозрачную до конца) рациональность. Вместе с тем, процессы понимания и поиска расширенных возможностей человеческого сознания требуют ревизии представлений о деятельностной рациональности, которая «... имеет намного больше измерений, чем ранее предполагалось» [Буданов, 2024]. И как следствие всего этого - возрастает спрос именно на творческие способности личности, которые в этом новом мире приобретают особенно важную ценность [Ярославцева, 2020].

В экспертном сообществе весьма активно ведется дискуссия относительно того, может ли искусственный интеллект (ИИ) достичь уровня естественного сознания. Исследования нейронауки указывают на ряд неразрешенных на сегодняшний день проблем. В частности, особый дискурс вызывает вопрос степени сознательности ИИ и его открытости для инноваций. Например, когнитивная философия предлагает теории глобального рабочего пространства и теории интегрированной информации. [Канаев & Дряева, 2024]. Активно также рассматриваются эпистемологические, этические, антропологические аспекты понимания самообучающихся программ (нейросетей, или

ИИ). Но все они сходятся на многовариативности и неопределённости конкретных результатов. [Курилович, & Голубов, & Перова, & Занина, 2024]. Признается, что возникающая в связи с развитием ИИ новая иерархическая структура обладает большей сложностью, чем это может себе представить современная гуманитарная наука [Буданов, 2024]. Для философов принципиальным является вопрос о расширении границ познания: «Если ответ на вопрос об онтологическом статусе сознания определяет стратегию реализации сильного ИИ, то установление границ самопознания определяет саму возможность создания сильного ИИ» [Рожин, 2024]. В научных кругах даже заговорили о необходимости появления отдельной области знания – «машинной эпистемологии», которая бы могла эффективно использовать новые технологии для достижения прогресса в науке с использованием ИИ [Ефимов, & Агеева, & Крайнов, & Федоров, & Кардымон, 2024].

Уже доказано, что цифровые технология начинают постепенно формировать новые материальные и духовные ценности, одновременно с этим создавая и две противоположные версии их оценки: позитивную и негативную. Так, позитивная оценка цифрового будущего основана на идеях, что цифра принесет человечеству несомненные блага; тогда как негативная указывает на то, что эти технологии таят в себе угрозы безопасности. При этом, эксперты отмечают, что эти «технологии не обещают нам лучший мир для всех, более счастливый и более безопасный, они предлагают нам лишь решения проблем настоящего» [Дудник, 2020].

Эксперты отмечают, что бурное развитие цифровых технологий ставит перед учеными проблему передачи ценностей представителям поколения цифры. Эти проблемы прежде всего связаны с теми изменениями, которые происходят с самим субъектом. Предпринимаются попытки создать в природе человека-виртуала («virtual person»), понять уровень использования метафоры онлайн-платформы как модели трансляции культурных ценностей. И все это для того, чтобы дать анализ программирующего воздействия цифровых технологий [Лешкевич, 2025]. Для понимания сущности человека-виртуала были созданы такие теории, как теория расширения возможностей человеческого разума (А. Кларк), которая утверждает, что люди – естественные киборги (Д. Харауэй). Под «киборгом» понимается не просто соединение машинного и живого, а способность человека порождать ментальные проекции [Лешкевич, 2025]. И все эти технологии весьма успешно могут быть внедрены в политическую систему и использоваться элитами для усиления качества своей власти.

Экспертами в области цифровых технологий даже вводится такой термин, как «цифровая элита». Под ней, в частности, понимается некое сообщество ведущих профессионалов, составляющее особую группу цифрового общества и имеющее целый ряд существенных признаков. Цифровая элита определяется ими как высокотехнологичное сообщество профессионалов. В этой связи эксперты пытаются определить динамику изменений качественных показа-

телей такой элиты. «Как соотносится цифровая элита с иными видами элит? Во-первых, она не будет носить региональный характер. Её влияние будет распространяться, как минимум, на национальный уровень, но во многом станет носить транснациональный характер. Во-вторых, современная транснациональная элита, которая стоит во главе транснациональных бизнес-сообществ и стремится создать наднациональные структуры экономической и политической власти, постепенно переходит на новые цифровые формы и методы управления, т.е. становится цифровой элитой… одной из наиболее важных составляющих в цифровом обществе станет умение генерировать новые цифровые технологии, что создаст условия для расширения правящей элиты за счёт включения в её состав тех, у кого есть креативные способности создания новых технологий. Эти новые представители правящей элиты как эксперты и менеджеры получают более широкие возможности участия в государственном управлении» [Кочетков, 2022, стр.201].

Процесс цифровизации уже оказывает существенное влияние на социализацию и образовательный процесс молодежи. Экспертами отмечается, что уже с раннего детства закладывается специфическая культура цифровой среды. «Космос детства» уже насквозь пронизан экзистенциальными смыслами большой цифры. В мире человека гигантскими темпами растет символическая реальность [Грякалов, & Воскресенский, & Мартынова, & Ермилов, 2025]. И хотя цифровое состояние не является до конца изученным явлением современной науки, ее перспективы уже пытаются быть определены, особенно в плане развития такого направления, как идентичность личности, которую определяет цифровое состояние и потребление. Учёные реально опасаются, что аутентичное «Я» будет вытесняться акторностью индивидов в цифровом пространстве. В перспективе это может привести к значительной деформации основ психики человека [Анисимов, 2024]. И все потому, что в цифровую эпоху человек живёт и выживает в цифровом пространстве, в котором господствуют уже иные системы ценностей.

Отмечается, что цифровизация влияет на когнитивные способности человека, создавая многочисленные новые конструкции [Громыко & Просекин, 2024]. Активное использование интернета приводит к тому, что называется «слабой онтологией», или «онтологией ослабления Бытия». В этой новой реальности истина согласуется не только с реальными предметами, но и с цифровыми объектами (конструкциями) [Васюков & Шульга, 2024]. И все эти особенности необходимо учитывать, когда мы переносим эти данные в область политических отношений. Политическая наука как раз и призвана адоптировать эти данные под политическую реальность, сделать их доступными и понятными для понимания профессионалов.

На примере современных российских политических деятелей видны существующие различия в использовании цифровых технологий. Особенно это заметно на поколенческом уровне современного российского политического

класса. Так, было замечено, что поколение более молодых политиков чаще прибегают к этим новым системам коммуникации и активно участвуют в этих процессах, тогда как более старшее поколение политиков стараются вообще не афишировать свою удаленность от этих передовых технологий. Приведем пример, связанный с этим обстоятельством. Первые лица российского политического класса, такие как В.В. Путин и С.В. Лавров, относятся к старшему поколению политиков (70+), больше всего полагаются на своих помощников и консультантов, тогда как политики более молодого возраста, такие как Д.А. Медведев или М.В. Мишустин, (50+) сами весьма охотно используют такие технологии. Но есть и такие политики, должностные обязанности которых запрещают им пользоваться подобного рода технологиями. Этот момент политическая элитология тоже должна всегда учитывать в оценки развития цифровой элиты России и других стран.

Как ведут себя на практике эти цифровые элиты? Прежде чем получить ответ на этот принципиальный для нашего исследования вопрос, отметим, что политические элиты традиционного типа или частично перенимают качества элиты нового формации, или усиленно имитируют ее, подделываясь под ее пока еще до конца не сложившиеся стандарты. Именно незавершенность формирования цифровой элиты позволяет имитировать ее и тем самым (в случае неудачи) дискредитировать ее, нанося серьезные имиджевые потери.

Процессы формирования цифровой элиты

Данный процесс отмечается крайним разнообразием, релятивизмом и высокой критичностью. Политическая элита эпохи стремительного развития цифровых технологий (складывания цифровой экономики и цифрового общества) должна четко понимать, что собой представляет этот новый мир и не допускать в своей практике ошибочных решений (особенно стратегического характера).

Экспертами отмечается, что 2025 г. стал переломным моментом в истории искусственного интеллекта и математики. ИИ перешёл от анализа данных к генерации новых математических знаний, предлагая доказательства, которые ускользали от человеческого внимания. Это меняет сам процесс научного творчества. Так, по сути, началась новая эра в математике: ИИ как партнер в открытиях . Конкуренция мировых держав в настоящее время определяется достижениями их ученых в сфере математики.

Опыт стран лидеров по развитию искусственного интеллекта (Китай, США) показывает, что это не только развитие передовых IT-технологий, но также и развитие дополнительных энергетических ресурсов. Выясняется, что эти передовые технологии требуют существенной дополнительной энергетической обеспеченности. Иными словами, роль стран-поставщиков энергоресурсов будет тоже возрастать, а не сворачиваться.

Цифровые элиты должны научиться решать сложные задачи оригинальными способами. Для этого они должны разработать такой алгоритм поведения, который бы смог сохранить психологическое здоровье и моральную уверенность человека. Слепо доверять ИИ ни в коем случае нельзя. Ибо отдельные модели ИИ готовы даже навредить человеку, лишь бы он его не отключал.

В начале 2025 г. американские элиты были сильно обеспокоены тем, что Китай презентовал свою систему GPT-4 (а вслед за этим и GPT-5)[1], которая в разы оказалась дешевле собственного американского проекта. Китай заявил о своём глобальном лидерстве в разработке Искусственного интеллекта. Для Запада эти китайские разработки стали самым настоящих технологическим ударом, обрушившим их монополию на ИИ-технологии[2]. После релиза DeepSeek-R1 в январе 2025 г., который обошелся менее чем в 6 миллионов долларов, акции Nvidia рухнули на 17%, а Nasdaq просел на 3,4%. Китайцы показали, как можно сделать мощный ИИ без огромных финансовых вливаний. Страна, которую совсем недавно обвиняли в «устаревших технологиях», теперь учит мир экономии и эффективности! DeepSeek-V3.1 — это не просто апгрейд, а демонстрация того, как Китай переписывает правила игры [Китайский ИИ бунт..., 2025].

Китайские системы демонстрируют полное превосходство в логике, коде и агентных задачах. Китай становится не просто пользователем, а одним из ключевых драйверов в разработке открытых базовых моделей [Булыгин О., 2025]. В августе 2025 г. стартап DeepSeek представил свою модель DeepSeek-V3.1, которая стала не просто обновлением уже существующих программ, а самой настоящей революцией: гибридная структура, повышенная скорость и способности, о которых в Кремниевой долине только мечтают. Китайская новинка DeepSeek-V3.1 сочетает в себе два режима — «думательный» и «быстрый», что позволяет модели решать задачи от простых чатов до сложных вычислений [Китайский ИИ бунт..., 2025]. По утверждению экспертов, DeepSeek-V3.1 — это не просто модель, а символ новой эры, где Китай претендует на лидерство в ИИ.

Глобалисты уже неоднократно высказывали свои притязания на то, чтобы контролировать процесс цифровизации, якобы в интересах всего человечества [Schwab, 2020]. На самом деле они продвигают интересы стоящих за их

1 GPT-5 (Generative Pre-trained Transformer 5) – мощная универсальная модель, разработанная компанией OpenAI. Она представляет собой пятое поколение в серии GPT и является одной из самых передовых моделей обработки естественного языка (NLP) на сегодняшний день. GPT-5 обучена на огромном объеме текстовых данных, что позволяет ей генерировать текст, понимать контекст и выполнять широкий спектр задач, связанных с языком. Была официально анонсирована 7 августа 2025 г.

2 Эксперты отмечают, что модели Anthropic, DeepSeek и других компаний догоняют OpenAI по качеству, что снижает риск монополии и способствует снижению цен. Стоимость API GPT-4 снизилась в 10 раз за год, что делает передовые ИИ более доступными для бизнеса и разработчиков. - Хазеева Н. Китайские ИИ модели догнали лидирующие американские модели. 03.06.2025. – URL: https://vc.ru/ai/2020843-kitayskie-ii-modeli-sravnilis-s-amerikanskimi-liderami

спинами транснациональных корпораций, чьи олигархические капиталы вновь пытаются взять под свой контроль современные передовые технологии.

Российские элиты стремятся не отстать от этих передовых технологий. Правительство России приняло решение - к рубежу 2030 г. добиться перехода 80% российских организаций ключевых отраслей на использование отечественных программных продуктов. По заявлению М.В. Мишустина, правительство продолжит создавать для этого необходимые условия, в том числе в рамках нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». «В нем предусмотрено свыше 50 миллиардов рублей на стимулирование выпуска новых разработок и внедрение корпоративных решений» [Михаил Мишустин…, 2025].

Выступая в июне 2025 г. на конференции «Цифровая индустрия промышленной России» (ЦИПР), премьер России сделал серию важных заявлений, касающихся будущего ИТ-отрасли. В частности, М.В. Мишустин рассказал о тех проектах, которые должны получать господдержку в приоритетном порядке: 1) это инициативы, которые касаются технологий искусственного интеллекта; 2) на гранты могут рассчитывать объединения из нескольких организаций; 3) «финансироваться должны проекты, предусматривающие обязательства разработчика разместить программный продукт в открытом доступе»; 4) расширить доступ к помощи планируется для предприятий оборонно-промышленного комплекса, чтобы у них было больше возможностей для цифровизации производств за счет снижения к ним требований по объему софинансирования из собственных средств [Там же]. Судя по всему, у правительства России есть четкое понимание того, какой должна быть цифровая экономика России и что для этого следует делать.

Как показывает история с развитием GPT-5, переход от восторженных отзывов к откровенной панике здесь может происходить весьма стремительно. Вновь столкнулись оптимисты и пессимисты. Опасения скептиков основаны на том, что нейросети становятся слишком умными, и у ученых все меньше оказывается способов держать их под контролем. Так, 16 мая 2023 г., выступая в Сенате США, Сэм Альтман (CEO OpenAI и создатель ChatGPT), заявил: «Я здесь, чтобы попросить вас… регулировать нас. Мы не справимся сами»… [Современный Прометей…, 2025]. В середине 2025 г. в подкасте с Тео Воном Альтман признался: он уже тестировал GPT 5 и испытал не восторг, а тревогу: «Она слишком быстрая. Я нервничал. Это похоже на Манхэттенский проект» [Там же]. Нервозность американских экспертов может быть объяснена тем, что не они, а китайцы являются разработчиками этих систем, и у США возникают естественные опасения в обеспечении собственной безопасности.

Предварительные выводы

Развитие цифровых технологий ставит перед элитами массу неразрешимых пока вопросов. На сегодняшний день вопросов здесь больше, чем

ответом. По-прежнему остается открытым вопрос о том, насколько современные политические элиты будут адекватны развивающимся цифровым технологиям и насколько успешно они адаптируют сами эти технологии к уже имеющимся у них апробированным на прежней практике управленческим системам? Очевидно, что сам процесс цифровизации начался без четкого плана и разработанного научного сопровождения. Уточнения и добавления вносятся уже по ходу самого его развития.

Немаловажным вопросом в рассматриваемой нами проблеме является и то, кто должен контролировать развитие цифровой элиты? Будет ли осуществляться этот процесс в интересах национальных государств, или конкретных обществ, или транснациональных корпораций? Мнения на этот счет расходятся. Но очевидно, что вмешательство ТНК в этот процесс может привести к усилению олигархической эксплуатации мирового большинства в интересах глобального меньшинства.

Цифра воспринимается и оценивается как нечто передовое, особо ценное и важное. Развитие цифровых технологий стало символом прогресса в современном мире. И передовую роль здесь играют научные элиты, отвечающие за качественное (ценностное) развитие цифры, и политические элиты, отвечающие за эффективность внедрения этих новейших технологий в повседневность.

Список литературы

Schwab K., Malleret Th. COVID-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 212 p.

GPT-5 открывает новую математику: как ИИ становится соавтором научных открытий. 23.08.2025. URL: https://dzen.ru/a/aKnR_IN4awghm_2F

Анисимов В.А. Цифровой капитализм: к проблеме потребления меди-культуры в XXI в. // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 37–46.

Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО (У), 2010. 600 с.

Буданов В.Г. О типологии деятельностной рациональности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2024. № 12. С. 41–51.

Булыгин О. GLM-4.5: Полный разбор «китайского дракона», бросившего вызов GPT-4. 28.07.2025. URL: https://olegtalks.ru/tpost/dyxlefnu11-glm-45-polnii-razbor-kitaiskogo-drakona

Васюков В.Л., Шульга Е.Н. Цифровая онтология и цифровая герменевтика // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 116–125.

Громыко Ю.В., Просекин М.Ю. Деятельностная когнитивистика в условиях цифровизации // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 42–52.

Грякалов А.А., Воскресенский А.А., Мартынова С.А., Ермилов К.А. Философия образования и цифровой мир: стратегии обращений // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 63–74.

Дудник С.И. Отчуждение в цифровом обществе // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 17–20.

Ефимов А.Р., Агеева А.В., Крайнов А.Г., Федоров А.К., Кардымон О.Л., Стариков П.П. Искусственный интеллект в науке: на пороге новой области знания? // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 30–41. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-30-41.

Канаев И.А., Дряева Э.Д. Искусственный интеллект: перспективы возникновения сознания // Вопросы философии. 2024. № 11. С. 38–50. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-11-38-50.

Карабущенко П.Л. Очерки истории элитологии. Т. 1: Древний мир: монография. М.: КДУ, Добросвет, 2022. 725 с. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1258-7-2022-725

Карабущенко П.Л. Очерки истории элитологии. Т. 2: Средние века – Возрождение – Новое время – Просвещение. М.: КДУ, Добросвет, 2023. 624 с. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1361-4-2023-624.

Карабущенко П.Л. Очерки истории элитологии: в 4 т. Т. 3: Русская элитологическая мысль от царя Гороха и до наших дней. М.: КДУ, 2024. 602 с. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-00247-087-7-2024-602.

Карабущенко П.Л. Очерки истории элитологии: в 4 т. Т. 4: Новейшее время (XIX–XXI вв.). М.: КДУ, 2025. 555 с.

Китайский ИИ-бунт: DeepSeek-V3.1 меняет правила игры. 22.08.2025. URL: https://dzen.ru/a/aKcaxRooPX40Nttz

Кочетков А.П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 198–212. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.L17.

Курилович И.С., Голубов М.Д., Перова Н.В., Занина А.П. Искусственный интеллект как метафора, объект и субъект философского анализа // Вопросы философии. 2024. № 9. С. 177–189. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-177-189.

Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2025. № 3. С. 53–63.

Михаил Мишустин поставил новые задачи по развитию ИТ-отрасли. 03.06.2025. URL: https://rg.ru/2025/06/03/cifra-meniaet-format.html

Рожин Д.О. Критика проекта «сильного» искусственного интеллекта с позиций теоретической философии И. Канта // Вопросы философии. 2024. № 4. С. 18–29. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-18-29.

Современный Прометей, просящий сжечь свой огонь: Сэм Альтман испугался GPT-5. 04.08.2025. URL: https://vc.ru/chatgpt/2137939-sem-altman-o-gpt-5-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta

Шваб К. Четвёртая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.

Ярославцева Е.И. Потенциал цифровых технологий и проблемы творчества человека // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 58–66.

References

Anisimov, V. A. Digital Capitalism: On the Problem of Consuming Media Culture in the 21st Century. Voprosy Filosofii, 2024, No. 1, pp. 37–46. (in Russian).

Ashin, G. K. Elitology: History, Theory, Modernity. Monograph. Moscow: MGIMO University, 2010. 600 pp. (in Russian).

Budanov, V. G. On the Typology of Activity-Based Rationality in the Digital Era. Voprosy Filosofii, 2024, No. 12, pp. 41–51. (in Russian).

Bulygin, O. GLM-4.5: A Detailed Review of the "Chinese Dragon" Challenging GPT-4. 28.07.2025. URL: https://olegtalks.ru/tpost/dyxlefnu11-glm-45-polnii-razbor-kitaiskogo-drakona (in Russian).

Chinese AI Uprising: DeepSeek-V3.1 Changes the Rules of the Game. 22.08.2025. URL: https://dzen.ru/a/aKcaxRooPX40Nttz (in Russian).

Dudnik, S. I. Alienation in the Digital Society. Voprosy Filosofii, 2020, No. 3, pp. 17–20. (in Russian).

Efimov, A. R., Ageeva, A. V., Kraynov, A. G., Fedorov, A. K., Kardymon, O. L., & Starikov, P. P. Artificial Intelligence in Science: On the Threshold of a New Field of Knowledge? Voprosy Filosofii, 2024, No. 4, pp. 30–41. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-30-41 (in Russian).

GPT-5 Opens a New Mathematics: How AI Becomes a Co-Author of Scientific Discoveries. 23 August 2025. URL: https://dzen.ru/a/aKnR_IN4awghm_2F (in Russian).

Gromyko, Yu. V., & Prosekin, M. Yu. Activity-Based Cognitive Science in the Context of Digitalization. Voprosy Filosofii, 2024, No. 4, pp. 42–52. (in Russian).

Gryakalov, A. A., Voskresensky, A. A., Martynova, S. A., & Ermilov, K. A. Philosophy of Education and the Digital World: Strategies of Engagement. Voprosy Filosofii, 2025, No. 1, pp. 63–74. (in Russian).

Kanaev, I. A., & Dryaeva, E. D. Artificial Intelligence: Prospects for the Emergence of Consciousness. Voprosy Filosofii, 2024, No. 11, pp. 38–50. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-11-38-50 (in Russian).

Karabuschenko, P. L. Essays on the History of Elitology. In 4 vols. Vol. 3: Russian Elitological Thought from Time Immemorial to the Present Day. Moscow: KDU, 2024. 602 pp. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-00247-087-7-2024-602. (in Russian).

Karabuschenko, P. L. Essays on the History of Elitology. In 4 vols. Vol. 4: Contemporary Era (19th–21st Centuries). Moscow: KDU, 2025. 555 pp. (in Russian).

Karabuschenko, P. L. Essays on the History of Elitology. Vol. 1: The Ancient World. Monograph. Moscow: KDU, Dobrosvet, 2022. 725 pp. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1258-7-2022-725. ISBN 978-5-7913-1258-7. (in Russian).

Karabuschenko, P. L. Essays on the History of Elitology. Vol. 2: The Middle Ages – Renaissance – Early Modern Period – Enlightenment. Moscow: KDU, Dobrosvet, 2023. 624 pp. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1361-4-2023-624. (in Russian).

Kochetkov, A. P. The Formation of the Digital Elite as a New Stratum of the Global Information Society. Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations, 2022, Vol. 27, No. 1, pp. 198–212. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.L17 (in Russian).

Kurilovich, I. S., Golubov, M. D., Perova, N. V., & Zanina, A. P. Artificial Intelligence as Metaphor, Object, and Subject of Philosophical Analysis. Voprosy Filosofii, 2024, No. 9, pp. 177–189. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-9-177-189 (in Russian).

Leshkevich, T. G. The Virtual Human and the Transmission of Cultural Values to the Generation of the Digital Age. Voprosy Filosofii, 2025, No. 3, pp. 53–63. (in Russian).

Mikhail Mishustin Set New Tasks for the Development of the IT Industry. 03.06.2025. URL: https://rg.ru/2025/06/03/cifra-meniaet-format.html (in Russian).

Rozhin, D. O. A Critique of the “Strong” Artificial Intelligence Project from the Standpoint of I. Kant’s Theoretical Philosophy. Voprosy Filosofii, 2024, No. 4, pp. 18–29. DOI: 10.21146/0042-8744-2024-4-18-29 (in Russian).

Schwab K., Malleret Th. COVID-19: The Great Reset. Geneva: Forum Publishing, 2020. 212 p.

Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo, 2016. (in Russian).

The Modern Prometheus Asking to Burn His Own Fire: Sam Altman Feared GPT-5. 04.08.2025. URL: https://vc.ru/chatgpt/2137939-sem-altman-o-gpt-5-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta (in Russian).

Vasyukov, V. L., & Shulga, E. N. Digital Ontology and Digital Hermeneutics. Voprosy Filosofii, 2024, No. 4, pp. 116–125. (in Russian).

Yaroslavtseva, E. I. The Potential of Digital Technologies and the Problems of Human Creativity. Voprosy Filosofii, 2020, No. 11, pp. 58–66. (in Russian).

The Functioning of Russian Business Elite in the Digital Age: Integration and State Partnership

Sabina A. Velikaya (a), Ulia V. Ariamnova (b)

(a) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia. Email: velikaya.s.a[at]gmail.com
ORCID: 0000-0001-8532-4618

(b) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia. Email: uliaaramnova7[at]gmail.com
ORCID: 0009-0008-0581-5547

Abstract

This article analyzes the evolution and current state of the Russian business elite with a special emphasis on the digital component as a key element of the country's political and economic system. The research covers the period after the collapse of the USSR, during which a radical transformation of elite groups occurred under the influence of a change in the state system, economic reforms and global geopolitical changes.

Special attention is paid to the business elite, which unlike the Soviet economic nomenklatura enjoys significant autonomy and actively participates in political processes. The article emphasizes that the modern business elite is composed of owners of large corporations, top managers, regional entrepreneurs, and former officials.

An important aspect of the study is the analysis of the business elite's sectoral preferences, particularly its concentration in the military-industrial complex (MIC) and the fuel and energy sector (FES). The authors demonstrate how these sectors shape not only Russia's economic but also its foreign policy strategy, including its international standing and response to sanctions.

Specific examples illustrate the mechanisms by which business figures transition into politics, including party formation, electoral participation, and holding public office. These examples highlight both the successes and limitations of such integration in the digital age.

In the concluding section, the article discusses the prospects for the development of the business elite amid contemporary challenges. The authors note the need for a balance between private business interests and national priorities, as well as the importance of establishing transparent mechanisms for business-government interaction.

Keywords

Political Elites; Business Elite; Power Structure; MIC; FES; Lobbying; Economic Policy; Public Administration; Geopolitics; Digital Economy

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Функционирование российской бизнес-элиты в цифровую эпоху: интеграция и государственное партнерство

Великая Сабина Азеровна (a), Арямнова Юлия Владимировна (b)

(a) Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева. Астрахань, Россия. Email: velikaya.s.a[at]gmail.com ORCID: 0000-0001-8532-4618

(b) Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева. Астрахань, Россия. Email: uliaaramnova7[at]gmail.com ORCID: 0009-0008-0581-5547

Аннотация

В данной статье проводится анализ эволюции и современного состояния российской бизнес-элиты с особым акцентом на цифровую составляющую как ключевой элемент политико-экономической системы страны. Исследование охватывает период после распада СССР, в течение которого произошла радикальная трансформация элитных групп под влиянием смены государственного строя, экономических реформ и глобальных геополитических изменений.

Особое внимание уделяется бизнес-элите, которая, в отличие от советской экономической номенклатуры, обладает значительной автономией и активно участвует в политических процессах. В статье подчеркивается, что современная бизнес-элита формируется из владельцев крупных корпораций, топ-менеджеров, региональных предпринимателей и бывших чиновников.

Важным аспектом исследования является анализ отраслевых предпочтений бизнес-элиты, в частности ее концентрация в военно-промышленном комплексе (ВПК) и топливно-энергетическом секторе (ТЭК). Авторы показывают, как эти отрасли определяют не только экономическую, но и внешнеполитическую стратегию России, включая ее позиции на международной арене и реакцию на санкционное давление.

На конкретных примерах демонстрируются механизмы перехода представителей бизнеса в политику, включая создание партий, участие в выборах и занятие государственных должностей. Эти примеры иллюстрируют как успехи, так и ограничения подобной интеграции в цифровую эпоху.

В заключительной части статьи обсуждаются перспективы развития бизнес-элиты в условиях современных вызовов. Авторы отмечают необходимость баланса между частными интересами бизнеса и общегосударственными задачами, а также важность создания прозрачных механизмов взаимодействия между бизнесом и властью.

Ключевые слова

политические элиты; бизнес-элита; структура власти; ВПК; ТЭК; лоббирование; экономически политика; государственное управление; геополитика; цифровая экономика

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Introduction

Over the past thirty years since the dissolution of the USSR, Russia's political and socio-economic elite has undergone significant transformations. These changes were driven by the radical restructuring of the state system, shifts in economic paradigms, the ideological vacuum left by the collapse of the previous value system, and a fundamental reassessment of foreign policy positioning.

Throughout the post-Soviet period, the ruling circles have exhibited marked heterogeneity in views regarding the country's strategic course—both in domestic policy and international relations. This diversity reflects not only the differentiation of interests among key actors but also serves as an indicator of profound changes affecting all spheres of public life.

The relevance of this research topic lies in the fact that the evolution of elite groups acts as a marker, capturing the dynamics of socio-political processes and allowing for the tracing of Russia's changing role in the global geopolitical arena across different historical stages, including the present.

The structure of modern Russian political elites is a complex and multifaceted system comprising various levels and influence groups: the highest, middle, and lower.

1) The highest level includes the president and his inner circle, as well as key ministers and heads of state bodies. They make strategic decisions and define the main directions of the country's development.

2) The middle level consists of State Duma deputies, members of the Federation Council, governors, and other regional leaders. They play a crucial role in implementing policies at the local level and engaging with the population.

3) The lower level encompasses municipal deputies, local administration officials, and other representatives of authority at the city and district levels. They interact directly with citizens and address their everyday issues.

It is important to note that the structure of political elites is constantly evolving under the influence of various factors, such as elections, reforms, economic crises, and international events. For example, today, one of the influential groups involved in political decision-making is the business elite.

Political and economic processes influence each other, and the interaction between their elites has become an important element of the state system today. The development of Russian political processes depends on the effectiveness of their functioning [Перфильев, 2018, с. 22].

The Concept of «Business Elite» in Political Science

The interaction between business elites and the state is a field of study not only in political science, but also in economics, sociology, and law [Дёгтев, 2016, с. 256].

Addressing the issue of business elites, we note that this structural element of Russia's political sphere has gained immense significance and influence between 1990 and 2020. This term refers to «a group of major business figures involved in the political process and granted access to national decision-making» [Крыштановская, 2002, с. 3].

Unlike the economic elite of the Soviet era, the modern Russian business elite is characterized by a degree of autonomy. This is due to the fact that state structures do not appoint or dismiss its members. As a result, the upper echelon of large entrepreneurs, possessing significant financial resources, forms the contemporary business elite and exerts influence on state policy.

The entry of business representatives into the political elite has become a significant trend, strengthening their position in politics. This has led to the merging of elites and the emergence of 'universals' — individuals who have succeeded in both politics and economics [Гаман-Голутвина, 2016, с. 54].

The business elite is more likely to be part of the parliamentary elite than the federal administrative elite: a large number of State Duma deputies have experience working in key positions in various economic structures [Тев, 2018, с. 74].

In addition, the opposite situation may also be observed in the interaction between the political and administrative elite and business: officials and deputies may move into commercial structures after completing their political careers [Тев, 2018, с. 76].

As noted by Yu. K. Draganova, the role of the business elite in the Russian political landscape is multifaceted and manifests itself in the personal and open nomination of entrepreneurs as candidates in elections; the initiation of the creation of political parties and social movements, followed by their financing; the use of political connections to influence the decision-making process; forming a network of 'their people' in power structures; organising political actions, etc [Драганова, 2011, с. 104-106]. In addition to participating in political processes, business representatives have a significant impact on the formation of state-level decisions within the framework of proportional or unbalanced representation models.

N. Lapina and A. Chirikova presented a typology of models of interaction between the business elite and the authorities:

- patronage model: the authorities use command methods of economic management and support the business elite in exchange for their loyalty to the authorities;

- partnership model: the authorities engage in dialogue with the business elite and carry out economic reforms aimed at supporting and developing entrepreneurial activity;

- suppression model: an influential business elite operating in a region with limited economic resources suppresses a weak political elite without an authoritative leader;

- the «privatisation of power» model: the business elite establishes control over power structures and independently forms the political elite [Лапина, Чирикова, 1999, с. 85-94].

Among the fundamental components of the business elite, the following can be distinguished:

1. Owners of major corporations, holdings, and industrial groups in key economic sectors;
2. Top managers of large companies;
3. Influential regional entrepreneurs;
4. Representatives of family businesses and dynasties;
5. Former high-ranking officials who transitioned into business.

A.Y. Zudin's analytical approach combines the institutional characteristics of Russian elites with the specifics of post-Soviet political regimes. Thus, the scholar argues that in the early 2000s, there was a transition from a polycentric regime to a monocentric one [Зудин, 2008, с. 35-52].

Representatives of big business and government officials unite to form a single «ruling class» that acts on behalf of society as a whole. Civil society organisations are thus excluded from political governance [Перегудов, 2008, с. 91-108].

It is important to emphasize that the perception of the business elite is determined by criteria such as business scale, capital size, economic impact, and connections with the political leadership.

The growing international activity of business elites indicates the gradual erosion of barriers between entrepreneurial circles in major global powers. Disparate national business communities are being replaced by a unified transnational elite. Russian entrepreneurs are actively engaging in this process, strengthening ties with international business circles and investing in transnational projects. However, unlike their Western counterparts, the Russian business elite maintains close ties with the state, which influences its strategies and positions in the global economic arena [Ахмадулин, 2018, с. 156-158].

The transformation of the Russian economy under the influence of digital technologies has created a unique environment for the formation and functioning of a modern business elite. Unlike the Western model, where private tech giants dominate, a hybrid model has emerged in Russia, where the strategies of the traditional resource-industrial elite are closely intertwined with the state's digital ambitions.

Investment Preferences of the Russian Business Elite

A key feature of the Russian business elite remains its close connection with the sectoral structure of the economy. The concentration of large capital in specific industries historically shapes not only the economic agenda but also the vector of state policy—both domestically and internationally.

One of the most important sectors attracting the business elite is the military-industrial complex (MIC). The MIC plays a significant role in Russia's political

sphere. It encompasses research, testing organizations, and production enterprises involved in the development and manufacturing of military and specialized equipment, ammunition, and more. Additionally, it ensures national defense, strengthens the country's international standing, and influences the formation of political strategy.

The MIC's activities span three areas:

1) Ensuring national security. The MIC develops and produces military technology and weaponry necessary to protect the country from external threats.

2) Influencing foreign policy. The MIC helps bolster Russia's positions on the international stage and facilitates its participation in global projects and programs.

3) Shaping the budget. Expenditures on the MIC constitute a significant portion of the state budget, affecting financial resource allocation and defining state policy priorities [Тарусин, 2010, с. 1-16].

Equally important is the role of the fuel and energy sector (FES) in the Russian Federation. As is well known, oil and gas play a crucial role in Russia's economic policy. Key aspects of this sector include ensuring economic stability, influencing foreign policy, participating in international relations, exerting geopolitical influence, guaranteeing energy security, and addressing environmental concerns [Бодрова, Калинов, 2014, с. 14-15].

Oil and gas are the primary sources of Russia's budget revenue. They fund state programs, social projects, and the military sphere. The export of these energy resources serves as a key instrument for Russia's foreign policy. Additionally, exports enable the state to play a significant role in global energy markets and influence the formation of global energy policy, while control over reserves allows for strong geopolitical leverage over other countries.

Domestically, the oil and gas industry determines the development of regions where fields are located and affects financial resource distribution. This helps prevent potential energy crises and maintain economic stability [Сергеева, 2013, с. 253].

It is important to emphasize that Russia's political elite vigorously supports and defends the rights of major oil and gas companies internationally. Russian politicians and diplomats promote corporate interests during international negotiations and meetings. They lobby for favorable trade agreements, tariff reductions, and subsidies.

Moreover, the Russian government can leverage its resources, such as diplomatic missions and state media, to support corporate interests abroad. Russia is also a member of several international organizations, including the UN, G20, and OPEC, whose resources can be utilized to advance domestic corporate interests.

In Russia, the sectoral affiliation of the business elite holds particular significance: the dominance of representatives from the oil and gas sector and the defense industry in Forbes rankings has long been a systemic feature. Such capital concentration not only reflects the economic structure but also directly influences

the formation of budgetary, defense, and foreign policy strategies, especially under sanctions pressure.

Russia's digital business elite operates under conditions of heavy reliance on state contracts, import substitution, and the necessity to integrate into national technological imperatives, such as the implementation of the «Digital Economy of the Russian Federation» program.

The historically established Russian business elite, concentrated around the raw materials and financial sectors, was forced to adapt to new realities. Major companies like Gazprom, Rosneft, Sberbank, and Russian Railways (RZhD) became drivers of digitalization within their industries, transforming into IT corporations for their own needs.

For example, Sberbank made a strategic pivot from traditional banking to an ecosystem of technology services. By 2023, Sber's ecosystem united more than 100 services—from streaming video and cloud computing to grocery delivery. The number of daily users of the ecosystem exceeded 10 million people[Годовой отчет ПАО Сбербанк за 2022 год, 2023, с. 45-48]. This is an example of how a traditional financial institution, leveraging its resources and customer base, managed to transform into one of the key players in the digital market.

Parallel to the adaptation of the «old» elite, a new class of digital entrepreneurs also formed. A stark example is the change in the ownership structure of key IT assets. Thus, in 2022–2023, a fundamental transformation of VK and Yandex—the flagships of the Russian IT industry—took place. VK was consolidated under the control of state structures, while a restructuring process was launched at Yandex, involving the spin-off of key Russian assets into a separate company with subsequent increased influence from domestic investors loyal to the state line. This process demonstrates that in conditions of geopolitical tension, it is necessary to ensure national digital sovereignty.

The sanctions pressure of 2022 and the subsequent exodus of major international technology companies from the market created both unprecedented challenges and historic opportunities for the Russian business elite. The ban on the use of foreign software and equipment activated the policy of import substitution, turning it from a declaration into an urgent business model.

The volume of the import substitution software market in Russia at the end of 2022 is estimated at 500 billion rubles, and by 2025, according to forecasts, it may exceed 1.5 trillion rubles. This led to explosive growth in demand for domestic solutions in the field of operating systems (Астра Linux, РЕД ОС), office software (Р7-Офис, МойОфис), database management systems (Postgres Pro), and corporate software. Leading companies, such as 1С (with a market share in the Russian ERP systems market exceeding 50%) [Рейтинг крупнейших поставщиков…,2023], received a powerful impetus for development.

Western sanctions have affected the relationship between the government and business, which has transformed over each decade. Changes in political and

economic processes show that the West's sanctions policy creates problems for the business elite, but at the same time opens up new opportunities for entrepreneurial activity [Кошкин, Атоян, 2015, с. 200].

From Business to Politics

An analysis of socio-professional recruitment and the composition of the political and administrative elite, and in particular the role of business as a source of new recruits, provides a better understanding of the characteristics of the social system within which elite personnel are recruited (including the relationships between the state and the economy, and between the authorities and business that are characteristic of this system).

After achieving success in major economic sectors, business elites often turn their attention to politics. A prime example is the activities of M.D. Prokhorov (Russian entrepreneur, billionaire, and politician). He is the founder and former owner of the investment group «Onexim». This group was established as an investment company managing assets across various sectors, including banking, metallurgy, energy, and mining.

One of Onexim's key assets was «Norilsk Nickel», the world's largest producer of nickel and palladium. Mikhail Prokhorov and his partner Vladimir Potanin controlled the company through the holding «Interros». However, in 2007, the partners divided their assets, and Prokhorov focused on other projects. In 2011, he launched his political career by running in the presidential election. Although he placed third with about 8% of the vote, his participation demonstrated his political ambitions.

In 2012, the entrepreneur founded his political party, «Civic Platform». The party positioned itself as liberal and advocated for reforms in the economy and political system. In 2015, «Civic Platform» was dissolved due to poor electoral performance.

Despite setbacks in party politics, Prokhorov remains active in public life. He founded the «Intellectual Reserve» fund, which supports gifted children and youth. Additionally, he participates in discussions about Russia's future and proposes reforms for the political and economic system.

Thus, Prokhorov's activities serve as an example of a business elite member transitioning into the political elite. Although he has not achieved major success in party politics, he continues to leverage his influence and resources to promote his political views and engage in public life.

Another business elite figure who ventured into politics is S.N. Galitsky, a Russian entrepreneur and founder of the retail chain «Magnit». Under his leadership, the company expanded aggressively, adopting modern logistics and management technologies, which allowed it to dominate the market. In 2018, Galitsky sold his 29.1% stake in the company to VTB Bank for 138 billion rubles.

Currently, Sergey Galitsky focuses on developing the football club «Krasnodar», which he founded in 2008. He also continues to invest in various economic sectors. Despite reduced public activity after leaving «Magnit», he remains one of the most respected figures in Russia's business elite.

Another example is A.G. Khloponin, a Russian statesman and entrepreneur. In the 1990s, he held leadership roles in banking before becoming president of «Norilsk Nickel». His political career began in 2001 when he was elected governor of the Taimyr Autonomous Okrug. In 2002, he became governor of the Krasnoyarsk Krai after the merger of Taimyr, Evenk Autonomous Okrug, and Krasnoyarsk Krai. In 2010, Alexander Khloponin was appointed Deputy Prime Minister of Russia and Presidential Envoy to the North Caucasus Federal District. Since 2020, he has served as Deputy Secretary-General of the UN, overseeing economic development and cooperation.

The business elite in Russia often seeks political influence, demonstrating the integration of economic and power elites. However, the success of such a transition depends on many factors, including personal ambitions, connections, and the current political situation.

Conclusion

The analysis of the structure of the modern Russian elite and its post-Soviet transformation reveals that the business elite has become a key actor in the political process, significantly influencing state policy. The integration of business elites into politics is driven by their financial resources, access to strategic economic sectors, and ability to lobby interests through formal and informal channels. As the study shows, the business elite not only participates in state-level decision-making but also engages in electoral processes, party formation, and public movements, underscoring its multifaceted role in Russia's political system.

The close ties between business and politics in Russia enable large companies to wield considerable influence over international cooperation and utilize state resources to advance their interests abroad.

From a geopolitical perspective, international sanctions and restrictions significantly impact the development of Russia's business elite. In this context, Russian authorities must focus on developing domestic resources and potential. Simultaneously, elites must account for public expectations and needs, requiring flexibility, readiness for dialogue, and cooperation.

The prospects for business elite participation in Russia's political processes remain substantial, despite existing limitations and competition from other elite groups. Amid global economic challenges and the growing role of the state in key sectors like the MIC and FES, business elites will seek to strengthen their positions through strategic alliances with political power. Their role in implementing large-scale infrastructure and technological projects, which determine the country's economic and geopolitical competitiveness, is particularly significant. In the long

term, their influence on the international stage is likely to grow, especially through participation in global economic initiatives and international organizations where their interests may align with state priorities.

However, further integration of business elites into politics will face challenges, including balancing private interests with national objectives and mitigating risks of corruption and cronyism.

Thus, the functioning of Russia's business elite in the digital economy is characterized by deep integration with state policy. Its core consists of both adapted traditional players and new digital companies forced to operate within the logic of import substitution and ensuring technological sovereignty. The key resources of influence are not so much data and algorithms themselves, but rather access to state contracts, loyalty, and the ability to solve strategic national tasks. This forms a unique model of managed or «sovereign» digitalization, where the business elite acts as a partner of the state in building an isolated digital circuit.

In this context, the state's ability to establish transparent mechanisms for business interaction while upholding the rule of law and democratic procedures will be crucial. Thus, the evolution of the business elite's role in Russia's political processes will be shaped by both domestic socio-economic conditions and global political-economic trends, necessitating further in-depth scholarly analysis.

Список литературы

Ахмадулин И.Р. Российская бизнес-элита: базовые векторы развития и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-biznes-elita-bazovye-vektory-razvitiya-i-perspektivy/viewer

Бодрова Е.В., Калинов В.В., Филатова М.Н., Гусарова М.Н., Сергеев С.В. Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации: монография. М.: МАОРИ, 2014. 812 с.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-elity-kak-obekt-issledovaniy-v-otechestvennoy-politicheskoy-nauke

Годовой отчет ПАО «Сбербанк» за 2022 год. М., 2023. С. 45–48. URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/godovoy_otchet_2022_rus

Дёгтев А.С. Отечественная политология об отношениях власти и бизнеса в России // Политическая наука. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-politologiya-ob-otnosheniyah-vlasti-i-biznesa-v-rossii

Драганова Ю.К. Основные модели взаимодействия политической и бизнес-элит // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1. С. 104–106.

Зудин А.Ю. «Советское наследство» и особенности первичной дифференциации // Россия: вчера, сегодня, завтра. С точки зрения экспертов. М.: ЦПТ, 2008. С. 32–52.

Кошкин А.П., Атоян Т.Г. Взаимодействие российской власти и бизнеса в условиях санкций // Власть. 2015. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-rossiyskoy-vlasti-i-biznesa-v-usloviyah-sanktsiy

Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархии: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4. С. 3–60.

Лапина Н., Чирикова А. Региональные элиты в Российской Федерации: модели поведения и политические ориентации. М.: ИНИОН, 1999. 192 с.

Михаил Прохоров: Я – за бурное развитие страны. 21.06.2023. URL: https://pozneronline.ru/2023/06/36403

Перегудов С.П. Конвергенция по-российски: «золотая середина» или остановка на полпути? // Полис: Политические исследования. 2008. № 1. С. 91–108.

Перфильев Ю.С. Региональные модели взаимодействия между деловыми и политическими элитами (на примере Иркутской области) // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-modeli-vzaimodeystviya-mezhdu-delovymi-i-politicheskimi-elitami-na-primere-irkutskoy-oblasti

Рейтинг крупнейших поставщиков ERP-систем на российском рынке по итогам 2022 года. 2023. URL: https://www.cnews.ru/articles/rejting_krupnejshih_postavshhikov_erp_sistem_na_rossijskom_rynke_po_itogam_2022_goda

Сергеева З.Х. Нефть и газ в российском политическом дискурсе (по результатам контент-анализа посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ за 2002–2012 гг.) // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 4. С. 250–256.

Тарусин П.В. Военно-политическая элита как субъект оборонной политики // Электронный вестник. Государственное управление. 2010. № 24. С. 1–16.

Тев Д.Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-kak-istochnik-rekrutirovaniya-federalnoy-administrativnoy-i-politicheskoy-elity-rossii

References

Akhmadulin, I. R. Russian Business Elite: Basic Development Vectors and Prospects. Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii, 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-biznes-elita-bazovye-vektory-razvitiya-i-perspektivy/viewer (in Russian).

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Filatova, M. N., Gusarova, M. N., & Sergeev, S. V. State Policy in the Oil and Gas Sector in the Context of Russian Modernization. Monograph. Moscow: MAORI, 2014. 812 pp. (in Russian).

Gaman-Golutvina, O. V. Political Elites as an Object of Research in Russian Political Science. Political Science (Politicheskaya Nauka), 2016, No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-elity-kak-obekt-issledovaniy-v-otechestvennoy-politicheskoy-nauke (in Russian).

Annual Report of Sberbank PJSC for 2022. Moscow, 2023, pp. 45–48. URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/godovoy_otchet_2022_rus (in Russian).

Dyogtev, A. S. Russian Political Science on the Relationship Between Power and Business in Russia. Political Science (Politicheskaya Nauka), 2016, No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-politologiya-ob-otnosheniyah-vlasti-i-biznesa-v-rossii (in Russian).

Draganova, Yu. K. Basic Models of Interaction Between Political and Business Elites. Theory and Practice of Social Development, 2011, No. 1, pp. 104–106. (in Russian).

Zudin, A. Yu. The "Soviet Legacy" and the Features of Primary Differentiation. In: Russia: Yesterday, Today, Tomorrow. From the Perspective of Experts. Moscow: TsPT, 2008, pp. 32–52. (in Russian).

Koshkin, A. P., & Atoyan, T. G. Interaction Between Russian Government and Business under Sanctions. Vlast, 2015, No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-rossiyskoy-vlasti-i-biznesa-v-usloviyah-sanktsiy (in Russian).

Kryshtanovskaya, O. V. Business Elite and Oligarchs: Results of a Decade. Mir Rossii, 2002, No. 4, pp. 3–60. (in Russian).

Lapina, N., & Chirikova, A. Regional Elites in the Russian Federation: Behavioral Models and Political Orientations. Moscow: INION, 1999. 192 pp. (in Russian).

Mikhail Prokhorov: "I Support the Rapid Development of the Country". 21.06.2023. URL: https://pozneronline.ru/2023/06/36403 (in Russian).

Peregudov, S. P. Convergence Russian-Style: "The Golden Mean" or a Halt Halfway? Polis: Political Studies, 2008, No. 1, pp. 91–108. (in Russian).

Perfilyev, Yu. S. Regional Models of Interaction Between Business and Political Elites (The Case of the Irkutsk Region). Society: Politics, Economics, Law, 2018, No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-modeli-vzaimodeystviya-mezhdu-delovymi-i-politicheskimi-elitami-na-primere-irkutskoy-oblasti (in Russian).

Ranking of the Largest ERP System Suppliers in the Russian Market in 2022. 2023. URL: https://www.cnews.ru/articles/rejting_krupnejshih_postavshhikov_erp_sistem_na_rossijskom_rynke_po_itogam_2022_goda (in Russian).

Sergeeva, Z. Kh. Oil and Gas in Russian Political Discourse (Content Analysis of Presidential Addresses to the Federal Assembly, 2002–2012). Bulletin of Kazan Technological University, 2013, No. 4, pp. 250–256. (in Russian).

Tarusin, P. V. The Military-Political Elite as a Subject of Defense Policy. Electronic Bulletin: Public Administration, 2010, No. 24, pp. 1–16. (in Russian).

Tev, D. B. Business as a Source of Recruitment for the Federal Administrative and Political Elite of Russia. Vlast i Elity, 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-kak-istochnik-rekrutirovaniya-federalnoy-administrativnoy-i-politicheskoy-elity-rossii (in Russian).

The Identity of Digital Elites in the Context of New Challenges of the Information Technology Age

Vyacheslav S. Dryagalov

Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia. Email: helios82[at]yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5441-6966

Abstract

The real technological breakthrough that took place in the 20th century and, according to the principle of a chain reaction, continues to this day, has generated a number of new challenges for society and, logically, has brought some turmoil to the familiar identification value systems formed by societies in the process of social genesis and evolution. At the same time, a breakthrough occurred not only in technological innovations, but also in information systems, which affected the basic institutions of society and made some adjustments to the usual picture of the world. The revolutionary high-speed information delivery capabilities and the practical serial production of technological and innovative devices have created a field of new opportunities and new challenges for the elites not only of those countries that are actively involved in the development of the new economic format, but also of the entire global world. At the same time, the accessibility/inaccessibility of innovations for the mass consumer actualizes the problems associated with social differentiation. The consumerization of new technologies that change the familiar society and, possibly, in the near future, capable of modifying the human body, force researchers to increasingly turn to the ethical side of the issue, as well as actualize problems related to the identification systems of society and the identity of the individual. As an object of research, the article analyzes technological achievements with the most noticeable impact on modern processes in society, as well as their indirect effect on the identity system of the elites.

Keywords

Information Society; Technologization; Digital Elites; Mass Culture; Neural Networks; Social Identity

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License

Идентичность цифровых элит в условиях новых вызовов информационно-технологической эпохи

Дрягалов Вячеслав Сергеевич

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия.
Email: helios82[at]yandex.ru ORCID: 0000-0001-5441-6966

Аннотация

Настоящий прорыв технологий, случивший в XX веке и, по принципу цепной реакции, продолжающийся до сих пор, породил для социума целый ряд новых вызовов и, что логично, привнес некоторую сумятицу в привычные идентификационные ценностные системы, сформированные обществами в процессе социального генезиса и эволюции. Революционные изменения затронули не только сферу технологических инноваций, но и развитие коммуникационных и информационных систем, что повлияло на базовые институты социума и внесло коррективы в привычную картину мира. Ускорение темпов передачи информации и практическое серийное производство технологических и инновационных устройств создали поле новых возможностей и новых вызовов для элит не только тех стран, которые активно участвуют в развитии новой экономической формации, но и всего глобального мира. При этом доступность/недоступность новшеств для массового потребителя актуализирует проблемы, связанные с социальной дифференциацией. Консьюмеризация новых технологий, изменяющих привычный социум и, возможно, в ближайшем будущем способных модифицировать тело человека, заставляют исследователей всё чаще обращаться к этической стороне вопроса, а также актуализируют проблемы, связанные с идентификационными системами социума и идентичностью индивида. В качестве объекта исследования в статье анализируются технологические достижения с наиболее заметным влиянием на современные процессы в социуме, а также их опосредованное воздействие на систему идентичности элит.

Ключевые слова

информационное общество; технологизация; цифровые элиты; массовая культура; нейросети; социальная идентичность

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблемы формирования систем идентификации социума и идентичности индивида становятся всё более обсуждаемыми и значимыми для современного общества. Это связано, в первую очередь, с ростом различного рода искажений, проявляющихся под влиянием ускорения социокультурных и технологических изменений, приводящих к зыбкости жизненных ориентиров. В цифровой реальности современного информационного общества масштаб и скорость развития технологий, доступных массовому обществу, превзошли все предшествующие в истории технологические революции. Скоростные формы передачи информации, способы и средства коммуникации, ставшие неотъемлемой частью повседневности индивида, начинают определять поведенческие модели, интересы и способы удовлетворения потребностей, ценностную картину мира, формируя, в конечном счёте, новые маркеры идентичности.

Технологический прогресс, его мировоззренческие, социокультурные и этические следствия также оказывают системное воздействие на трансформацию идентичности элит, на представителей которых, в современных условиях цифровой реальности, возложена важная миссия, связанная с выработкой новых подходов к оценке благ и рисков, которые несут процессы интеграции в жизнь социума различных био- и техноулучшений вплоть до «машинного разума» нейросетей.

Неопределённость последствий для будущего интенсивности развития технологий, обученных трансформации под запросы индивида, вследствие чего, трансформирующих индивида и влияющих на его интеграцию с реальным обществом, подводит к проблеме формирования элитой периметра защитных идентификационных маркеров, определяющих сосуществования технологий и человека. На ведущие позиции выходит задача поиска философских оснований взаимодействия человека и технологий, с учётом уже имеющихся интеграций, а также определения концептуальных оснований устойчивого развития человека в ускоряющемся потоке неизбежных трансгрессий и трансформаций.

Методология

Теоретико – методологической основой исследования на социально – философском уровне выступает общий принцип взаимосвязи общественного бытия и индивидуального сознания; принцип единства биологического и социального в человеке.

В рамках работы применялись классические методы исследования: сравнительный анализ, восхождение от конкретного к абстрактному. Также

использовались междисциплинарные методы, получившие начало в областях инжиниринга и экономики, но адаптированные для нужд социальной философии. К таковым относятся: прогнозирование трендов, сценирование, сценарный анализ и стратегический анализ (В.Г. Горохов, С.Б. Переслегин, М.А. Розов, В.М. Розин, С.А. Смирнов, Г.А. Тульчинский, С.С. Хоружий и др.).

Частично использовался метод кейс-стади, позволяющий использовать актуальные ситуации в целях обобщения и иллюстрирования позиций, принципиальных для исследования.

Вызовы информационного общества

Для системы идентичности глобального человечества, по нашему мнению, наиболее значимыми с точки зрения влияние на ближайшее будущее являются два ключевых события. Первое произошло в 1983 году, было связано с запуском глобальной компьютерной сети Интернет (Internet) и ознаменовало новый этап в развитии информационного общества. Пытаясь определить теоретический смысл понятия «информационное общество», социологи второй половины XX в. выделяли следующие базовые характеристики социальной организации информационного типа: определяющим фактором общественной жизни становится научное знание, вытесняющее ручной и механизированный труд, как фактор создания стоимости товаров; информация начинает выполнять и постепенно замещать функции капитала.

Активное внедрение WWW (WorldWideWeb) – Всемирной паутины в массовый пользовательский сегмент привело к очередному витку социального неравенства, подстегнув элиты к поиску новой системы идентификации в меняющемся мире. Одними из основных идентификатов– маркеров идентичности – социума информационной эпохи были определены: уровень знаний индивида в области использования компьютерных систем, доступ к интернету, умение быстро находить и использовать информацию. Таким образом, Деление на «имущих» и «неимущих» приобрело принципиально новый характер: привилегированный слой образуют информированные, в ту пору как неинформированные – это «новые бедные». Результатом борьбы и разрешения конфликтов является развитие новых и упадок старых социальных институтов [Лиотар, 1998, стр. 8]. Не столько очаг конфликта перемещается из экономической сферы, в сферу культуры, сколько последняя становится средством разрешения экономических конфликтов. Непривилегированные борятся за доступ к разнообразной информации, которая является ресурсом для улучшения их положения в обществе. В более краткой форме эту мысль изложил Стюарт Бранд: «Информация хочет быть свободной»[Бранд, 5.11.2018]. Брюс Стерлинг, в свою очередь, назвал две причины, почему информация к этому стремится: «1) технологии ее хранения и распространения освободились от большинства прежних физических ограничений; 2) трудно заставить людей за нее платить»[Стерлинг, 2005, стр. 47]. В современных реалиях, когда новая

информация ничем не ограничена, но уже никем и не проверена, она постепенно утрачивает свой ценностный смысл. В условиях доступа по клику или тапу по экрану смартфона ко всем ведущим новостным мировым лентам – этаким суперскоростным информационным трассам, интерес масс к постоянному доступу к новой информации постепенно утрачивается и замещается постоянным доступам к аудио, видео, игровому контенту и социальным сетям. Поскольку тема элитизации в социальных сетях – тема отдельного большого исследования, отметим только элементы проявления очередной социальной дифференциации, а именно: деление на тех, кто создаёт контент и тех, кто его потребляет.

Не стоит забывать и о новых технологических инновациях, также активно использующих информационные возможности интернета – на смену очередной не очень удачной попытке интеграции пользователей в виртуальную реальность, пришли более осязаемые проекты: производствоцифровой валюты и использование возможностейнейросетей. В первом случае, социальное разделение происходит по принципу: имеющие биткоин или его аналог или не имеющие, во втором, возможности для отделения элиты от массовых пользователей ещё вариативнее, но вывод делать ещё рано, что связано с этапом активного тестирования потенциала обучаемых нейросетей. При этом можно выделить тренд, который также нуждается в исследовании: нейросети обучаются на информации, выложенной в сеть, а пользователи массово потребляют контент, который уже некоторое количество времени активно создаётся с помощью вычислительных возможностей нейросетей. Как показывает реальность – и майнинг и нейросети - это очень энергозатратные проекты, которые потребляют ресурсы электросетей, ускоряя их износ, и могут приводит к сбоям инфраструктуры уже в реальном социуме. Именно поэтому правительство ряда стран, оценив проблемы в перспективе, начали вводить регуляторные меры для корпораций и стартапов, занимающихся практическим развитием указанных выше проектов.

Теперь будет уместным выделить ещё один важный фактор информационного общества, а именно его новая «интеллектуальная» инфраструктура; компьютерная техника вытесняет все другие. В целом современная цифровая реальность состоит как бы из нескольких контуров. Первый контур – это физическая инфраструктура: компьютеры, серверы, дата – центры, оптоволоконное оборудование, источники энергии – всё то, что формирует видимую часть мировой сети. Этот контур контролирует финансовая и технологическая элита, в основном состоящая из генеральных директоров и крупных инвесторов, которых некоторые исследователи относят к цифровой элите. Несмотря на то, что они принимают решения о будущем презентуемых им инвестиционных цифровых проектах, в целом управление интернетом осуществляют представители уже второго контура: креативные

директора, менеджеры проектов, программисты, дизайнеры - интеллектуальная элита, формирующая понятное пользователям пространство цифровой ойкумены. Представители данного контура – ответственные за бесперебойное функционирование цифровой части мировой сети, несомненно, не просто представители цифровой элиты – они её авангард, её инженеры, её творцы. Представители третьего, самого обширного контура – авторы и создатели информационного контента, с которым взаимодействуют интернет - пользователи – тоже относятся к цифровой элите. Их уровни влияния могут различаться, но объединяет их одно: это социальные инженеры с ограниченным правом доступа. Они могут творить в цифровом пространстве, но не имеют возможности менять его цифровые настройки и параметры. Несмотря на это, именно представители третьего контура оказывают существенное влияние на культурные и социальные процессы, на мнения и предпочтения индивидов, поскольку формируют и контролируют качественные параметры информационных потоков. Располагая ресурсной базой для создания и тиражирования ценностей, идей, образов, смыслов, как системы ценностных ориентиров, они прямо или опосредованно влияют на стиль жизни, стереотипы, модели поведения пользователей и воздействуют на механизмы идентификации.Именно с помощью представителей цифровых элит третьего контура социальная организация и информационные технологии образуют симбиоз. Общество вступает в «технетронную эру» [Лактионов, 2004, стр. 357], когда новым методом освоения социального пространства становится технологизация.

Технологизация общества

Теоретической основой технологизации социальных процессов считается эмпирический опыт и закономерности, открытые социальными науками. Карл Поппер трактует социальную технологию как способ применения теоретических выводов социологии в практических целях. [Поппер, 1992, стр.140]. А по Карлу Манхейму, социальная технология – это система научно обусловленных социальнополитических акций, призванных рационально регулировать конкретные социальные процессы. [Манхейм, 1994, стр. 278]. Согласно К. Манхейму, современному обществу угрожают две крайности – полная дезинтеграция (анархия) ценностей, когда каждый живет только по собственным жизненным установкам, или тоталитарная регламентация общественной жизни (диктатура), когда интеграция ценностей общества достигается за счет подавления индивидуального начала. Социальная технология же, как считает ученый, предполагает такой вид социального контроля, который бы делал возможной «демократическуюсаморегуляцию» общества на новом более высоком уровне осознания и целенаправленной организации. Следовательно, социальная технология – оптимальная система средств воздействия и активизации освоения человеком совокупности знаний,

норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества.[Манхейм, 1994, стр.278].

Используя социальные технологии, как модель функционирования информационного технологического общества, можно отметить, что житель/пользователь современного цифрового пространства (Интернет) всё время находится в рамках симулятивных социальных систем моделируемого типа. При этом, системы такого типа берут своё начало в реальности, но аналоги, функционирующие в реальности, в отличии от симулятивных, имеют чётко очерченные границы изменения которых невозможны и контролируются представителями созидающей элиты на всём этапе функционирования. К указанным системам можно отнести целенаправленные системы, возникающие и функционирующие на базе совместной деятельности людей, преследующих общие цели и интересы. Подобные системы характеризуются нормативным (или ценностно-нормативным) способом регуляции как внутренних, так и внешних связей. Отношения внутри систем и между ними институционально закреплены и определенным образом регламентированы при помощи правовых и иных норм, правил, соглашений. Системы моделируемого типа обладают вполне определенными конструктивными возможностями и ограничениями. Они не могут быть использованы в иных, не предусмотренных исходным проектом (уставом, положением), целях без нанесения им серьезного ущерба. Радикальная перестройка этих систем возможна лишь на основе научно обоснованного проекта и с учетом логики их развития.

Симулятивные социальные системы моделируемого типа, как например, чаты, форумы, социальные сети (на заре их развития), игровые онлайн миры несмотря на огромное количество пользователей, число которых постоянно возрастаетпри помощи внедрения в социум всё более новых и мощных технологических гаджетов, имеют некоторые схожие черты, но не отличаются высокой стабильностью, что и вызывает определённую озабоченность. Ставшие уже привычными постоянные трансграничные переходы из реальности в интернет – симулятивную социальную систему моделируемого типа, не всегда оказываются столь безобидны и статистика трангрессивных последствий от таких погружений и всплытий постепенно накапливается, начинает систематизироваться, и некоторые повторяющиеся расстройства, вызванные частой сменой реальностей, уже начинают относиться к социальным фобиям, а носители расстройств подвергаются определённым ограничениям. Несомненно, здесь определённую роль сыграли и продолжают играть исследования идентичности личности, которые стали активно вестись в XX веке психиатрами и психологами и были связаны с реальными физическими угрозами, которые исходили от пациентов с расстройствами личности (речь идёт о раздвоении и зафиксированных случаях мультиличностей).

В целом, современная культурная ситуация создаёт предпосылки к наличию мультидентичностей у индивида в силу того, что возросло количество социальных ролей, в которые приходится встраиваться индивиду. Несомненно, что на эти процессы оказывает влияние и технологизация общества.

Технологизация – это необходимое продолжение производственной, «технической» технологии, определяющей требования к материалу, процессу, операции и человеку с точки зрения социально-профессиональных, социально-демографических, психофизиологических характеристик и социокультурных потребностей и возможностей их удовлетворения.

Следует отметить, что технологии всегда были разделяющим рубиконом не только между элитой и массой, но и целыми цивилизациями и государствами. Настоящий прорыв технологий, случивший в XX веке и, по принципу цепной реакции, продолжающийся до сих пор, породил для социума целый ряд новых вызовов и, что логично, внёс некую суматоху в привычные идентификационные ценностные системы, сформированные элитами в процессе социального генезиса и эволюции. Активное внедрение Всемирной паутины в сегмент массового использования, значительно сократило путь от научно - исследовательской идеи до прототипа, за счёт возможности привлечения частных инвестиций. А внедрение системы электронной торговли обеспечило практически массовый доступ к новым технологическим продуктам и услугам во всех открытых для общества сферах. Суть конгломерата быстро растущего рынка технологий и доступности информации во всемирной паутине довольно точно отметил в интервью один из руководителей сети гостиниц «HarriottInternational»: «Теперь любой человек в любой точке земного шара, сидя за компьютером, может легко прочитать проспекты Harriott» [Быстров, 2006, стр. 72]. Вполне возможно, что такая доступность информации, и запустила у элиты цифровой эпохи тренд на изменения, которые, в силу удешевления технологий и продолжающегося притока капитала постепенно становятся доступными представителям средних классов и не только. Сначала это были эксперименты с внешностью, видимыми физическими улучшениями тела и трансгрессивными сменами гендерной принадлежности. И здесь мы бы хотели отметить второе ключевое событие для ближайшего будущего человечества, которое произошло в феврале 2001 года, когда Международный консорциум по исследованию человеческого генома опубликовал развернутую генетическую карту хромосом человека. Как отмечает Брюс Стерлинг «Homosapiens вступил в ряды существ с изученной последовательностью генов, вслед за тридцать одной бактерией, одним грибом, двумя животными и одним растением»[Стерлинг, 2005, стр. 72]. Далее он продолжает: «Биотех принципиально отличается от своих старших родственников – крупных, зримых, лязгающих отраслей промышленности. Это не тяжеловесная, закованная в броню доспехов технология, подобная ядерной

энергетике, исполинской и страшно далекой. Это не полет в космос – выдающееся событие где то на орбите, происходящее под наблюдением целой армии экспертов. Генетика интимна, насколько только может быть интимна технология. С ней нельзя обращаться так, как жители XIX XX веков обращались со своими машинами. Биотех индустриализирует саму жизнь, нас самих»[Стерлинг, 2005, стр. 72]. Генезис биотеха, количество стартапов и профильных технологий, доступных только элитам или частично уже и массовому пользователю – это отдельная, альтернативно развивающаяся история человечества, которая может привести к глобальным изменениям самого вида HomoSapiens, не говоря о его самости, самоидентификации и идентичности. Конечно, упоминая биотех нужно коснуться и опытов с чипированием, а также проводимых лабораториями Илона Маска опытов с передачей информации и управлением объектами по принципу закрытого интерфейса: мозг – объект передачи информации. Эти исследования занимают промежуточное положение между достижениями биотеха, развитием цифровой реальностью и нейросетей, но также могут привести к значительным изменениям в сложившемся социуме. При этом, вполне возможно, что привычные абрисы реальности начинают меняться уже сейчас. В частности, в Кремниевой долине набирает обороты новая тенденция – генетическое тестирование эмбрионов с целью отбора будущих детей по прогнозируемому IQ [Генетическая каста, 13.08.2025]. Одним из идеологов направления стал математик Цви Бенсон-Тилсен, ранее изучавший способы предотвращения угрозы от передового искусственного интеллекта. Признав, что остановить ИИ в ближайшей перспективе вряд ли возможно, он сосредоточился на идее выращивания «более умных людей», которые смогут справиться с технологическими вызовами. По мнению Бенсон-Тилсена, основателя некоммерческого проекта BerkeleyGenomicsProject, повышение ожидаемого IQ ребёнка при отборе эмбрионов может быть одним из эффективных инструментов. В качестве причин он называет следующие факторы: для частных садов необходимы результаты тестов на IQ; готовность родителей, из поколения цифровых и технологических элит, пробовать новое очень высока, поэтому вопросы этических противоречий не поднимаются[Генетическая каста, 13.08.2025]. Услуги по генетическому прогнозированию когнитивных способностей предлагают стартапы Nucleus Genomics и Herasight. Первое тестирование стоит около $6 тыс., второе – до $50 тыс. Некоторые клиники уже публично предлагают отбор эмбрионов по вероятности высокого интеллекта, наряду с проверкой на генетические риски заболеваний. У сторонников такого подхода есть свои аргументы – это стартовые преимущества для ребёнка. При этом биоэтики предупреждают об угрозе формирования «генетической касты» богатых. А по мнению профессора Стэнфорда Хэнка Грили, всё происходящее напоминает сюжет антиутопии, где обеспеченные семьи создают сверхразумную элиту[Генетическая каста,

13.08.2025]. При этом отдельная группа рационалистов в Беркли связывает идею «умных детей» с безопасностью ИИ. По их мнению, только представители более интеллектуальных элит смогут создать или контролировать искусственный интеллект, соответствующий базовым человеческим ценностям.

Подводя некий промежуточный итог небольшого исследования современной реальности, нужно отметить, что основные информационные и технологические ускорители, играют определяющую роль для современного общества. Именно они формируют актуальные водоразделы между современной цифровой и технологической элитой и массовым пользователем и потребителем услуг. Несомненно, в форватере изменений социума находятся представители новой элиты. Кевин Харт так описывает представителей новых привилегированных слоёв: «Успешные, молодые, сохраняющие, когда молодость уходит, способность изменяться. Это профессионалы, чья жизнь всё больше связана с Интернетом и электронной почтой, активные потребители образов, способные переживать жизнь как игру». [Харт, 2006, стр. 45]. На формирование их идентичности оказывают большое влияние и технологические перспективы, которые открываются с созданием каждого нового перспективного биотехстартапа. Уже сейчас становится понятно, что биологическая форма человеческого существа не является неизменной и поскольку она была иной в прошлом, то возможна её трансформация и в будущем.

Выводы

Неопределённость последствий для будущего интенсивности развития технологий, с учётом уже имеющихся доступных интеграций, делает актуальными вопросы о сохранении первоначальных биологических основ и родовой сущности современного человека, которые нельзя рассматривать в отрыве от проблемы сохранения ценностных основ идентичности в условиях развития цифровых пространств и ускоряющегося технологического прогресса.

В перспективе, это может привести через несколько поколений к частичной кибернизации человеческих организмов, что имеет возможность стать и некоей новой нормой у элиты, чьи представители облечены властью и богатством. Уже сейчас озабоченность ряда исследователей всё чаще касается вопросов, связанных с системами социальной идентификации и персональной идентичности. С одной стороны, новые биотехнологии функционируют с целью сохранение самости «Я», его гиперулучшения, а не его уничтожения. С другой, если некоторые представители человеческого вида помнят, мыслят, дышат и живут, благодаря микрочипам и генной терапии, то, встаёт закономерный вопрос: можно ли утверждать, что они сохранили свою подлинную человеческую и социальную идентичности? Несомненно, этот

вопрос волнует большинство исследователей-гуманитариев уже сейчас и, несомненно, будет волновать, как минимум, и в ближайшем будущем. На данный момент можно фиксировать ситуацию, при которой большинство имеющих возможность изменить реальность технологий находятся стадии закрытого тестирования. Частичные информационные утечки об этих технологиях становятся поводом для моделирования будущего, негативные сценарии которого, вполне возможно, оставляют эти технологии в статусе прототипа, то есть Чужого, не запуская процессы перехода в статусы Другой/Иной и тем более Свой. Это позволяет делать выводы, что элиты продолжают контролировать периметры идентификационных системы социума, главной целью которых является стабильность ценностных маркеров идентичности общества. При этом, наблюдается ещё одна устойчивая тенденция, государства берут на себя функции регулятора цифрового пространства, выстраивая защитные барьеры от информационных симулякров и усиливая контроль над симулятивными социальными системами моделируемого типа. В силу указанных наблюдений можно сделать вывод, что фронтирный этап в области хаотичного развития информационного пространства постепенно уходит в прошлое и на его место приходят реалии обжитого виртуального пространства, контролируемые новыми элитами цифровой эпохи при непосредственно государственном контроле.

Список литературы

Бранд С. Берите даром: будущее современного бизнеса. 5.11.2018. URL: https://vk.com/wall-139315008_362893?ysclid=mfs824v624425701110

Быстров С.А. Финансовый менеджмент в туризме. М.: Герда, 2006.

Генетическая каста будущего: Мировая элита продает «сверхразумных» детей на стадии эмбриона. 13.08.2025. URL: https://www.securitylab.ru/news/562385.php

Лактионов А. Информационное общество // Сб. М.: ООО «Издательство И74 АСТ», 2004. С. 355–426.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998.

Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 278.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

Стерлинг Б. Будущее уже началось: Что ждёт каждого из нас в XXI веке? М.: У–Фактория, 2005.

Харт К. Постмодернизм / пер. с англ. К. Ткаченко. М.: ГРАНД; Фаир-Пресс, 2006. 261 с. ISBN 5-8183-1031-0.

References

Brand, S. Take It for Free: The Future of Modern Business. 05.11.2018. URL: https://vk.com/wall-139315008_362893?ysclid=mfs824v624425701110 (in Russian).

Bystrov, S. A. Financial Management in Tourism. Moscow: Gerda, 2006. (in Russian).

The Genetic Caste of the Future: The Global Elite Sells "Superintelligent" Children at the Embryo Stage. 13.08.2025. URL: https://www.securitylab.ru/news/562385.php (in Russian).

Laktionov, A. Information Society. In: Collection. Moscow: I74 AST Publishing, 2004, pp. 355–426. (in Russian).

Lyotard, J.-F. The Postmodern Condition. Moscow; St. Petersburg: Institute of Experimental Sociology, Aletheia, 1998. (in Russian).

Mannheim, K. Man and Society in the Era of Transformation. In: Mannheim, K. Diagnosis of Our Time. Moscow: Yurist, 1994, p. 278. (in Russian).

Popper, K. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1: The Spell of Plato. Trans. from English; ed. by V. N. Sadovsky. Moscow: Phoenix; International Fund "Cultural Initiative," 1992. 448 pp. (in Russian).

Sterling, B. The Future Has Already Begun: What Awaits Each of Us in the 21st Century? Moscow: U-Faktoria, 2005. (in Russian).

Hart, K. Postmodernism. Trans. from English by K. Tkachenko. Moscow: GRAND; Fair-Press, 2006. 261 pp. ISBN 5-8183-1031-0 (in Russian).

Scientific life. To the Anniversary of Ponedelkov Alexander Vasilyevich | Научная жизнь. К юбилею Понеделкова Александра Васильевича

23 июля 2025 года исполнилось 80 лет со дня рождения ведущего российского элитолога профессора, доктора политических наук, действительного члена Российской академии политических наук Александра Васильевича ПОНЕДЕЛКОВА.

Александр Васильевич вошел в историю отечественной элитологиче-ской науки и как глубокий научный теоретик (автор научных статей и моно-графий), и как великолепный организатор научного процесса (круглых сто-лов, конференций, конгрессов), и как талантливый педагог-преподаватель высшей школы.

С 1988 годаработает в Южно-Российском институте управления.В настоящее время является заведующим кафедрой политологии и этнополити-ки Южно-Российского института - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Профессор А.В. Понеделков – автор более 700 научных трудов, вклю-чая 19 монографий и 15 учебных пособий. Его индекс Хирша по публикаци-ям в РИНЦ составляет 28. Под его руководством защитили диссертации 108 человек, из них 18 стали докторами политических наук и 90 – кандидатами политических наук.

Вместе с профессором Г.К. Ашиным он стоял у истоков создания отечественной политической элитологии, посвятив всю свою жизнь развитию этой научной дисциплины. Его научный вклад и авторитет трудно недооценить Он слишком заметная в научном мире фигура. Он сам по себе является элитой.

Александр Васильевич стал основоположником ростовской элитологической школы, признанной во всей России и известной за её пределами. В центре её внимания – развитие административно-политических элит, проблемы геополитической безопасности, коррупции, подготовка кадров... Организованные им на регулярной основе эмпирические элитологические исследования, дали широчайший срез состояния российских политических элит 1990 – 2020 гг.

Как организатор научной жизни, Александр Васильевич выступил инициатором и руководителем четырех проведенных на базе ростовской научной школы Элитологических Конгрессов с международным участием (2013, 2016, 2019, 2022 гг.). Конгрессы сыграли свою конструктивную роль в развитии российской элитологической науки, упрочили академическую мобильность, создали единое научно-информационное пространство. Они стали важным этапом в социализации элитологии как гуманитарной науки.

Активная научно-педагогическая деятельность Александра Васильевича отмечена многими наградами и званиями:

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,

нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»;

орден Дружбы,

орден «За заслуги» (Республика Ингушетия);

медаль «За заслуги перед Чеченской Республикой»,

медали «За выдающийся вклад в развитие Кубани» I и II степени,

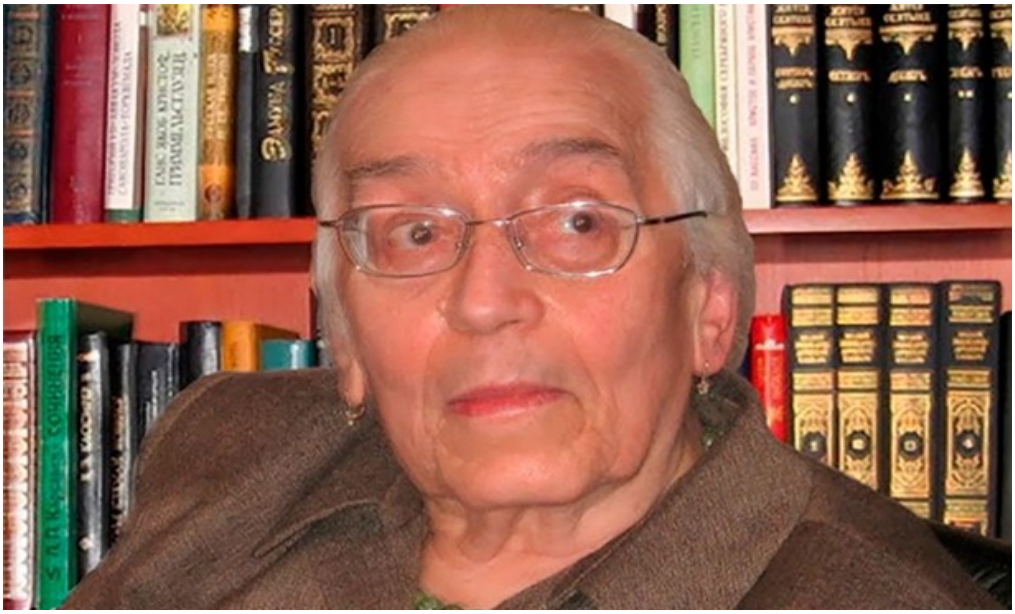
медаль «За заслуги перед Ставропольским краем»,

является заслуженным деятелем науки республик Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесии и Чечни.

Александр Васильевич Понеделков входит редколлегии многих научных журналов, в том числе и нашего. Редакция журнала «Вопросы элитоло-гии» от всей души поздравляет юбиляра и желает ему здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов.

Редакция

In Memory of Takho-Godi Aza Alibekovna (26.10.1922 – 08.09.2025) | Памяти Тахо-Годи Азы Алибековны (26.10.1922 – 08.09.2025)



8 сентября 2025 года на 103 году в Москве ушла из жизни А́за Алибе́ковна Та́хо-Го́ди – знаменитый советский и российский филолог-классик, философ, переводчик, доктор филологических наук, Заслуженный профессор МГУ, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Заслуженный деятель науки Республики Дагестан. Лауреат премий Андрея Белого и Александра Солженицына. Спутница жизни и духовная дочь великого русского философа и филолога А.Ф. Лосева (1893–1988), хранительница его наследия. Оба эти ученые, безусловно, входят в научную и культурную элиту нашей страны.

Аза Алибековна родилась в Махачкале. После окончания школы была принята в Московский индустриально-педагогический институт имени Карла Либкнехта, в 1943 году слитый с Московским государственным педагогическим институтом им. В. И. Ленина. Филологический факультет последнего она окончила в 1944 году; после чего поступила там же в аспирантуру по отделению классической филологии. К профессору А.Ф. Лосеву Тахо-Годи была прикреплена для изучения древнегреческих авторов, стала его ученицей и близким другом семьи Лосевых – Алексея Фёдоровича и его супруги Валентины Михайловны.

В 1949 году в Московском университете А.А. Тахо-Годи защитила кандидатскую диссертацию, а в 1959 году в Институте мировой литературы -

докторскую диссертацию. Обе диссертации были посвящены Античности. По совместительству в 1957–1987 гг. читала курс античной литературы в Литературном институте Союза писателей СССР имени А.М. Горького. С 1962 по 1996 год заведовала кафедрой классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

С 1977 г. председатель спецсовета по защите диссертаций (классическая филология) на филологическом факультете МГУ. Подготовила более 20 кандидатов наук. Член редакционной коллегии серии книг «Библиотека античной литературы», выпущенной издательством «Художественная литература». С 1997 г. член ПЕН-клуба, член его Почетного Президиума.

Как председатель культурно-просветительского общества «Лосевские беседы» инициировала создание в Москве на старом Арбате в доме, где жил А. Ф. Лосев, Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», где хранится книжное собрание А.Ф. Лосева и работает мемориальный музей, посвящённый его жизни и творчеству.

Научные интересы тесно связаны с античной литературой в её эстетическом и философском аспекте, с терминологическими исследованиями; изучением жанров и стилей, античной риторики, греческой мифологии, рецепции античности в русской литературе, типологии античной культуры.

Аза Алибековна автор более 800 публикаций, 300 научных работ. Она редактор и автор учебника «Античная литература» (1963), выдержавшего ещё восемь изданий в России (последнее – в 2013 году) и переведённого на несколько языков. Под редакцией и с комментариями А.А. Тахо-Годи вышло полное собрание сочинений Платона на русском языке (1990 – 1994). Автор ряда монографий. Кроме того, она автор более трёхсот статей для энциклопедии «Мифы народов мира» (1980–1982, 1987–1988). Автор Православной энциклопедии. Вела издательскую деятельность по публикации трудов А. Ф. Лосева. Автор биографии А. Ф. Лосева в серии «ЖЗЛ» (первое издание – 1997; 2-е дополненное и исправленное – 2007).В 2009 году вышли в свет мемуары А.А. Тахо-Годи «Жизнь и судьба: Воспоминания» в серии «Близкое прошлое».

За свои научные достижения и гражданскую активность Аза Алибековна была удостоена многих наград и отличий.

Отмечена Серебряной медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии» (2011).

Награждена Почётной грамотой Президента Российской Федерации (2015). Имеет звание «Почётный житель Арбата г. Москвы».

- Орден Почёта (27 февраля 2023).
- Почётная Грамота Президиума Верховного Совета РСФСР.
- Медаль «Ветеран труда».

• Благодарность Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2022).

• Премия Андрея Белого (2022, в единственной номинации — «За заслуги перед русской литературой»)

• Премия Александра Солженицына (2022)

• Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1998)

• Заслуженный деятель науки Республики Дагестан (2012)

• Орден равноапостольной княгини Ольги 1 степени (2022)

• Орден Святой преподобной Евфросинии, Великой княгини Московской 1 степени (2012).

Имя Азы Алибековны Тахо-Годи золотыми буквами навсегда будет вписано в мировую и русскую науку и культуру в целом и в русскую элитологию культуры, в частности.

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: elitologyjournal[at]gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2024 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise “Genesis. Frontier. Science”

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: elitologyjournal[at]gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2024 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415